

★
На боевом посту

ЖУРНАЛ

50

5'90

ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

**ТЕБЕ НЕ ПОТУСКНЕТЬ В ВЕКАХ,
МИР ВОЗРОДИВШАЯ ПОБЕДА!**

на боевом посту

БП

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

ОРГАН ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД СССР

5'90

Издается с 1958 г.

Главный редактор
А. Г. ГОРЛОВ.

Редакционная
коллегия:

В. В. АСТАШИН,
В. В. БАРСУКОВ,
Б. Р. БОРУКАЕВ,
В. И. БУСЫГИН
(ответственный
секретарь),
Ю. В. ДУРНЕВ,
Н. М. ЗАХАРЧЕНКО,
А. П. КОТЛЯРОВ,
И. Т. КОЗЛОВ,
В. Ф. КУЗЬМЕНКО,
Г. А. МАЛЮШКИН,
Е. А. НЕЧАЕВ,
Л. А. ПАНКРАТОВ,
Л. Н. ПЕЧЕВОЙ,
Ю. Л. РАЖЕВ
(зам. главного
редактора),
А. С. СОКК,
П. А. СТУДЕНИКИН,
В. Н. УСКОВ
(зам. главного
редактора),
В. А. ШОШИН.

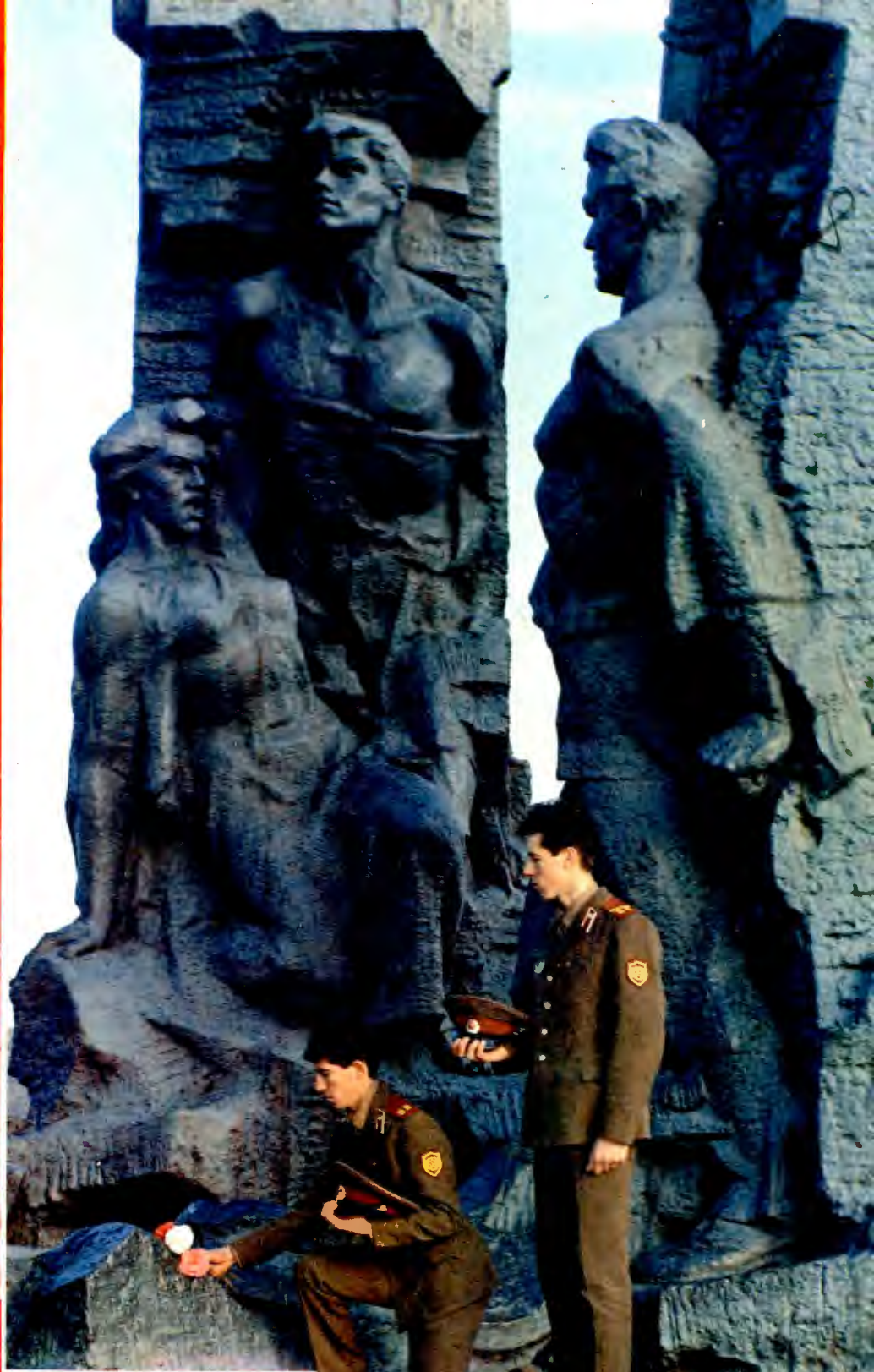
НА СНИМКАХ СПРАВА:
"...Это праздник с сединой
на висках".

Фото

А. АЛЕКСАНДРОВА.

НА ЗЕМЛЕ МОЛОДОГВАРДЕЙЦЕВ

ФОТОРАССКАЗ Р. РЯЗАНОВА

Они ушли в бессмертие молодыми, оставив потомкам бесценное наследство — несгибаемое мужество, горячую любовь к Родине, способность к самопожертвованию во имя ее свободы и независимости. От такого наследства не отказываются.

Преемственность. У этого понятия, как у не сломленного бурей дерева, глубокие корни и рвущаяся ввысь крона. Сегодняшняя молодежь, выполняющая свой воинский долг, благодарно чтит память героев.

На снимках:

■ Занятие по тактической подготовке в поле. На переднем плане — командир роты старший лейтенант А. Казанов.

■ Каждое посещение музея «Молодая гвардия» — это незабываемый урок мужества, урок патриотизма.

■ Уверенно выполняет свои обязанности часовая-оператор рядовой А. Ибрахимов.

■ С большим вниманием слушают воины рассказ прапорщика Елены Юркиной о ее отце — в годы Великой Отечественной войны юном подпольщике Радике Юркине.

НА ЗОВ БЕДЫ

Боевые награды — орден Красной Звезды на груди рядового Вячеслава Козлова и медаль «За отвагу», которой удостоен рядовой Николай Косотов, — заслуженная оценка мужественных и умелых действий воинов в экстремальных условиях. Они всегда в числе первых откликаются на зов беды.

СВЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

**ГЕНЕРАЛ АРМИИ
Н. Г. ЛЯЩЕНКО — ИЗВЕСТНЫЙ
ВОЕНАЧАЛЬНИК.
ОН ВЫПОЛНЯЛ
ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ ДОЛГ
В ИСПАНИИ, КОМАНДОВАЛ
ДИВИЗИЕЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.
В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ
ЗАНИМАЛ ОТВЕТСТВЕННЫЕ
ПОСТЫ В ВООРУЖЕННЫХ
СИЛАХ. В КАНУН 45-ЛЕТИЯ
ПОБЕДЫ НАШ
КОРРЕСПОНДЕНТ ВСТРЕТИЛСЯ
С НИКОЛАЕМ ГРИГОРЬЕВИЧЕМ
ЛЯЩЕНКО.**

— Товарищ генерал армии, фронтовикам забываемы последние дни войны. Где их встретили вы, каковы были ваши чувства, ощущения!

— Вверенная мне дивизия тогда сражалась за Данциг (ныне Гданьск). Время это памятно ожесточенными боями, жертвенностью наших солдат и офицеров, особенно коммунистов. Хорошо помню подвиг секретаря партийного бюро 286-го Выборгского Краснознаменного полка капитана Ивана Лаптева. На противоположном берегу канала фашисты прижали к срезу воды переправившихся бойцов. В критическую минуту боя офицер взял командование на себя. Хорошо понимая, что лежать под огнем — значит нести неоправданные потери, он поднялся в атаку. Его примеру последовали солдаты. Пехотинцы ворвались в траншею врага. Завязалась рукопашная схватка. Длилась она недолго. Фашисты дрались остервенело, с какой-то особой ожесточенностью. В плен никто не сдавался. Смертельно ранен был капитан Лаптев. Истекая кровью, протянул руку в направлении второй траншеи врага.

— Ребята, не давайте передыху фрицам! Вперед к победе! — Так и замер навсегда отважный советский офицер с вытянутой вперед рукой.

Энтузиазм в войсках был колоссальный. Все были одержимы одной мыслью — быстрее добить фашизм в его логове.

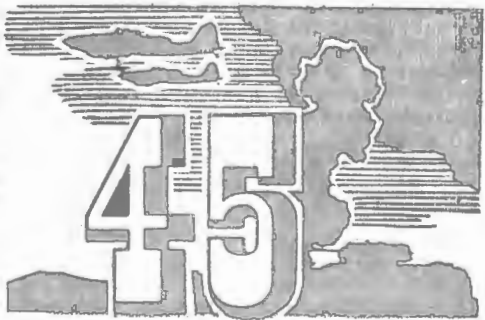
И нынешние нигилистические рассуждения некоторых историков и публицистов, естественно, не нюхавших пороха, о большой крови нашей победы, о переоценке той исторической ситуации просто несостоятельны. Фашизм был силен и опасен до последнего своего вздоха.

— Но вместе с тем при анализе временных наших неудач нельзя не учитывать тот факт, что перед нападением на СССР гитлеровцы надеялись на триумфальное шествие по советской земле, а встретили на ней ожесточенное сопротивление.

— Верно. Каждый метр фашистской военной машины давался с трудом. Организатором и вдохновителем отпора стала Коммунистическая партия. Она в программном документе — директиве СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. призвала всех советских людей к беспощадной борьбе с врагом, отстаивать каждую пядь земли. Коммунисты цементировали ряды бойцов, везде находились на острие атак. В самых трудных боях, в самых, казалось бы, безвыходных ситуациях раздавался клич: «Коммунисты, вперед!»

Почти три миллиона членов и кандидатов партии отдали свою жизнь во имя победы. Не случайно среди 11600 Героев Советского Союза они составляют почти три четверти.

— Нынешнее поколение молодежи мало что знает о вкладе внутренних войск в дело победы над немецко-фашистскими захватчиками. Отдельные средства массовой информации эту роль сводят лишь к карательным функциям, к действиям так называемых заградотрядов. Что вы можете об этом сказать!

— К сожалению, нынешние оценки новоявленных «историков» настолько порой безответственны и однобоки, что диву даешься. И это, конечно, не плюрализм, а самое настоящее охаивание Вооруженных Сил, их видов и родов войск. Немало пены и в освещении роли внутренних войск на фронтах Великой Отечественной войны.

Истинные историки знают, что приграничные гарнизоны войск НКВД первыми приняли на себя массированный удар фашистских войск. Об этом писала «Правда» 24 июня 1941 года: «Бессмертной славой покрыли... себя бойцы-чекисты, выученики Феликса Дзержинского...». Во всех важнейших битвах непосредственно участвовали части и соединения внутренних войск, проявив при этом массовый героизм. Мне лично хорошо известна боевая деятельность 63-й дивизии войск НКВД, особенно ее 273-го полка, который за участие в боях по освобождению Гданьска (Данцига) получил почетное наименование «Гданьский».

— Товарищ генерал армии, со дня победы над фашистской Германией прошло 45 лет. Нашим государством сделаны серьезные шаги в деле укрепления международной безопасности. Значит ли это, что профессия военного утрачивает свое значение!

— Действительно, за годы перестройки много сделано в плане снижения напряженности в мире. Подписан, ратифицирован и вступил в действие Договор по ликвидации ракет средней и меньшей дальности.

Однако это не означает, что исчезла угроза войны, а, значит, армия вроде уже ни к чему. Такие рассуждения сегодня приходится слышать довольно часто. Подливают, как говорится, масло в огонь некоторые писатели, ученые, деятели культуры, искусства, пытающиеся поставить под сомнение как реальность угрозы, так и правомерность оборонных мер.

Крайности в любом деле опасны. А тем более когда речь идет о сохранении мира, обороне страны. Реальность же такова. На Западе не все однозначно относится к мирным переговорам. Об этом свидетельствует такой факт. В то время, как у нас, в Москве шел второй Съезд народных депутатов СССР и кое-кто призывал решительно разоружаться, в Вашингтоне выступил министр обороны США Р. Чейни. Он ясно дал понять, что значительного сокращения бюджета его ведомства не будет, поскольку, мол, угроза со стороны СССР не исчезла. А о чем говорят агрессия против суверенной Панамы, наращивание военно-технических программ? Нет, нам рано сдавать в архив бдительность и обороноспособность. И в этом нет никакого противоречия с борьбой за мир.

— И последний вопрос, товарищ генерал армии. Что бы вы хотели пожелать воинам внутренних войск, читателям нашего журнала!

— Пусть всегда с трепетом душевным помнят о подвигах прошлого во имя грядущего! На их совести, их попечении самое дорогое в жизни — Родина.

НАГРАЖДЕННЫ

**ЗА ОТВАГУ И САМООТВЕРЖЕННОСТЬ,
ПРОЯВЛЕННЫЕ ПРИ ОБЕСПЕЧЕНИИ
ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА
В СЛОЖНЫХ УСЛОВИЯХ,
Орденom КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ**

подполковник АГОЛЕЦ Валентин Степанович;

подполковник БАБИЧЕНКО Станислав Юрьевич;

генерал-майор БАЛАХОНОВ Юрий Андреевич;

старший прапорщик БРЮХАНОВ Михаил Леонидович.

**Орденom «ЗА СЛУЖБУ РОДИНЕ
В ООУЖЕННЫХ СИЛАХ СССР»**

II степени

подполковник ГЛУХИХ Виктор Иванович;

подполковник МДЗИНАРИШВИЛИ Галактион Георгиевич.

**Орденom «ЗА СЛУЖБУ РОДИНЕ
В ООУЖЕННЫХ СИЛАХ СССР»**

III степени

старший прапорщик АВДЖИ Виталий Федосеевич;

капитан БЕРНАДСКИЙ Александр Васильевич;

полковник БЕСПАЛОВ Юрий Анатольевич;

майор БОБРЫШЕВ Владимир Алексеевич.

Орденom «ЗА ЛИЧНОЕ МУЖЕСТВО»
старший лейтенант БАРАШКИН Аркадий Николаевич;

младший сержант БОТАШЕВ Казбич Азретович;

старший лейтенант ВИХАРЕВ Андрей Михайлович.

Медалью «ЗА ОТВАГУ»

капитан БЫКОВ Андрей Викторович;

майор ДРОНИН Александр Иосифович;

рядовой КАСАТОВ Николай Анатольевич;

ефрейтор КЛИПИКОВ Сергей Александрович;

прапорщик КОРОБИЦИН Игорь Николаевич.

Медалью «ЗА БОЕВЫЕ ЗАСЛУГИ»

подполковник АГАДЖАНЫН Самсон Карапетович;

старший лейтенант АНТУФЬЕВ Александр Алексеевич;

рядовой АСТАНОВ Зейнулла Турсунович;

лейтенант АХМЕДОВ Шакир Фаридович;

старший лейтенант АШАНИН Олег Редович;

младший сержант БАБЕНКО Геннадий Евгеньевич;

майор БАЛАБУХА Сергей Николаевич;

капитан БАШКИРЦЕВ Игорь Геннадьевич.

На перекрестке мнений

1. ОТ ДЕКЛАРАЦИЙ К ДЕЛУ

По долгу службы оказывался в горячих точках нашей страны, мне не раз приходилось слышать от простых советских людей одни и те же вопросы: куда мы идем и что нас ожидает в будущем? Ответить на них было очень непросто, тем более что прошедшие после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС пять лет перестройки не только не улучшили благосостояние человека труде, а, наоборот, создали предпосылки неуверенности в завтрашнем дне, привели к росту цен, возникновению дефицита буквально на все товары первой необходимости, к национальным конфликтам, разгулу преступности. Страну захлестнула волна не то чтобы критики, а критиканства: оказывается, и жили мы не так, как надо, и не тем ценностям поклонялись. А вывод один: во всем виновата партия. И мне как рядовому коммунисту от этого становилось обиднее вдвойне. Но что я и миллионы других членов КПСС, находящиеся в самом низу партийно-государственной структуры, могли поделать? Ничего. Дальше первичной парторганизации наш голос попросту не был слышен, и мы ничего не решали.

Но вот состоялся февральский (1990 г.) Пленум ЦК КПСС, который по своему содержанию, характеру решений, остроте полемики, далеко перешагнул рамки рядового политического события. А принятый на Пленуме проект Платформы ЦК КПСС к XXVIII съезду партии, на мой взгляд, дал ответ на многие волнующие наше общество вопросы. И само признание центральным партийным аппаратом того, что «во внутривнутрипартийной жизни были деформированы отношения между первичными организациями и руководящими органами, коммунисты были отгорожены от формирования партийной политики, слабо влияли на деятельность вышестоящих партийных комитетов», значит уже многое.

Без решительной ломки десятилетиями складывавшейся жесткой иерархической дисциплины КПСС не сможет находиться в авангарде демократических преобразований, начатых в нашей стране. И это справедливо, что процесс демократизации партии должен в первую очередь начинаться с расширения прав первичных организаций.

В то же время меня как человека военного волнует вопрос, а что же тогда должно измениться в структуре армейских партийных организаций и политорганов в целом? В настоящее время партийными организациями воинских коллективов руководят политорганы, которые, как известно, не избираются, а назначаются. Естественно, что прав у парторганизации практически никаких нет, так как принятие ею какого-либо решения само по себе еще ничего не значит без утверждения политорганом, его начальником. Думается, ответ на этот вопрос должен найти свое отражение в Платформе ЦК КПСС к XXVIII съезду партии.

В этом программном документе сказано и о внутренних войсках. Это очень воодушевило всех воинов нашего подразделения. Наконец-то самоотверженный труд солдат правопорядка оценен по достоинству. Однако я бы желал знать, в чем конкретно будет выражаться забота ЦК партии о внутренних войсках? Вопрос свой считаю закономерным, так как хочу верить в то, что этот глубокий по содержанию документ, который после всенародного обсуждения дополнится еще многими хорошими идеями и полезными предложениями, будет все-таки претворяться в жизнь. Ведь мы все так устали от декларативности, от постоянного разрыва между словом и делом.

Капитан В. ИЩЕНКО.

2. У НАС, В ЛИТВЕ...

Чтобы понять, какое значение у нас, в Литве придавалось февральскому Пленуму ЦК КПСС, приведу всего лишь несколько наблюдений. Достаточно мне было появиться в сельском доме своих родителей, как завязывался разговор о политике, о нынешних делах. Для литовского крестьянина это редкость. Руки даны человеку, чтобы работать, а не бесконечно голосовать и махать ими на митингах, как заметил один из моих собеседников. Должна быть серьезная причина, чтобы человек, стоящий на земле, вдруг ударился в политику.

Мои родственники и знакомые нередко рассуждают о перестройке. Не скажу, что они в восторге от ее темпов: критикуют да еще как—парламентариям бы поучиться у них аргументированности! Но часто звучат и такие вопросы: «Может, ты знаешь, когда закончится это нагнетание страстей? Когда прекратится шум на всю страну о том, что все литовцы хотят отделиться? И кто дал этим людям право говорить от имени народа только на том основании, что мы одной нацией?»

Хочу прояснить ситуацию для тех, кто слабо представляет процессы в Литве. Решение XX съезда Компартии Литвы об образовании самостоятельной КПЛ всего лишь выполнение воли верхушки «Саюдиса». О том, что «Саюдис» нынче не тот, что он теряет авторитет в народе, сейчас разговоров много. Думаете, случайно затили голоса, призывающие провести немедленный референдум о выходе Литвы

из состава СССР? Нет. Странники такого решения прекрасно сознают, что успеха в этой акции добиться им будет совсем непросто. Вот и ведут дело, как говорится, тихой сапой. Через образование новых политических структур, через эксплуатацию таких чувств, как национальное достоинство и т. п.

Народ это раскусил. И от февральского Пленума ЦК КПСС у нас ждали вовсе не каких-то сверхценных указаний, которые будут немедленно выполнены. Не крутых административных мер. А взвешенной оценки, четко разграничивающей истинные устремления литовского народа и амбиции «Саюдиса».

Москва сказала свое слово. Пленум ЦК КПСС, обсуждавший на редкость долго и обстоятельно этот вопрос, принял решение, учитывающее реальное положение дел в республике и ее Компартии. В нем уважение к суверенным правам литовцев сочетается с принципиальностью оценки.

А как прореагировали на Пленум, на проект партийной Платформы к XXVIII съезду КПСС мои знакомые? Конечно, среди них есть и такие, кто не удовлетворен, считает их неполными. Однако большинство сходится на том, что будущее следует связывать с перестройкой, с обновляющейся КПСС, с мудростью Президента М. С. Горбачева.

Прапорщик В. АНТУЛИС.

3. ДУХОВНОГО ВАКУУМА НЕ БЫВАЕТ

«КПСС строит свои отношения с комсомолом на основе идейного единства, товарищеского сотрудничества и взаимодействия, заинтересована в его непосредственном участии в выработке и осуществлении своей политики». Эти строки из проекта Платформы ЦК КПСС к предстоящему XXVIII съезду партии прочитал я со смешанным чувством. Как говорится, хоть и одобряя, но не без грусти.

Поймите меня правильно, я обеими руками за самостоятельность общественно-политической молодежной организации. Но давайте подумаем: разве случайно всего три года назад на XX съезде комсомола в принятом тогда обновленном Уставе ВЛКСМ подчеркивалось, что Ленинский Союз Молодежи работает под руководством партии и смысл своей деятельности видит в претворении в жизнь Программы КПСС?

Конечно, и сегодня партия заинтересована, чтобы при ней (и мне хочется это особо подчеркнуть) существовала молодежная организация, в которой проходили бы закалку будущие ее члены. Не говорю

уж о том, что многие парторботники получают организаторские навыки не где-нибудь, а именно в комитетах ВЛКСМ.

Но давайте говорить откровенно: много ли сегодня в комсомоле людей по-настоящему политически активных, идейно убежденных? Соизмеримо ли их число с теперешним составом пути обновляющегося, перестраивающегося ВЛКСМ? А повинна в этом, на мой взгляд, и сама партия.

Конечно, многое надо подправлять в работе с молодежью. Догматизм, идеологическая зашоренность, воинственная неприимчивость к инакомыслию особенно нетерпимы в юношеской среде. И это надо понимать. Впрочем, как и то, что никакие рассуждения о плюрализме мнений не должны вести к ослаблению партийного воздействия на молодежь. Идею вакуума не существует. Сегодня много неразберихи в умах людей в возрасте, что же говорить тогда о тех, кто только вступает в сознательную жизнь.

Лейтенант С. БЕРНАСОВСКИЙ,
заместитель секретаря комитета
ВЛКСМ части.

Не посылая голове перлом

ПАРТИЯ, ее судьба, роль в государстве и обществе находятся ныне в эпицентре перестроечных баталий. Быть или не быть КПСС — вот как стоит вопрос. А если быть, то какой. Зримо обозначилась тенденция к ее расколу, сепаратистскому разединению на национальные автономные образования. До недавних пор нагнетались ставшие объектом политических спекуляций страсти вокруг 6-й статьи Конституции СССР. И лишь сейчас, когда КПСС на февральском Пленуме ЦК заявила, что свое место в обществе не намерена декларировать параграфами Основного Закона, что жизнеспособная партия в монополии на власть не нуждается, волна эмоций несколько схлынула. К тому же в стране реально оформились, легализовались и другие политические партии и объединения. Наблюдаются тенденции к разрушению идеалов, разрастанию политического и нравственного цинизма. Не ослабевают интенсивные нападки на политические органы в Вооруженных Силах. В первой шеренге атакующих, как это ни покажется странным и прискорбным, оказались и народные депутаты в военной форме, а не одни лишь оракулы и разгулявшиеся крикуны из неформальных организаций.

Безоглядно чернить партию и слева и справа, паразитируя на реальных и мнимых ошибках, стало сейчас для кое-кого признаком хорошего тона. Одни поносят ее за грехи и деформации прошлого — сталинского, хрущевского, брежневского. Другие судят за сегодняшнюю нерешительность, половинчатость действий, инертность и диктатуру всесильного привилегированного аппарата. Третьи — и за то, и за другое.

То, что авторитет партии изрядно упал и кредит доверия к ней порядком израсходован, что определенная часть коммунистов испытывает чувство разочарования и растерянности, а то и покидает наши ряды, факт неоспоримый. И страшиться столь горького признания не следует. Партия, прошедшая через горнило революций и суровейших испытаний, в индустриальных и скидках не нуждается. Семь десятилетий она была правящей, безраздельно владевшей монополией на власть. И если мы все эти годы как заклинание, как молитву повторяли, что она выступала вдохновителем и организатором всех наших побед,

что под ее руководством народ, идя по пути строительства нового мира, немало достиг, то столь же закономерен и жесткий вопрос: а с кем же во главе, под чьим водительством пришли мы к сегодняшнему кризису? Вопрос непрост, но уйти от него, отмахнуться нельзя. Социально-политическая и межнациональная напряженность в стране красноречивее любых аргументов. Серьезную озабоченность вызывает отставание КПСС от темпов демократизации общества. Так что никакие словесные ухищрения, смягчающие резкость тона, не спасут. Превыше всего ставить правду и говорить о ней напрямик учил коммунистов В. И. Ленин. И хорошо, что обо всем этом откровенно, даже беспощадно говорилось на февральском Пленуме ЦК КПСС.

Ошибочно и опасно поносить КПСС огульно, но столь же неразумно и смешно пытаться отвергать критику партии, поднявшись на ее защиту с паническим воплем «Караул, шельмуют!» и ринувшись преследовать клеветников-злопыхателей. Полезнее, как и во всяком серьезном деле, вдумчиво, трезво, не впадая в крайности и не поддаваясь эмоциям, разобраться в том многосложном переплетении исторических событий, человеческих судеб, тенденций, коллизий, борений, с которыми связан путь, пройденный Коммунистической партией Советского Союза. Как никогда нужны нам сейчас консолидация здоровых сил, единство и сплоченность партии — не формальные, не декларативные, а сцементированные высокими целями перестройки.

Провозгласив пять лет назад перестройку во всех сферах, курс на освобождение от деформаций и извращений прошлого, партия взяла на себя ответственность за них.

Любому честному коммунисту, безусловно, тяжело сегодня осознавать, что в рядах КПСС находились одновременно и кровавые палачи и их жертвы, что такой же, как у него, партбилет носили Ежов и Берия, Рашидов и Медунов, Щелоков и Чурбанов и множество разного калибра — от всесоюзного до сельсоветского — кулаевых, усманходжаевых, алиевых — взяточников, коррупционеров, стяжателей, позоривших партию и предававших ее. Но он, честный коммунист, рабочий, крестьянин, интеллигент, воин, вовсе не обязан

нести в себе болезненный комплекс вины, посыпать голову пеплом и униженно каяться за это мерзкое племя. Но не может он с легкой душой и отмежеваться от тех горьких уроков, заявив: «Я здесь ни при чем, пускай сами разбираются...» К тому же в нашей почти 20-миллионной партии, уверен, и сегодня немало людей случайных, примазавшихся, бессовестных демагогов и лицемеров, всякого рода мазуриков, проникших в ее ряды из карьеристских побуждений. Об этой опасности для правящей партии в свое время не раз предупреждал Ленин.

Н А НЫНЕШНИЕ процессы в КПСС и вокруг нее я смотрю глазами коммуниста пусть и не с дореволюционным или подпольным стажем, но и не постороннего, причастного к делам и будням КПСС на протяжении полувека. Из 69 прожитых на свете лет я 50 связан с партией. Я стал членом ВКП(б) в трудные дни обороны столицы, когда гордо и почетно звучал приказ «Коммунисты, вперед!», ныне почему-то стыдливо забываемый (сам А. Межиров не включил это свое замечательное стихотворение в последний сборник «Избранного»). Тогда с особой силой окрепло у меня святое чувство личной ответственности за принадлежность к партии, с тех пор я ни на час не отделяю себя от моей партии, ее взлетов и падений, трагедий и радостей.

Сегодня всем ясно, что наше продвижение вперед немислимо без радикального обновления КПСС, принципы и детали которого должен вскоре закрепить XXVIII съезд. Немало усилий предстоит предпринять, чтобы окончательно демонтировать сталинскую модель партии, сбросить вериги административно-командного мышления и подходов.

В нашем словесном обиходе уже успело укорениться выражение «обновленная партия». Только вот в чем истинная суть обновления, даже сейчас, после опубликования Платформы к XXVIII съезду, «тайна сия велика есть». Во всяком случае секретари первичных организаций, да и руководители повыше имеют об этом, как правило, весьма смутное представление, ибо концепция перестройки КПСС, контуры которой впервые начертаны на XIX партконференции, а эскиз обозначен на последних пленумах ЦК, еще не выстроена, она еще в стадии сотворения.

В связи с пересмотром конституционной 6-й статьи новые аспекты возникают и в оценке места и деятельности армейских политорганов. К сожалению, никаких свежих суждений на сей счет не услышал я из уст начальника Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота, выступавшего в ЦДСА перед авторитетной аудиторией. Может, у члена Военного совета — начальника Политуправления внутренних войск А. И. Гриенко найдутся более смелые взгляды. Замечу попутно, что политорганы наших

войск не всегда шли в главпуровском обозе, знаю в их прошлом и самостоятельные, притом прогрессивные начинания.

Основной же смысл перестройки состоит в том, чтобы преодолеть отчуждение партийной массы от политики партии, вовлечь всех коммунистов в работу ее руководящих органов. Коммунист должен не на словах — реально чувствовать себя в партии хозяином, а не покорным и безгласным одобрителем и исполнителем идущих сверху предписаний и резолюций. Чтобы излюбленное доселе партийное послушание навсегда уступило место высокосоциальной и созидательной активности и дисциплине.

Именно поэтому, обсуждая пути и тенденции обновления партии, участники теperшей предсъездовской дискуссии на первый план выдвигают те элементы преобразований, которые демократизируют внутривнутрипартийную жизнь, — порядок прямого альтернативного избрания руководителей, процедуру выборов делегатов на съезды, права первичек и т. п.

Думается, что самым кардинальным и острым должен быть вопрос о членстве в КПСС. Нельзя смотреть на партию как на некое многомиллионнобесформенное сообщество. Она — это мы, ее члены, каждый из нас. Сила и крепость партии, ее боеспособность зависят от того, воспитан ли каждый партиец подлинным бойцом или довольствуется ролью статиста. Как, впрочем, ничего не значит сам по себе наилучший Устав, если он не стал для каждого коммуниста законом его жизни.

Именно это я не устал внушать солдатам, сержантам и офицерам, вручая партдокументы, будучи начальником политотдела полка, затем дивизии. Заодно без хвастовства и рисовки скажу, что всегда ревниво и придирчиво следил за тем, чтобы, благословляя очередное пополнение партии, не допустить проникновения в нее людей незрелых, ищущих легких дорог, не готовых взвалить на свои плечи дополнительную ношу.

Признаемся честно, партию мы подзасолили, целенаправленно «регулируя» ее пополнение по конъюнктурным да местническим признакам, усиливая «прослойку» то у шахтеров, то на флотах, то в хлопководческих звеньях. Да и у себя в войсках тоже. Помню, с какой энергией и последовательностью насаждалась у нас идея создания полнокровных (!) парторганизаций в каждой роте, как во имя ее форсировался прием солдат и сержантов. Ну, когда те призывались на три года, еще можно было вникнуть кто есть кто, а уж при двухлетней службе спешили завербовать иногда и наобум, без должного изучения. Мне, в то время начальнику политотдела дивизии имени Ф. Дзержинского, сверху пару раз публично пеняли, что по проценту партийной прослойки в ротах не вырвался в передовики. В пример ставили двух «авангардистов», из тех, кто любой лозунг подхватывал на лету, без раздумий. Уж они-то давали нужный «процент»! Особенно один, давний мой знакомый, фа-

мидию которого остряки переименовали в Показухина. Что таким руководителям до судьбы партии, коль есть директива и неохота ударить в грязь лицом? Только вот и другой процент — отрицательных явлений и преступлений — у них почему-то не снижался, а ведь должна бы быть тут очевидная зависимость...

Увы, и у меня не обошлось без огрехов. Навсегда запомнилось одно укоризненное письмо из райкома. Сообщалось, что принятый нами в КПСС сержант, комсомольский секретарь, отказался работать в колхозе, откуда призывался. «Я в партию не для того вступал, чтобы телятам хвосты крутить да навоз выгребать», — заявил он и потребовал теплую, с телефоном должность в райцентре. Чистейший образец откровенного карьеризма.

ЕСЛИ МЫ хотим высоко держать престиж партии, во главу всей ее деятельности должны выдвигать и соответственно закрепить в Уставе повышение требовательности к вступающим в ее ряды и ужесточение спроса с тех, кто в ней состоит — независимо от былых и нынешних заслуг.

Партия нуждается в самоочищении. Предвижу, что процесс это сложный, небезболезненный. Еще перед XIX Всесоюзной конференцией КПСС обсуждалась, но была отвергнута мысль об аттестации коммунистов. Не берусь однозначно судить о механизме такого персонального взыскательного отчета коммуниста перед партией, но в том, что он назрел, у меня сомнений нет.

Следует в Уставе, по-моему, оговорить также право свободного, без карательных санкций и митинговых проработок выхода из КПСС для тех, кто устал, разуверился или просто понял, что попал не «в ту дверь», да еще сожалеет о дырке в личном бюджете. Правильным, думается, будет предусмотреть и возможность снятия с учета (разумеется, с их согласия) людей больных, немощных, физически неспособных участвовать в партийных делах, пожизненно оставляя им партбилет. Работая секретарем первичной организации, состоящей из пенсионеров, я знал таких коммунистов, когда-то активных, но за которых ныне даже взносы приносили родственники после неоднократных напоминаний.

Было бы также правильным ввести для коммунистов своего рода кодекс партийной чести — не тот небесно-голубой по цвету и железобетонный по твердости, осмеянный фельетонистами «моральный кодекс строителя коммунизма», текстом которого украшались все общественные места, но который так и остался мертвой декларацией. Нужен действительно перечень обязательных для партийца этических норм, таких, скажем, как единство слова и дела, верность слову, твердость в отстаивании убеждений, терпимость к чужому мнению (если оно не враждебно коммунистическим идеалам), порядочность, чут-

кость, скромность... Мы ведь, пока не случилось что-то из ряда вон выходящее, почти не говорим с коммунистами о таких вещах, считая их само собой разумеющимися. А напрасно: именно поспрашивание этих азбучных норм и истин привело к падению даже видных партийных деятелей.

Настоящему коммунисту при всем свободомыслии и плюрализме взглядов должны быть дороги коммунистические принципы и идейные святыни, ему противопоставлено виллять, приравниваться к любому дуновению, подобно флюгеру. Мысль эту, неотступно преследующую меня, связываю с одним из недавних своих наблюдений.

В прошлом году случилось мне оказаться в Лужниках на многотысячном митинге, посвященном завершению I Съезда народных депутатов СССР. Осталось у меня впечатление, прямо скажу, удручающее. Над громадной толпой, заполнившей площадь, не увидел я ни одного красного знамени, зато во множестве реяли бело-синие-красные флаги Российской империи да белые с голубым андреевские стяги. Среди ораторов и Б. Н. Ельцин. Говорил он о том же, о чем мы слышали от него и с трибуны съезда, и в отличие от уступившего ему микрофон Т. Дзяна держался спокойно, не распаля до истерики страсти публики. Но меня до стыда и боли потрясло, что он, коммунист, член ЦК КПСС, как ни в чем не бывало выступал под поощрительные размахивания чуждых члену ленинской партии атрибутов царского самодержавия. Я слушал и спрашивал себя: ну почему он не возмутится, не попросит убрать эти флаги, с которыми несовместимы воззрения, идеология подлинного коммуниста? Нет, не возмутился. Тогда-то и подумалось: отбрасывая напрочь идеологическую зашоренность, закостенелый догматизм, коммунист в то же время не вправе и оставаться на позициях политической всеядности, сидеть на двух стульях.

Хотел бы в данной связи высказать еще одну мысль (хотя и предвижу, что она вызовет споры и возражения) — о партийной символической, которая нами, к сожалению, недооценивается.

У партии есть свой гимн. Порядок же его исполнения ничем не регламентирован. Гимн попросту забыт, его не всегда услышишь даже на больших конференциях, не говоря уже о собраниях коммунистов. Вместе с изгнанием парадности и протокольной помпезности, непрерывного вставания при «явлении народу» первых лиц, избрания почетных президиумов с неизменным «во главе» отказались и от гимна. Нет у партии узаконенного знамени, которое бы осеняло коммунистов, когда они собираются вместе. Кому-то, догадываюсь, все это покажется излишним и не заслуживающим внимания, но я полагаю, что символика и парадность — вещи разные, смешивать одно с другим не надо.

И. БЕЛИКОВ,
генерал-майор в отставке.

ОДИН ЗА ВСЕХ

«НЕ НРАВИТСЯ? ПИШИТЕ РАПОРТ...»

Пишу вам впервые. Не попадись мне на глаза газета «Советская Россия» со статьей Кузьменко «После схватки в зоне», вряд ли бы решился взяться за перо. Рад, что есть все-таки люди, которые понимают, как нелегко живет контролерам.

Проблемы, затронутые в публикации, существуют и в нашем подразделении. Из-за нехватки людей нас перевели на «трехсменку». Народ бежит, из молодых почти никого не осталось. Терпят те, кому жалко терять выслугу. Мы устали. Времени не хватает даже выспаться, не то что с детьми позаниматься.

А отношение к нам какое? Как к людям второго сорта. Командир роты капитан Хабибулин любого может оскорбить и унижить, наказать ни за что. Для недовольных у него одно: «Не нравится? Пишите рапорт — через месяц уволю...»

Попробовал поговорить с начальством о набольшем по душам. Без толку. Капитан Хабибулин и старший лейтенант Се-

лезнев — его заместитель по политической части еще и обвинили меня в подрыве их авторитета. На партийном бюро предупредили: будешь много «выступать» — накажем.

Обидно, конечно, у меня и в мыслях такого не было. Одного хотел: чтобы мои сослуживцы не просто взирали безучастно на происходящее, а боролись за справедливость!

Добиться правды у нас нелегко — нет в подразделении настоящего воинского коллектива.

Бывает, что отношения между людьми начинают устанавливаться, командир роты тут же делает все, чтобы их разладить. Даже график службы для этого пересматривает.

Товарищи мои обозлены до предела. Так и до беды недалеко. Посоветуйте, что делать.

С уважением прапорщик А. ПАВЛОВ.

ОТ РЕДАКЦИИ. Советуем. Продолжать бороться за правду. Иначе справедливости не видать. А пока...

Как сообщил в редакцию полковник В. Гордеев, факты, указанные в письме, подтвердились. Командир роты капитан М. Хабибулин «за необоснованное завышение служебной нагрузки и оскорбление подчиненных привлекается (!) к дисциплинарной и партийной ответственности.

Командиру батальона майору Г. Петровскому указано на неправомерное принятие решения о несении службы по усиленному варианту».

Казалось бы, все хорошо. Но вот в редакцию опять обратился прапорщик Павлов. Он пишет: «...У меня неприятности. По просьбе капитана Хабибулина переведен в другое подразделение. На меня написана отрицательная аттестация».

Как это понимать! Вопрос адресуется полковнику В. Гордееву и товарищам из УВВ по Дальнему Востоку и Восточной Сибири.

НА ЧЬЕЙ СТОРОНЕ ЗАКОН?

Уважаемая редакция!

Поводом обращения к вам послужило заявление в адрес собрания офицеров части командира взвода лейтенанта Мороза Р. И., который просит защитить его офицерскую честь от преступных посягательств группы недисциплинированных солдат, допустивших групповое неповиновение и рукоприкладство к нему. Уголовное дело, возбужденное командиром части по этому факту, было прекращено прокуратурой Воркутинского гарнизона, принявшей дело к производству в декабре 1989 года. Ответ военного прокурора Воркутинского гарнизона на жалобу лейтенанта Мороза был однозначен: дело прекращено ввиду отсутствия состава преступления. Вызывает недоумение факт нежелания принять лейтенанта по личному вопросу прокурором Воркутинского гарнизона подполковником юстиции Худяковым С. Ю. по окончании следствия.

Сам факт прекращения дела вызвал бурю возмущения всех офицеров части и, ясное дело, не улучшил настроения в среде не только молодых офицеров, но и ветеранов.

Больше всего в этом деле настораживает настоячивость, предприимчивость, непонятная возня целого легиона родственников, прибывших с Кавказа, осевших на время следствия в Воркуте и осадивших прокуратуру гарнизона.

Следствие закончилось, уголовное дело прекращено, вся троица вместе с родственниками победоносно прибыла в часть. И куда делись заискивания, робость, мольба родителей, просивших оградить их от прорывов от уголовной ответственности в начальный период. Высокомерие, наглость

пришли на смену растерянности. Но самое неприятное — угрозы впоследствии разобраться «по-кавказски» с теми офицерами (и членами их семей), кто причастен к возбуждению уголовного дела. Более того, бывшие подследственные солдаты не сделали для себя надлежащих выводов, а их земляки подвергают преследованию военнослужащих, давших правдивые, объективные свидетельские показания. В среде солдат, как метастазы, разрастаются мнения, что «кулачный аргумент» применим не только к сослуживцам, но и к командирам.

Ни у кого из офицеров части нет сомнений, что кто-то в данном случае очень умело, со знанием дела вывел из-под уголовной ответственности людей, преступивших черту закона.

Опасно, если закон бездействует, но еще опаснее, если безучастными окажемся все мы. Вот почему мы просим возобновить уголовное дело на повторное расследование, т. к. его прекращение вызывает серьезное сомнение у всех без исключения офицеров части, знакомых с законодательством не по правовому минимуму, а по долгу службы во внутренних войсках. Просим также учесть временной показатель, т. к. один солдат из этой когорты уже уволен в запас, а нынешней весной заканчивается служба у двух других, у большинства свидетелей.

Председатель собрания офицеров части майор В. МАКАРЕНКО,
члены совета майор В. ЗАМЯТИН,
капитаны Т. КОЗАК, К. БАЛДЕНКОВ,
старшие лейтенанты В. РОЗМЫСЛО,
В. ФАРТУШНЫЙ, А. БАРКУСЕВИЧ
и еще 72 подписи.

СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ

НАБОЛЕЛО

Чтобы наш журнал оперативнее откликался на важные для военнослужащих вопросы, предлагаю ввести прямой телефон в перерывах между номерами журнала. Например, с 25 по 30 число каждого месяца.

Думаю, что такая форма общения редакции с читателями эффективна: звонков будет достаточно как от тех, кто служит, так и от родителей солдат, членов семей офицеров и прапорщиков.

Майор Е. ГЕЙХМАН.

«НЕ ВИДАТЬ МНЕ КВАРТИРЫ...»

В десятом номере журнала за прошлый год прочитал статью «Конституцией... распоряжаюсь я!». Не что подобное происходит и в нашей роте. Проблем накопилось немало — с тем же оружием в розыске, со служебной нагрузкой, с занятиями после ночного бдения и т. д., но проблема проблем у нас — жилищный вопрос.

Сейчас у нас очень трудно с кадрами. Идти служить к нам не хотят. Опять-таки из-за отсутствия жилья. Я прослужил во внутренних войсках почти восемь лет. И вот думаю: стоит ли служить дальше? Ведь если ничто не изменится, не видать мне квартиры и через десять лет...

Прапорщик Е. ТКАЧЕВ.

ПРОБЛЕМЫ — НА ВЕШАЛКУ

В ответе на мое письмо («Хуже некуда», 1989, № 10) вы сообщаете, что многие перечисленные в нем недостатки устранены, по некоторым из них приняты неотложные меры. Но ведь это неправда!

В общежитии, где проживают контролеры, из мебели—только списанные десять лет назад шкафы. Как и прежде, нет кухонных столов, телевизора. Зато появились теперь новые... вешалки.

В клубе тоже без изменений. Библиотека существует лишь на бумаге. Киноустановка—в обещаниях.

Не стало лучше и снабжение. Продукты появляются на прилавке магазина только с приездом комиссий. Народных контролеров продавец даже на порог не пускает. Да и не рвутся они в подсобку.

Болезнь у нас не любят, даже боятся. Случись что—помощи ждать неоткуда. Дорог-то нет.

Кого волнуют наши проблемы?

Начальника колонии? Ему ни до чего нет дела—год до пенсии остался.

Замполита? На уме у него одно—охота. Разговоры о ней везде, даже на служебных совещаниях. Иной раз сомнения берут: кто мы—военнослужащие внутренних войск или члены охотколлектива?

Общественные организации у нас тоже не на высоте. Комсомольцам главное — взносы вовремя собрать. Женсовет вообще не у дел. Выходит, наши трудности никому не интересны.

Страшно такое сознавать, но еще страшнее другое. Равнодушие к житейским проблемам порождает безразличие к делу. Обстановка у нас на объекте очень напряженная. Осужденные предоставлены сами себе. Администрация же мер никаких не принимает. Добром это не кончится.

Как видите, ничего нового я вам не написал. Поэтому прошу—разберитесь с моим первым письмом. До конца. И не пересылайте его нашим местным начальникам. Мне кажется, там одни бюрократы.

Старшина Б. ГУЛИЕВ.

ОТ РЕДАКЦИИ. Решили проверить предположение старшины Б. Гулиева. Его повторное письмо, как и предыдущее, направили начальнику УВВ по Уралу. Ответил на него полковник П. Контаренко. Он сообщил, что по повторному письму старшины Б. Гулиева работала группа офицеров. В ходе проверки было установлено, что общежития сотрудников ИТУ и контролеров отремонтированы еще в летнее время, есть там паровое отопление, электроплита, телевизор, мебель, часть из которой, правда, требует замены. Продовольствием проживающие в поселке обеспечиваются через магазин, где есть все необходимые продукты.

Связь с соседним поселком—по узкоколейной железной дороге. Зимой три раза в день ходит автобус.

По стилю работы общественных организаций, администрации ИТУ факты подтверждения не нашли.

Показ фильмов в поселке не проводится из-за отсутствия киномеханика. Хотя установка «Украина» есть. Администрацией УЛИТУ в адрес руководства городской киносети направлено письмо с просьбой открыть постоянно действующую точку. Во взводе, где служит старшина Б. Гулиев, действует библиотечка-передвижка. Прапорщики могут сами получать книги в библиотеке части.

...Деловой тон, обнадеживающее содержание письма радуют. Но вот сомнения—а не отписка ли опять!—по-прежнему остаются.

ОТ ВСЕЙ ДУШИ

ДРУЗЬЯ ПОЗНАЮТСЯ В БЕДЕ

Случилась беда. Меня почти в бессознательном состоянии доставили в больницу. Сразу же положили на операционный стол. Когда понадобилась кровь, первыми предложили свои услуги заместитель командира роты по политической части старший лейтенант И. Бабануца и командир взвода старший

прапорщик С. Осадчук. На зов о помощи откликнулись прапорщики С. Попович, А. Илашко, С. Петухов и М. Бакур. Благодаря им всем жизнь моя была спасена.

Не забыли обо мне однопольчане и после операции. Неоднократно посещали в больничной палате командир роты капитан

А. Жданов, прапорщики С. Жданова, Г. Флореску, В. Жаравля.

От всей души благодарю моих товарищей за помощь, поддержку и сердечную теплоту! Желаю им семейного счастья, здоровья и долгих лет жизни.

С уважением

прапорщик
Е. САЛАМАТИНА.

ХОТЯ ПИСЬМО И
НЕ ОПУБЛИКОВАНО

ЗАВОЛОКИТИЛИ

Чуть ли не полгода осуществлял прапорщик И. Низамиев свое желание продолжить службу во внутренних войсках, о чем он нам и поведал в своем письме. Подразделение его расформировывалось, и он заранее договорился с командованием другой части о переводе. И тут началась такая волокита с документами по вине офицера штаба майора В. Туголукова, что пришлось прапорщику сначала увольняться, а потом уже на свой страх и риск ехать с семьей к новому месту службы. Не в большой город приехала семья, а в места, которые принято

называть «не столь отдаленными». У жены его при этом прервался 15-летний рабочий стаж, да и перевозить семью пришлось на свои средства.

На наш запрос о причинах такой вопиющей волокиты пришел ответ за подписью генерал-майора В. Пономарева, где сообщается, что пункт приказа об увольнении прапорщика Низамиева по сокращению штатов отменен; за невнимательное отношение к заявлениям военнослужащих майор Туголуков командиром части привлечен к дисциплинарной ответственности.

ДАВАЙТЕ РАЗБЕРЕМСЯ

В марте прошлого года к нам обратился старший прапорщик В. Попов с просьбой разъяснить ему положение о льготах для контролеров, несущих службу в больнице, где содержатся осужденные—больные туберкулезом. На интересующие его вопросы мы попросили ответить компетентных товарищей из УВВ МВД СССР по Средней Азии и Казахстану.

Обстоятельный ответ, подпись высокого должностного лица под документом, оперативность работников штаба—все говорило о том, что к письму военнослужащего отнеслись с должным вниманием, по-человечески. И вот спустя почти год в редакцию пришло еще одно письмо от старшего прапорщика В. Попова: «...Осужденных—больных туберкулезом обещали перевести в ИТУ в апреле. Сейчас декабрь, а туботделение на своем месте. Если до марта в ЦРБ несли службу в контро-

леров, отданные приказом по части, то теперь все контролеры подразделения, независимо от возраста и состояния здоровья. А раз постоянного состава в ЦРБ нет, то отпадает и вопрос об оплате. «Решены» и вопросы тылового обеспечения контролеров. Несущим службу в ЦРБ выдали три халата, настолько заношенных, что их даже из шкафа не достают. В умывальнике появился пузырек с раствором дезинфицирующей жидкости. Вот, пожалуй, и все...»

Что же это получается, официальный ответ—на самом деле обыкновенная отписка?! Мало этого, старший прапорщик В. Попов предупреждает: «Прошу мое письмо никуда не направлять, сдайте его в архив. А то после первого письма пришлось писать объяснительные, меня перевели нести службу в ШИЗО».

ПОЛУЧЕН
ОТВЕТ

НАКОНЕЦ-ТО!

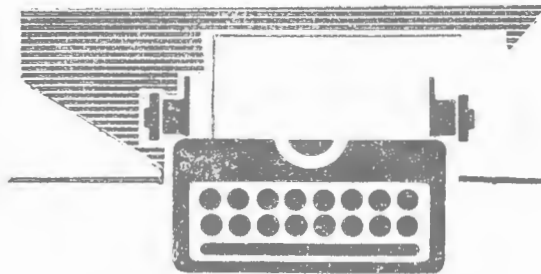
Сигнал прапорщиков-специалистов ИТСО о том, что не обеспечиваются они дефицитным продуктом нашего времени — мылом, вызвал оживленную переписку всех ответственных (и безответственных), заинтересованных (и не очень) лиц. И вот только сейчас добились общими усилиями до истины: на опубликованное в № 12 за 1989 год письмо прапорщиков В. Внука и Н. Раздобудько получен наконец-то четкий

ответ из Приволжского управления войск.

Как мы и предполагали, дело было совсем не в дефиците мыла, а в «поверхностном отношении должностных лиц к вопросам обеспечения военнослужащих». Лица эти—заместитель командира части по тылу подполковник А. Матвейкин и начальник вещевого службы капитан А. Ткаченко—строго предупреждены. Таким образом, проблема лопнула как мыльный пузырь.

Наш адрес: 111250, г. Москва, Е-250,
РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «НА БОЕВОМ ПОСТУ»

БОЛЬ ПАМЯТИ, ТРЕВОГА СЕРДЦА

Май 1990 года — это 45-й май нашей Победы над фашизмом.

Май 1990 — это перестройка, революция. Но революция особенная. Как подчеркнул первый Президент СССР М. С. Горбачев, «никакая по-настоящему революционная ломка не обходится без борьбы...»

Пробуксовка в экономике, стихия митинговой демократии, нетерпение масс скорее решит наиболее важные вопросы, порой оборачивающиеся экстремизмом и разрушительством, и наконец, межнациональные конфликты — все это наша сегодняшняя боль и наша сегодняшняя тревога.

«На разные лады вновьявленные истории в некоторых солидных органах печати, — пишет активный участник Великой Отечественной войны, ветеран внутренних войск капитан в отставке П. И. Романов, — пытаются переосмыслить величие победы советского народа в войне с гитлеровцами, подвести молодежь к мысли, что и героизма, самоотверженности не было, а вся соль в том, что Сталин бросал войска в горнило боев, как перешное мясо...»

Не верьте этим литературным казуистам, мои юные друзья. Мужество было всегда с нами».

Прав ветеран. Находятся современные популисты, которые хотели бы вытравить из нашего сознания такие святые понятия, как родина, патриотизм, интернациональное единство советских людей, дружба народов. Из кожи лезут, чтобы доказать, будто это абстракция, фальшь застойного времени, наследство сталинского режима.

Но невозможно вытравить из нашей памяти величие подвига советских людей, венцом которого стала майская победа 45-го года. Разве может забыть сегодняшнее поколение воинов отвагу старшего политрука Николая Руденко, одним из первых комиссаров ставшим Героем Советского Союза в начале Великой Отечественной войны! Немыслимо предать забвению мужество Петра Барбашева, предвосхитившего подвиг Александра Матросова! Может ли позабыться богатырское мужество Петра Тарана! Сколько их было, живых и павших, кто приближал нашу Победу.

Будто вчера юный ефрейтор из орденов Ленина, Октябрьской Революции Краснознаменной дивизии имени Ф. Дзержинского на каверзный вопрос прожженного политика: «Что ты защищал в Тбилиси в апреле 1989 года!» — прямо бросил: «У меня есть мать, сестренка и есть Советская власть, которая дала мне все. И Советскую власть я защищал в Тбилиси от экстремистских посягательств...» Не знал он, что пройдет год, и в Грузии те «невинные парни», по отношению к которым войны внутренних войск встали стеной, начнут сносить памятники Ленину. Но сегодня его младшие братья сопровождают колонны с продовольствием в Нагорном Карабахе, защищают дома азербайджанцев от армянских боевиков и дома армян от азербайджанских экстремистов.

Нынче воинов внутренних войск не модно ругать. Кажется, совсем недавно о «жандармских ротах» говорил открыто народный депутат А. Собчак, а сейчас на разные голоса перепевают этот фальшивый мотив разве что деятели из «Щита», как это было во время обсуждения построенной на «жареных фактах» киноленты ужасов «Караул».

О солдатах правопорядка не может не говорить доброе слово и «Комсомолка», хотя со своим «Случаем в спецвагоне» в свое время и внесла она немалую лепту в то, чтобы создать негативное представление о войсках. Емко и правдиво пишут «Советская Россия», «Красная звезда», интересно сообщает ТАСС. И воинов внутренних войск, службу несущий по охране правопорядка в стране, заслуживает этого. С гордостью он выполняет свой долг, ибо знает, что отныне его права, обязанности впервые регулируются принятым в марте Законом СССР.

Май 1990 года для воинов внутренних войск — это равнение на подвиг дедов, отцов, старших братьев, это и надежда на стабилизацию обстановки в горячих точках. А для этого надо двигаться по пути перестройки более решительно. Всем нам вместе и каждому в отдельности.

Подполковник А. ШАМКЕЕВ
народный депутат Киргизской ССР:

«РАССЧИТЫВАЙТЕ НА НАС»

В ОТ УЖЕ не одно десятилетие наша часть охраняет покой на улицах и площадях столицы Киргизии. Как понимают свое предназначение молодые парни разных национальностей страны, которые согласно Конституции СССР призваны к нам? Приняв присягу, они несут чрезвычайно важную службу по защите Отечества от преступных посягательств его внутренних недругов. Не судите меня строго за эти громкие, режущие слух слова. Но, на мой взгляд, иначе и не следует называть убийц, насильников, грабителей...

В последнее время наши служебные обязанности значительно расширились. Лично я отсчет этому веду с февраля восьмидесяти восьмого года, с трагедии Сумгаита.

Совсем недавно мои подчиненные выполняли ответственное задание в Ферганской области Узбекистана и Беткенском районе Ошской области. Мы сами явились частью той силы, которая остановила волну террора и насилия. Теперь большая часть воинского коллектива находится в Закавказье.

Сегодня ведется много разговоров вокруг Вооруженных Сил, внутренних войск, подсчитываются расходы на содержание, высказываются мысли о переходе к армии, которая комплектовалась бы на добровольных началах. На этот счет могу высказать свое мнение.

Я против такой армии, которая в отличие от нынешней перестанет быть хорошей школой жизни миллионам юношей страны, школой мужества, выдержки, единения в многонациональный коллектив. Но я против и чрезмерно раздутых Вооруженных Сил, необоснованно завышенных ассигнований на их содержание.

Я против того, что зачастую призывают на службу всех подряд, без учета здоровья призывника, его доармейской подготовки. Поддерживаю решение правительства о внесении назревших изменений в Закон о всеобщей воинской обязанности.

Я против полумер, которые принимаются в борьбе с неуставными взаимоотношениями, и прежде всего — с «дедовщиной».

Был бы не против, если бы в каждой республике, крае, области, городе и т. д. создавались независимые комитеты социального контроля, в которых широкие слои общественности могли с родительской заинтересованностью контролировать жизнь воинских коллективов, соблюдение в них законности, защиты гражданских прав, обеспечения нормальных бытовых условий.

Сегодня каждый излагает свою программу действий. У иных кандидатов в народные депутаты она глобальная, у других — более приближенная к реальной жизни. Вот и у меня она вполне обыденная, земная. К тому же в ходе предвыборной борьбы я пришел к выводу, что избирателям не так уж и важны твои посулы, куда предпочтительнее видеть, что ты за человек, можно ли на тебя положиться, прийти к тебе со своими бедами, заботами, тревогами и надеждами. Я благодарен людям, которым моя жизненная позиция — офицера, коммуниста, отца троих детей — пришла по душе. А она у меня такова.

Я за укрепление роли Советов на местах, поднятие роли народного депутата. За дальнейшее развитие демократии и гласности, не перерастающих, разумеется, в анархию и вседозволенность.

Я за скорейшее решение жилищной проблемы, за опережающее строительство детских садов, школ, больниц. За бережное отношение к окружающей среде, разумное расходование природных богатств.

Я за улучшение условий труда на предприятиях и в колхозах, совхозах. За высвобождение женщин от работы в ночную смену и требующей больших физических нагрузок. За организованность и дисциплину на каждом рабочем месте.

Я за улучшение торгового, медицинского, бытового обслуживания населения, за неукоснительное следование принципам социальной справедливости в распределении товаров и продуктов. За усиление борьбы с теневой экономикой, коррупцией, взяточничеством.

Я за оказание практической помощи семьям, чьи кормильцы погибли или получили ранения при выполнении интернационального и служебного долга. За укреп-

ление взаимопонимания, сотрудничества воинов внутренних войск с местным населением.

Я за дальнейшее обогащение и раскрепощение культурной жизни моих земляков-киргизов.

На этих позициях я стою и буду стоять.

Конечно, есть проблемы, которые волнуют меня особо. Прежде всего — совершенствование законодательства в нашей стране и республике, борьба с растущей преступностью. Считаю, что настала пора от охраны порядка перейти в решительное наступление на беспорядок. Корчевать корни, его питающие. Подчиненные меня понимают и поддерживают. И сейчас, в условиях нашей суровой деятельности, мы сообща решаем задачу мира и покоя в городах и селах. Чтобы честные советские люди могли рассчитывать на нас и знали, что мы их защитим сумеем.

ПРОДОЛЖАЕМ ЗНАКОМСТВО
С ВЫДЕРЖКАМИ ИЗ ПРЕДВЫБОРНЫХ
ПЛАТФОРМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ
ВОЙСК, БАЛЛОТИРОВАВШИХСЯ
В РЕСПУБЛИКАНСКИЕ СОВЕТЫ

«Я ВЫСТУПАЮ ЗА...»

■ Полковник М. САЛЮТИН:

— запрещение использования внутренних войск в разного рода конфликтных ситуациях, пока не исчерпаны политические и другие возможности и средства их разрешения;

— активизацию использования внутренних войск в борьбе с преступностью;

— предоставление без всяких проволочек жилья для воинов-интернационалистов, для увольняющихся в запас и отставку по избранному месту жительства.

■ Подполковник Н. КОСТЕЧКО:

— создание постоянно действующего республиканского Комитета по делам молодежи;

— обязательное трудоустройство молодых людей после окончания учебы и службы;

— преимущественный призыв на действительную военную службу в районы с родственными климатическими условиями;

— гарантированный ежегодный отпуск солдатам и сержантам.

■ Майор медицинской службы Д. ТУРА-НАЗАРОВ:

— увеличение оказания стационарной медицинской помощи населению в Туркестанском окружном военном госпитале до 5—8 процентов от количества коек;

— создание на базе военных медицинских учреждений специального медотряда по оказанию экстренной помощи пострадавшим от стихийных бедствий и массовых беспорядков.

С коллегии МВД СССР

«О задачах органов внутренних дел, вытекающих из выступления Президента СССР М. С. Горбачева на заседании Президентского совета СССР 27 марта 1990 года» — с обсуждения этого вопроса началось заседание коллегии МВД СССР, состоявшееся 30 марта с. г.

Выступивший с сообщением член Президентского совета СССР Министр внутренних дел СССР Бакатин В. В. особый упор сделал на тех положениях речи Михаила Сергеевича Горбачева, в которых содержится требование и правоохранительным органам усилить в стране борьбу с преступностью. Он решительно осудил позицию некоторых средств массовой информации, смакующих жестокость, нагнетающих психоз, страх, что не соответствует реальному состоянию дел.

Мы не должны жалеть себя в работе по искоренению преступности, подчеркнул Министр. Ков-кому удобно работать «от сих до сих». Но такие люди не нужны сегодня органам внутренних дел. Дисциплина, организованность и высокая ответственность при творческом подходе и своему труду — вот что должно отличать современного сотрудника органов внутренних дел.

Коллегия обсудила также вопросы о некоторых мерах совершенствования деятельности следственного аппарата и материального стимулирования его работников, о серьезных недостатках в хранении оружия, боеприпасов в органах внутренних дел, внутренних войсках МВД СССР, на объектах разрешительной системы, о мерах по усилению борьбы с правонарушениями в сфере ритуальных услуг, о ходе выполнения требований решения коллегии «Итоги оперативно-служебной деятельности в 1989 году и задачи на 1990 год» от 10 февраля 1990 года в части обеспечения правопорядка на улицах и совершенствования патрульно-постовой службы милиции.

По обсуждаемым вопросам приняты конкретные решения.

В особом районе

227

Кто поднес спичку?

МЫСЛЕННО возвращаясь сейчас к поездке в Душанбе, вспоминаю то чувство, которое не покидало меня на протяжении всей командировки — чувство непроходящего удивления. Неожиданным было все, начиная с погоды: утром я еще ежился на московском аэродроме в меховой куртке, а вечером эту же куртку забросил в автобус и не испытывал никакого дискомфорта. Второе, что удивило, это пустыньность вечерних улиц. Да, знал, что в Душанбе введен комендантский час, но к нему трудно привыкнуть, как к любому противоестественному явлению. Противоестественному, но, увы, в те ночи необходимо. Помню, как мужчина, подвозивший меня на машине, сказал о комендантском часе:

— Конечно, это вносит немало неудобств, но зато гарантирует жизнь.

Следующий повод к удивлению ожидал в гостинице «Таджикистан». За один и тот же номер с меня взяли семь рублей, а с моего соседа — девять. Когда попытался выяснить, почему так, администратор спросил:

— А сколько дней вы собираетесь у нас прожить?

— Дня три-четыре.

— Ну вот, когда придете продлять проживание, мы с вас возьмем девять рублей, а с вашего товарища — семь.

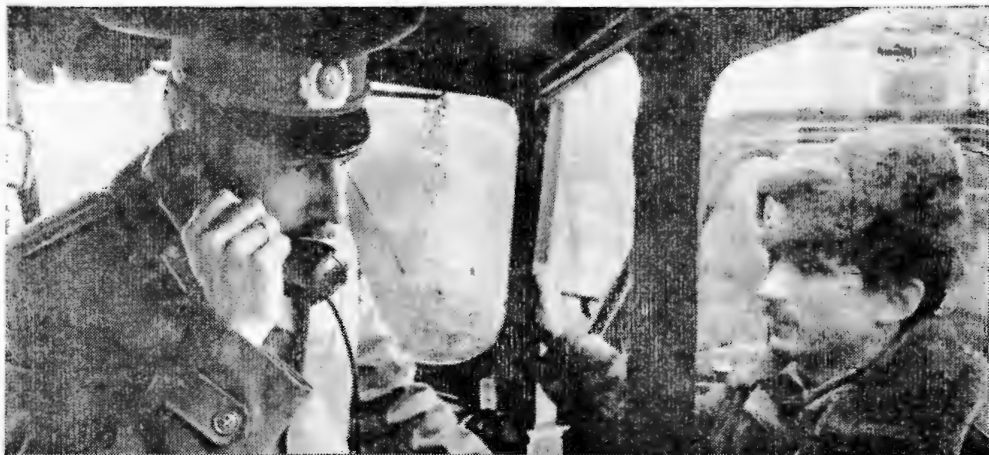
Я не стал спорить, решил отнести это на счет местного житейского колорита, припомнив присловье офицера, встречавшего нас в аэропорту: «Восток — дело тонкое».

На шестом этаже гостиницы мы были неприятно удивлены беспорядком в номере. Единственная на весь этаж горничная

объяснила, что уже третий день на работу выходит одна и то потому, что живет рядом, остальные боятся, а сама она не успела убрать все номера, спешно покинутые гостями с началом погромов в городе.

Последствия этих погромов мы увидели утром: обгоревшие остовы кооперативных лавочек, стеклянное крошево на тротуарах под витринами государственных магазинов... И снова удивление: ну ладно, пожгли кооператоров, могли таким образом выразить свое возмущение бессовестными ценами; разграбили ювелирный магазин — тоже понятно: погромщики далеки от высоких идеалов, им бы руки погреть, но зачем выворачивать наизнанку магазин детских игрушек, бить окна аптеки, сжигать троллейбус, потрошить газетный киоск, валить памятник герою гражданской войны? Бессмысленность и дикость вандализма потрясают.

Полной неожиданностью явилась сцена, увиденная на одной из улиц. К нашим солдатам, стоявшим в оцеплении, подошли две женщины, русская и таджичка, с большими блюдами в руках и стали угощать солдат пирожками. В Баку, откуда прилетели несколькими днями раньше, увидеть такое нечего было и мечтать. А здесь мы видели седобородого аксакала, игравшего с водителем бронетранспортера в нарды прямо на уличном парапете, видел мальчишек — как смугленьких, так и белолицых, — облепивших БМП, словно огромную черепаху, и по очереди примерявших шлем механика-водителя. Все это удивляло, потому что в так называемых горячих точках мы уже отвыкли от нормальных человеческих взаимоотношений, от доброжелательности.

В начале февраля обстановка в Душанбе всех держала в напряжении. Подчиненные майора Павла Черненко были рассредоточены по всему городу. Дни и ночи офицер проводил на колесах: контролировал службу подразделений, организовывал их взаимодействие, помогал найти оптимальное решение в той или иной ситуации, подбадривал солдат и сержантов.

Уже когда в городе действовало чрезвычайное положение, стало известно о готовящемся митинге. После прокатившихся накануне погромов от него можно было ожидать новых осложнений. Но наличие войск на улицах сыграло свою положительную роль — митинг прошел без провокаций и проявлений экстремизма. На следующий день город приступил к нормальной работе.

Фото Б. БУЛГАКОВА.

В особом районе

ДУШАНБЕ

И еще характерный момент: жители Душанбе не боялись военных, не боялись их грозных машин, они с опаской оглядывались через плечо на группы мрачных мужчин, собиравшихся то там, то здесь.

Новшеством для нас были и отряды самообороны, ставшие надежной опорой милиции и внутренних войск. В Кишиневе, помнится, тоже были народные дружины, но их организовывали официально на предприятиях, а в Душанбе отряды самообороны возникли стихийно в микрорайонах, во дворах. Это была инициатива самих жителей.

Невозможно забыть и вынужденно санкционированный местными властями митинг. Вот тоже парадокс: митинги и демонстрации при чрезвычайном положении запрещены, но как воспрепятствовать их проведению, когда нет закона о чрезвычайном положении? Вот и в Душанбе отцы города, опасавшиеся новых погромов в случае, если они воспрепятствуют проведению митинга, разрешили людям собраться и обсудить наиболее острые проблемы.

На митинге, после виденных мною обугленных каркасов магазинов, после посещения госпиталя, встреч с израненными, покалеченными военнослужащими, поначалу удивило — нет экстремистских лозунгов. Но потом вдруг сообразил: это присутствие войск охладило горячие головы. Люди отказались от погромов и угроз, взялись решать насущные проблемы мирно, в здравом уме, а не в наркотическом дурмане. Они добивались отставки правительства республики и первого секретаря ЦК Компартии Таджикистана К. Махкамова, требовали призвать к ответу организаторов погромов, обращались к представителям прессы: хватит, мол, срывать пенки с сенсаций, расскажите людям правдиво, как мы живем.

А живут душанбинцы по-разному. Высоко сидящие чиновники меня в гости не приглашали, видел со стороны их дачи, могу себе представить, что и квартиры у них не коммунальные. А вот в доме водителя автобуса побывать довелось. В двенадцатиметровой комнате живут одиннадцать человек. Я спросил хозяйку, как его домочадцы умудряются в такой конуре располагаться на ночлег, на что он ответил подробным изложением ночной диспозиции семейства: двое самых младших спят на шкафу, шестилетнему сыну стелят на столе, еще четверо укладываются поперек дивана, двоим из них под ноги подставляют стулья, остальные вместе с родителями — на полу.

Подразделение внутренних войск, вместе с которым мы прилетели в Душанбе, разместились в школе. Учебные занятия здесь были приостановлены несколькими днями раньше в связи со сложившейся обстановкой. Солдаты спали на полу, питались сухим пайком.

— Вот так и живем, — горько сетовали душанбинцы, — одни — в тесноте да нищете, другие — в страхе, а третьи, забыв о своем народе, погрязли в байстве.

Причина «душанбинского взрыва», конечно же, вовсе не в армянских беженцах. Их всего-то приехало в республику около 50 человек. Просто национальный фактор — это, как оказалось, самый легковоспламеняющийся «материал». На фоне накопившихся социальных проблем, нетерпения людей — поднеси только спичку. Кто же эту спичку подносит?

Внеочередной пленум ЦК Компартии республики дал ответ на многие вопросы. «Это дело рук мафии, тех, кто действительно хочет свергнуть Советскую власть». «Массовые беспорядки возникли не стихийно, а были хорошо продуманной и заранее подготовленной акцией». Такие прозвучали мнения. Некоторые из выступивших прямо обвиняли заместителя председателя Совета Министров республики, председателя Госплана Таджикистана 35-летнего Б. Каримова в попытке создания временного правительства и захвата власти. «Н. Зарипова, персональный пенсионер (вопрос Б. Каримову):

— Вы скажите о подпольном правительстве.

Б. Каримов:

— Какое подпольное правительство? О чем разговор? Я никакого указа не видел...

У. Усманов, заместитель Председателя Президиума Верховного Совета Таджикской ССР:

— Я должен поправить товарища Каримова. Никаких проектов указа не было. Он меня пригласил для того, чтобы мы этот проект подготовили. Он меня просил.

И. Хасеев, Председатель Совета Министров Таджикской ССР:

— У Каримова собрались (следует перечень лиц.—Ред.), чтобы подготовить проект указа Президиума Верховного Совета Таджикской ССР о назначении Каримова Председателем Совета Министров республики. Я случайно оказался в комнате рядом... Единственная причина поступков — люди рвались к власти...»

Уже по приезде в Москву прочли сообщение о расширенном Пленуме ЦК КП Таджикистана, который подтвердил, что в трагические дни 12—14 февраля в Душанбе «группа ответственных работников предприятия попытку неконституционного освобождения от должности Председателя Совмина.

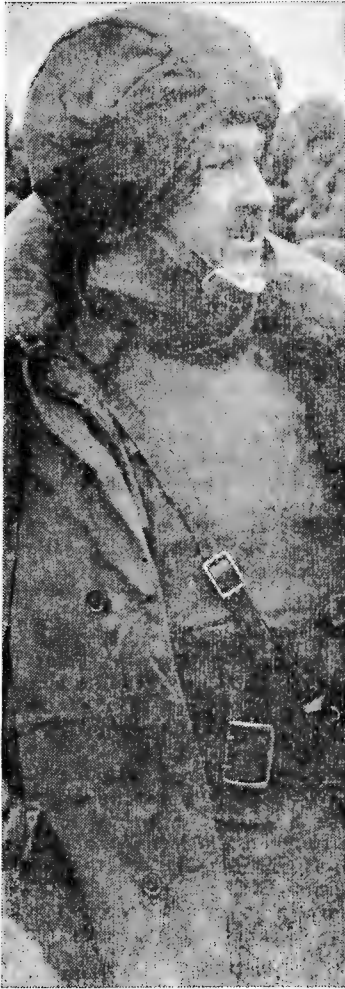
Была дана строгая, принципиальная оценка коммунистам, имевшим отношение к данному делу. В частности, из партии исключены заместитель Председателя Совета Министров, председатель Госплана республики Б. Б. Каримов и министр культуры республики Н. Табаров».

И все же Восток всегда славился мудростью. Вспоминая короткий диалог старого крестьянина с молодыми парнями-таджиками, спешившими на митинг. Аксакал катил за собой тележку с нехитрым полевым инструментом и мешком, наполненную заполненным чем-то сыпучим.

— Отец, идемте на митинг.

— Осенью будете кушать свой митинг...

Майор Б. БУЛГАКОВ,
наш спецкор.

ЭТО БЫЛИ ГОРЯЧИЕ
ДНИ ДЛЯ ЗАМЕСТИТЕЛЯ
КОМАНДИРА ЧАСТИ
МАЙОРА С. ТИХОМИР-
ОВА И ДЛЯ ВСЕХ, КТО
ОКАЗАЛСЯ ТОГДА В
БАКУ.

В особом районе

БАКУ

...И НЕТ НАМ ПОКОЯ

229
229

Как там в песне поется? «Мы так давно, мы так давно не отдыхали, нам было просто не до отдыха с тобой...» Это про нас. Второй год свист пуль, раны, кровь, потери товарищей. То Сумгаит, то Сухуми, то Фергана, то теперь вот Баку.

Поступает тревожный сигнал, мы летим туда, где без нас нет людям покоя, где всякая сволочь разыгрывает их жизни и судьбы, как мелкую монету. На черном знамени этих «хозяев жизни» начертан пресловутый лозунг: «Цель оправдывает средства», и они не гнушаются ничем, идут на убийства, погромы, любые провокации и в качестве аргумента признают только силу. Вот мы и есть эта сила.

Фото Б. БУЛГАКОВА.

НАЙТИ И ОБЕЗВРЕДИТЬ

В ЕЛИК СОБЛАЗН сравнить происходящее в Нагорном Карабахе с афганскими событиями. Здесь горы, и там горы. Серпантин поднебесных дорог, колонны с продовольствием в сопровождении войск, взрывы, вирусный гепатит, заложники, острый дефицит питьевой и вообще воды и предательски подлые выстрелы в спину.

Бронежилетом и каской здесь никого не удивишь — обычная спецодежда. Перед операцией пришлось надеть, и двое часовых на входе в санаторий, где размещается часть, впервые не преграждают мне путь. Уже знают в лицо или приняли за солдата?

Наша колонна вышла задолго до рассвета. Постепенно звезды тускнеют, становится видна глубина вплотную подступающих к дороге ущелий. Не хочется даже думать о том, что будет, если вдруг заклинит рулевое управление или заглухнет двигатель. Впрочем, есть и другая опасность. Совсем недалеко отсюда на mine подорвался легковой автомобиль — два пассажира оказались в больнице, выживут ли? Местные автовладельцы приспособились: ждут на обочине попутку, садятся на «хвост» и жмут вовсю, чтобы не сбиться с проверенного следа. Нам этот способ не подходит — не наш он, да и некогда дожидаться «лидера». В такую рань в горы могут ехать только военные машины. Впереди колонны — БТР. Его пулеметы не заряжены, но люки закрыты — обстановка!

Наконец мы у цели. Въезд в поселок перегорожен умело устроенным завалом из бревен, для усиления поперек дороги развернут грузовик. На пригорке, что нависает над дорогой слева, толпятся женщины с детьми на руках. С громкими криками они атакуют руководителей Шушинского РОВД: мол, азербайджанцам здесь делать нечего! Мужчины стоят поодаль, за женскими спинами им удобнее. Как же нужно верить в человечность солдата внутренних войск, чтобы с детьми лезть под наши БТРы! Впрочем, на поведение женщин никто не обращает внимания — привыкли. Деликатно, но настойчиво освобождая себе путь, группы поиска выходят на указанные направления.

Нашу группу ведет начальник штаба батальона майор С. Квасов. По крутому склону наискосок взбираемся на гору. Задача — изъятие оружия и боеприпасов, задержание подозреваемых в совершении преступлений, проверка паспортного режима. Две недели назад здесь «взяли» трех студентов одного из ереванских институтов. Эту небритую команду возглавлял некий Арутюнян, работник издательства ЦК Компартии Армении. Пытаясь скрыться, они открыли огонь. Значит, еще одна задача — вернуться без потерь.

Ферма на гребне горы возникает как изпод земли. Разделившись, с двух сторон обтекаем приземистые строения.

— Не сбиваться в кучу! — кричит Квасов. Его шансы оказаться на мушке сейчас больше, чем у кого-либо из нас. — Собаку вперед!

Милиционер-кинолог подталкивает Шарлена — огромную кавказскую овчарку. Недалеко от места задержания ереванских студентов найдено 30 двухсотграммовых аммоналовых шашек, 32 электродетонатора, самодельное взрывное устройство. Поэтому в кошару входим осторожно. Кто их знает, специалистов с неполным высшим техническим... Заденешь проводочек или наступишь на коробку из-под сигарет — и привет! Было такое — в одном поселке несколько неопытных террористов пытались взорвать стелу — памятный знак в честь дружбы народов, но заплатились за кощунственные намерения: памятник уцелел, словно подтверждая нерушимость братства народов, а двоих «динамитчиков» разнесло... «Бог шельму метит», — сказал по этому поводу комендант Особого района. Правда, не так часто, как следовало бы: полковник Советской Армии, сапер-«афганец» рассказывал, что некоторые мины на дорогах установлены профессионально, на неизвлекаемость...

В КОШАРЕ никого. Снайпер осматривает местность в прицел винтовки — бинокля нет. Быстро скатываемся вниз по склону горы. Можно пока не оглядываться: двое остались наверху прикрывать наше выдвижение и наблюдать. Осматриваем странный дом с продолговатым сводчатым

230

потолком и крестообразными окнами. Наверное, культовое сооружение. Пусто и здесь. Не только из религии — из интернационализма пытаются вынуть душу — общность классовых интересов трудящихся независима от национальной принадлежности, а взамен подбрасывают сказку для легковверных про национальное единство, которое, однако, не мешает продавцу драть три шкуры с соплеменника-покупателя. Одна шкура — в уплату стоимости товара, другая — спекулянту, а третья — на взрывчатку, оружие и наемников, чтобы увековечить на родной земле обстановку нестабильности и страха — наверное, в мутной воде межнационального конфликта легче ловить золотых карасей! У главаря бородатой четверки изъяли четыре с половиной тысячи рублей. На карманные расходы? Вряд ли.

К солдатам частенько обращаются с просьбами продать оружие. За автомат сулят от двух до шести тысяч, ПМ стоит две, а СВД — пятнадцать. А как-то за СВД предлагали ГАЗ-24...

Следующая ферма обитаема, но, чтобы найти здесь оружие, силенок у нас мало. Просим пастухов рассказать, как им живется, не беспокоят ли экстремисты. И тут откуда-то со склона горы, отделенной от нас глубоким ущельем, доносится протяжный крик: «Пещеру ищи! Пещеру!»

Кто он, добровольный помощник — друг, заинтересованный в том, чтобы мы нашли припрятанное в пещере оружие, или хладнокровный, расчетливый враг, который заманивает нас в ловушку, чтобы удобнее было перестрелять и подобрать наши автоматы?

Сквозь заросли шиповника продираемся в ущелье и действительно находим несколько глубоких нор, приспособленных для хранения сельскохозяйственных продуктов или зимовки пчел. В каждую первым идет Шарлен, солдаты — следом. А «наводчик» не унимается — все кричит и кричит о пещере. Ищем. Неожиданно на гребне горы между деревьями появляются две фигуры в милицейской форме.

— Это же карагиндцы, школа милиции! — опознает соседей Квасов и выкрикивает их позывной. Оттуда радостно машут руками и кричат наш.

— Радиостанция есть? Какая частота? — доносится с горы.

Майор подносит к глазам рацию, силится прочесть номер канала, потом опускает ее:

— Ничего не выйдет! Наша — войсковая, у вас таких нет!

— Частоты несовместимы, — это уже мне, вполголоса.

Парадокс: моряки всего мира давным-давно договорились, на какой частоте подавать сигнал бедствия, а здесь — в одной стране, в одной области люди одного министерства, участвующие в одной операции, не могут связаться друг с другом по радио на расстоянии, когда неплохо слышен «командирский» голос! Неужели сложно в каждую рацию встроить один канал

для экстренной беспопытковой, бесподстрочной связи, чтобы находить коллег в любой экстремальной ситуации!

Наконец нашли «ту» пещеру. Это в ней были аммоналовые шашки и электродетонаторы. Сейчас — пусто. Но сколько таких пещер в округе? Недаром сюда слово магнитом тянет бородатых ереванских студентов.

ВЕРТОЛЕТ Абовянского авиационного предприятия привез из Еревана сразу двадцать три недоросля. Их багаж — четыре националистических армянских флага, полтора десятка комплектов полевой военной формы одежды, шинели вневведомственной охраны, двустолка, два бинокля, инструкции по подрывному делу и по борьбе с бронированной техникой, а как приложение к инструкции — 50 килограммов аммонала! Не правда ли, символическое соседство — трехцветный флаг и взрывчатка?

Конец этой истории, начавшейся на окраине поселка Киров, я видел собственными глазами. Две ночи подряд огромная толпа налитой спиртным молодежи блокировала здание УВД НКАО, где размещалась комендатура Особого района. «Требуем! Требуем! Сво-бо-ду! Сво-бо-ду!» — скандировали юнцы, явно повинувшись твердой дирижерской руке. Солдаты роты специального назначения капитана Олега Коржикова ценой немалых усилий сдерживают натиск. В военнослужащих полетели камни: разбита голова у подполковника, сильный ушиб кисти руки у лейтенанта, двух солдат из цепочки вынесли в тыл — «мирные демонстранты» звереют, не получая отпора. Сколько нужно выдержки, чтобы не поддаться на провокацию, не открыть огонь, не бросить в толпу «Черемуху» или прилетевший с той стороны «фронта» увесистый булыжник...

На проводе — Москва... Комендант Особого района докладывает Министру внутренних дел СССР обстановку и просит разрешения применить спецсредства. «Добро» из Москвы получено, и представители «демонстрантов» идут утихомиривать свое скандальное воинство. Слово по команде толпа рассосалась, а наутро хотелось скрипеть зубами — принято решение отпустить всех задержанных. Выходит, напрасно карабкались по горам капитан В. Нечаев и старший лейтенант С. Рожнецов, зря рисковали жизнью их подчиненные? И что скажут своим «красным беретам» командир роты специального назначения капитан В. Чернышов и его заместитель по политической части лейтенант О. Сулима?

В особом районе
СТЕПАНАКЕРТ

Следствие не смогло предъявить задержанным обвинение. С оружием в руках не задержан ни один, от взрывчатки в вертолете все дружно открестились, а отпечатков пальцев, пригодных для идентификации, найти не удалось...

Знать, слишком туго повязка на глазах Фемиды, если ее служители в упор не хотят видеть очевидного! В Москве, в сердце страны, багаж со всех сторон просветят, а тут, у самой границы, в вертолет можно спокойно пронести полцентнера аммонала. Раньше как-то не верил слухам о том, что в случае «несправедливого» решения карабахского вопроса боевики собираются организовать ряд взрывов в Москве. Теперь убедился: нет в этом ничего неосуществимого.

Если слепа Фемиды, то, наверное, ответственность должна осудить бородатых «мессий»? Но нет, у здания УВД толпа встречает их как национальных героев...

Четыре часа поиска в горах не прошли бесследно. Усталость наваливается незаметно. Но впереди еще нелегкий путь назад, к исходной точке поиска. Отдыхать будем потом...

На ходу собирая группу, пересекаем ручей, идем мимо аккуратных огородов сельчан и вдруг замечаем на склоне горы разбитый, вверх колесами перевернутый грузовик. Выходит, обманчива эта полуденная тишина?

На крутом подъеме ватными становятся ноги, сердце часто-часто стучит, высохло в горле, не хватает воздуха, но все держатся.

Мотор тяжелого ЗИЛа слышен издалека. Мы грузимся молча — сил не осталось даже на разговоры. Красавец Шарлен рвется в кабину, он ни за что не хочет ехать в кузове, и кинолог остервенело хлещет его поводком. Пес, конечно, неправ, но его жалко — он честно рисковал собой ради нас.

«Улов» небогатый — четыре ружья. Все на счете групп блокирования. В поселке Киров лейтенант Н. Кучеренко, обходя посты, приказал рядовым С. Наварко и В. Бессчетнову выдвинуться в более удобное для наблюдения место. Оно действительно оказалось удобным — у большого камня кто-то уже подготовил себе огневую позицию. Под камнями солдаты нашли мешок, а в нем три ружья и четыре патрона. Четвертое при выдвижении на рубеж блокирования заметил и подобрал рядовой С. Ершов в поселке Туршусу.

ВЕЧЕРОМ по Шушинскому телевидению показали трехминутный сюжет о нашей операции. Ведущий сказал: «Надеемся, с помощью внутренних войск на землю Нагорного Карабаха придет мир».

А десять минут спустя на экране появился комендант участка подполковник В. Васильев с изъятыми в ходе операции ружьями. В арсенале боевиков на семь стволов меньше, а девяносто два жакана уже никогда не отыщут своих жертв —

только ради этого стоило лазать по горам...

Когда мы сидели у телевизора, вдруг колыхнулся пол под ногами, шторы качнул звук недалекого взрыва. Свообразный отклик на телепередачу, ничего не скажешь.

...В это время капитан Валерий Чернышов вместе с рядовым Михаилом Мигуновым вторые сутки лежали в полутора километрах от лагеря боевиков. Чтобы не звенеть банками, консервы оставили в маленьком милицейском гарнизоне села Фараджан. Питались всухоматку — бутерброды с салом, конфеты, лебяжий чай во флягах. Спали по очереди прямо на камнях. На третий день пошли в разведку — подобрались к лагерю на двести метров. Чернышов набросал на листке бумаги план местности, обозначил безопасные подходы, которыми пользовались обитатели не обитаемого, если верить карте, поселка Спитакшен. Чтобы возвращаться, дождался тумана. Едва стали уходить, ветер изменил направление, облако полетело своей дорогой, и разведчиков тут же заметили боевики — открыли огонь. В горах попасть в цель труднее, чем на равнине, и все же это слабое утешение, когда рядом визжит рикошетирующий о камни свинец. Чернышов и Мигунов не стали отвечать — спрятали антенну радиции, это демаскирующий признак, установили, что у обитателей лагеря есть пистолет, карабины, автомат, и прибавили шагу, очень надеясь, что удалось выдать себя за пастухов или егерей — только бы там, на вершине, не догадались, что имеют дело с военнослужащими.

Постепенно кольцо вокруг «стойбища» затягивалось — прибыли солдаты и курсанты Высшей школы милиции. К сожалению, в группе блокирования кому-то не хватило усердия. Один неосторожный шаг — и скрытность выдвижения обеспечить не удалось.

Боевики, заметив военнослужащих, спешно собрали оружие и попытались покинуть лагерь. Командир взвода специального назначения лейтенант Павел Изжук перекрыл им пути отхода. Чернышов со своими людьми сорвал попытку организовать круговую оборону...

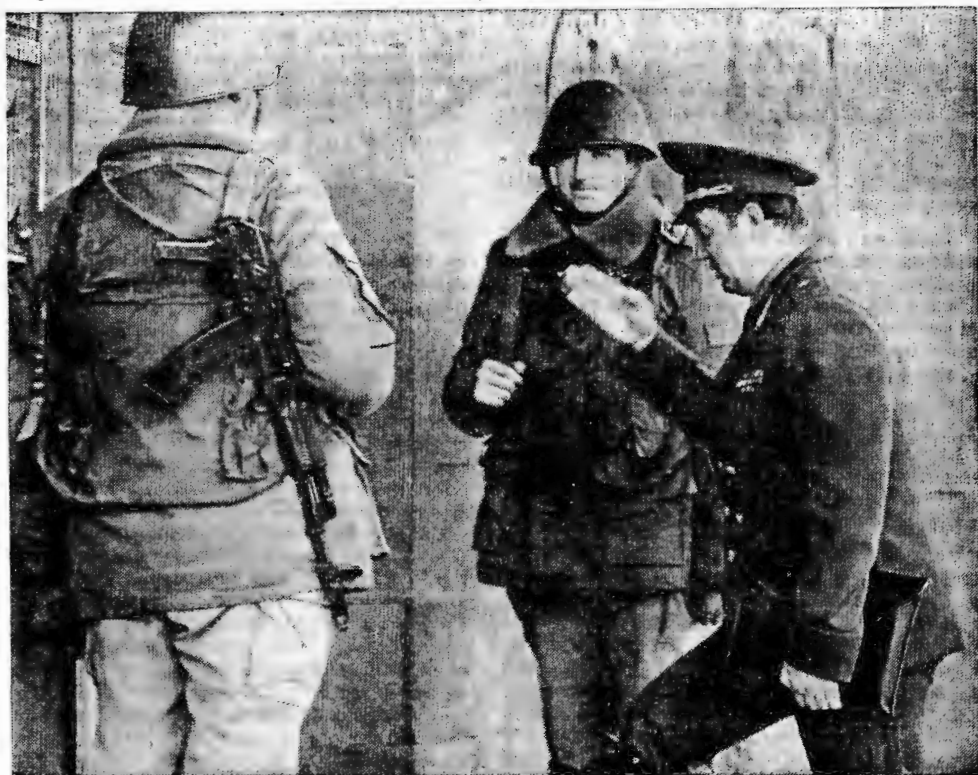
Из Афганистана можно было уйти. Уйти из Карабаха? Бросить на милость националистов ни в чем не повинных советских людей? Это невозможно. Подчиненные офицеров В. Васильева, В. Енягина, Н. Гнеся не зря рискуют жизнью. Когда-нибудь это поймут даже женщины, за спинами которых бородатые мужчины готовят новые провокации. Жаль только, что на прозрение уйдет такое дорогое время.

Спасительная миссия внутренних войск, судя по всему, затягивается. И пока народные депутаты говорят о необходимости найти взаимоприемлемое политическое решение проблемы, нам безвредно тех, кто пытается решить ее силой.

Капитан В. ГЕРАЦЕНКО,
наш спецкор.

Командант Карабаха

231

Генерал-майор В. САФОНОВ:

«Уже в который раз приходится говорить, что нормализация обстановки не выгодна определенным силам, и они делают все возможное для дестабилизации ситуации в Нагорном Карабахе.

Но в последнее время мы больше сталкиваемся с пониманием наших задач и целей.

А вообще хотелось бы, чтобы контакты налаживались между самими армянами и азербайджанцами. Ведь нельзя прийти к желанному миру, так ни разу и не сев за стол переговоров. А другого пути нет, и об этом нужно подумать в первую очередь».

(Из интервью военного коменданта района чрезвычайного положения корреспонденту ТАСС).

ВЕРТОЛЕТ словно нехотя оторвался от взлетной бетонки, завис над карабахской землей. Генерал Сафонов окинул взглядом окрестности Степанакерта. В маленьком иллюминаторе мелькнули черно-белой открыткой застывшие под снежными шапками горы, змейки притихших заблокированных дорог, россыпи домиков-кубиков, в которых измененные люди оставались заложниками злой междоусобицы...

Уставший за долгие карабахские месяцы комендант не ощущал облегчения, улетая домой. Сердцем, отягощенным заботами Особого района, он чувствовал скорое свое возвращение на эту землю. И вспомнил, как раз за разом, четырежды, кажется, сдавал билеты, дожидаясь очередного отпуски,—обстановка вынуждала откладывать отдых на неопределенное время. Теперь вот официально сдал дела, объехал с премьерником гарнизоны, райкомы и исполкомы... Вчера попрощался с офицерами комендатуры. Просмотрел, уже не накладывая резолюций, почту.

Одно из писем, от первой до последней строчки пронизанное болью, горечью и обидой, генерал перечитал дважды:

«Мы на гражданке возмущаемся игрой в демократию с экстремистами, убийцами, ворами, мафией и прочей заразой, охватившей Азербайджан и Армению.

Наши внуки и сыновья—военнослужащие войск МВД—призваны в НКАО для недопущения насилия между азербайджанцами и армянами, пресечения всякого рода экстремизма. И мы это понимаем. Но не понимаем, возмущаемся, не одобряем политику местного парт. и сов. руководства...

Скажите, что, наши дети и внуки, военнотруженики, там для того, чтобы быть у армян и азербайджанцев батраками, чтобы разгружать для них вертолеты и вагоны с продуктами? Зачем это руководство делает! Что эти армяне и азербайджанцы без рук и сами не могут организовать разгрузки и перевозки! Для себя же, того дармового, что отрывают от себя народы других республик Союза. А мы ведь тоже нуждаемся и в муке, и в медикаментах...

Но мы работаем, а результаты своего труда отдаем тем, кто уже в течение года бастует, чем наносит вред, убыток и нам. Зачем войны пасут овец! Или там нет коммунистов, комсомольцев, чтобы охраняли отары овец, водоемы, насосные станции, склады! Все легко на плечи солдат. Да, солдат все стерпит, все вынесет. Но это не помощь. Всякие разгрузки, перевозки силами солдат—это унижение солдат.

Конституционную власть и порядок надо защищать так, чтобы экстремисты знали, что к ним будет применена сила. А солдаты разгружают грузы, Позор!

Мы не сторонники сталинского режима поддержания порядка. Но обидно за державу, которой всякий может плюнуть в душу. Агрессивное отношение к солдатам

и офицерам, представителям Советской власти, требует в ответ применять силу. Уговоры здесь не помогут...»

Вот тебе, комендант, глас трудового народа! Владислав Николаевич Сафонов, в течение многих месяцев служивший в Карабахе миротворцем в генеральской форме, наслушался и начитался всяких рецептов-мнений по поводу «ситуации в НКАО и вокруг нее». И в этом смысле письмо из Черкасс не стало каким-то откровением. Просто человеческий этот документ, обнаженно страстный и без экивоков всяких, заставил не слабого, тертого этой жизнью генерала в очередной раз содрогнуться душой от сознания бессилия своего, тщетных попыток развязать карабахский узел. «...Обидно за державу. Неужели так далеко зашли распри? Почему не вводится... чрезвычайное положение?»—боже мой, как прав этот Нечипоренко!

КАК В ВОДУ смотрел автор письма—дождались чрезвычайного положения. И Сафопова предчувствия не обманули—снова он комендант в самой горячей точке страны. Строки Указа Президиума Верховного Совета СССР прочитал он как очередную сводку из своего Особого района: «Значительно активизировались действия различных националистических и сепаратистских объединений, которые ведут подстрекательскую работу, втягивая в противоборство все более широкие слои населения. Экстремистски настроенные группировки организуют массовые беспорядки, провоцируют забастовки, разжигают национальную рознь и вражду...»

Сводки были одна страшнее другой: «...С утра продолжались погромы квартир и убийства лиц армянской национальности. Их интенсивность возросла к исходу дня и ночью. Количество жертв уточняется. Участились угрозы в адрес военнослужащих внутренних войск. Существование их сводится к следующему: «Если введут комендантский час, будет народная война. Получите пули из-за всех углов», «Сначала рассчитаемся с армянами, потом будем резать вас». Угрозы в расправе над семьями военнослужащих поступили офицерам и прапорщикам частей Бакинских гарнизонов. Осуществляя психологический прессинг на население, открыто действуют экстремисты, называющие себя Народным фронтом...»

«Наиболее активно экстремисты действуют в Кубатлинском, Агдамском, Шушинском, Мартунинском и других районах, где, по имеющимся данным, сосредоточены многочисленные силы боевиков, переодетых в военную и милиционную форму, имеющих нарезное и гладкоствольное оружие, а также БТР и БМП...»

«Имела место попытка нападения боевиков на одну из воинских частей Советской Армии, но была предотвращена личным составом караула... При попытке разблокировать часть два полковника Советской Армии взяты заложниками...»

Мы до сих пор еще не осознали весь

131
232

трагизм бакинских событий, пламя которых мгновенно перекинулось во многие регионы, унесло человеческие жизни. Но совершенно ясно одно — действуя решительно и смело, солдаты внутренних войск должны были остановить безумных, проливающих кровь. Вулкан страстей кипел давно. Сафонов это понимал. И делал все для того, чтобы не произошло извержения огненной лавы, способной испепелить все. Может быть, именно поэтому его отставки требовали самые ярые «борцы за демократию» по обе стороны баррикад — и в Степанакерте, и в Баку, и в Ереване. Не давал комендант со своими подразделениями разгуляться ни одним, ни другим, был постылой костью в горле тех, кто только и жаждал вцепиться в горло другого. Еще до январских событий в Баку пришлось ему побывать и в заложниках.

ДВА ТЕЛЕФОНА в кабинете председателя Комитета особого управления НКАО Аркадия Ивановича Вольского зазвонили разом — на связь с ним выходили член Политбюро и заместитель коменданта полковник В. Ковалев.

— Владимир Владимирович, передайте Сафонову, пусть подождет минутку, у меня Москва на проводе, — Вольский прижал одну трубку щечкой к плечу и стал докладывать по «вертушке».

Ситуация в то утро складывалась неординарная. Карабах в который раз показывал свой норовистый характер, брал судьбу круто на излом. Три генерала и замминистра внутренних дел республики захвачены в качестве заложников. Экстремисты потребовали в обмен на них выдать двух своих боевиков, арестованных солдатами спецназа нынешней ночью. Противоправные действия террористов были налицо — взятые на месте преступления с оружием в руках, когда обстреливали проходящие машины, соседнее село, при задержании отстреливались, яростно сопротивлялись. Народный фронт не мог оставить их в руках правосудия, опасаясь, видимо, что провалят явки, выдадут сообщников. Задержанные, именуемые в толпе «солдатами Народного фронта», оставались пока в Степанакерте, а значит, следуя логике экстремистов, «в руках у армян». Намерения по их вызволению высказывались самые решительные, вплоть до...

Вольский почувствовал, как завибрировала трубка, которую держал у плеча, — комендант через своего заместителя отдавал приказание: «Группу разблокирования сосредоточить возле... Из спецсредств необходимо иметь... Учтите, здесь есть женщины — экстремисты наверняка будут ими прикрываться, вы же их знаете... Только по моей команде...»

— Пусть подождет Владислав Николаевич, — Вольский уже опустил вторую трубку на аппарат с гербом. — Спокойно, нам дали времени до пятнадцати тридцати. Ну, что там у вас?

А там, во Дворце культуры, куда обман-

ным путем завлекли представителей войск и республиканского МВД, диалог был отнюдь не корректным. Собственно, и диалога-то не было. Народный фронт предъявил жесткий ультиматум — отдать своих боевиков. Страсти опять затмили разум. Требования сопровождались истерическими выходками: одна из женщин кинулась на замминистра, вонзила ему в шею большую цыганскую иглу. Здание, где находились заложники, блокировали несколько тысяч возбужденных людей.

При заложниках оставались лишь два солдата-спецназовца. У одного в толпе успели отсоединить от автомата магазин. Но парни держались стойко, ни малейшей растерянности не проявляли. Когда одного из захваченных генералов распоясавшиеся молодчики попытались запереть в туалете, солдат — один-одинешенек против бесноватых — закричал, побелев лицом: «Не подходи! Перестреляю, сволочи!» Страшно закричал — расступилась толпа.

Военные и на этот раз пошли на компромисс — задержанных привезли и передали местной милиции. Чтобы не пролилась кровь. Чтобы преступники стали «героями», а местная милиция — их «защитницей».

КОМПРОМИССЫ. Переговоры. Увещевания. Лексикон вроде бы не военный. Но военный комендант района чрезвычайного положения генерал-майор Сафонов включает в свой «арсенал» все, что может способствовать нормализации обстановки, что останавливает кровопролитие. Ему очень непростое, ведь на момент введения чрезвычайного положения так и не было закона об этой жесткой мере, не были детально разработаны полномочия органов, призванных обеспечивать порядок. А вопросов возникает масса. Как прекратить забастовку? Как заставить местную газету публиковать официальные сообщения, приказы военного коменданта? Как убедить местные правоохранительные органы в том, что перед советскими законами равны все — и армяне, и азербайджанцы?

Ей-богу, должен он быть семи пядей во лбу — комендант района ЧП. Владислав Николаевич, на мой взгляд, близок к искомому. Шутка ли — кандидат военных наук, в академии преподавал, высокие командные и штабные должности прошел. Причем не в тепличных условиях — Дальний Восток, зона БАМа...

Говорили с ним о науке. Он откровенно огорчается, если встречает (и довольно часто, к сожалению) прохладно-пренебрежительное отношение к науке в войсках. В закоснелых умах сложился образ ученого-военного как этакого барина-сибарита, ученая степень которого словно пышный орден на чистеньком мундире — кто ни увидит, непременно ахнет, а после произнесет: «Ах, к чему это во внутренних войсках науки! Да и какая тут может быть наука?»

Даже вовсе не искушенный в военном деле человек, узнав что диссертация Сафонова была связана с борьбой против диверсионно-разведывательных групп в

глубоком тылу, догадается, что «та» наука отнюдь не помешала коменданту в «этой» боевой обстановке района чрезвычайного положения. Здесь взрываются мосты и дороги, поджигаются дома и фермы, обстреливаются колонны и села—список этот множится каждый день и каждую ночь. Каждый день и каждую ночь комендант анализирует, готовит операции и проводит их, прогнозирует изменения обстановки. Многие операции проходят без применения оружия и спецсредств. Это случается там, где коменданту помогают здравомыслящие представители местной милиции, советские и партийные органы.

— Как только не оскорбляют наших солдат некоторые «непримиримые»,—сокрушается Владислав Николаевич,—и «окупантами» именуют, и «фашистами»... Всякий раз напоминаю ребятам: не поддавайтесь на провокации, будьте выше в любой ситуации, сознавая ответственность свою. Каждый инцидент в отблесках нездоровых страстей и эмоций грозит перерасти в перестрелку, обретает зловещую окраску. Помните случай, когда колонну машин с курсантами Свердловского пожарнотехнического училища обстреляли и забросали камнями? Боевое охранение тогда применило оружие, один человек был убит и пятеро ранены. Искра была брошена на бочку с порохом, и по Степанакерту пронеслось: «Солдаты—убийцы!» Толпа осаждала нашу комендатуру, телеграммы полетели во все концы. Вот, храню «на память» одну такую петицию: «После того, что случилось в Степанакерте, народ потерял веру в справедливость и пришел к выводу, что руководство страны руками своих ставленников на местах хочет задушить борьбу народа НКАО за национальное самоопределение с помощью сил правоохранительных органов. Ворвавшиеся в город со стороны города Шуша курсанты МВД СССР на 10—12 машинах открыли массированный огонь из автоматов по мирным жителям, убили одного и ранили пятерых граждан, устроили фейерверк из свинца и на большой скорости скрылись. Совершив такой зверский акт вандализма в отношении мирных жителей, войска МВД и комендант генерал-майор Сафонов дискредитировали себя в глазах населения НКАО. Требуем немедленно снять с должности основного виновника инцидента—скомпрометировавшего себя коменданта Сафопова».

— Каково?—Владислав Николаевич вложил телеграмму в папку.—Я ведь, подписывая любой приказ на проводку колонны, обязательно подчеркиваю — «оружие применять как крайнюю меру при явном нападении на колонну». Это ведь истина—комендант и войска для того и поставлены, чтобы не пролилась кровь. Ан нет, выставляют меня таким кровожадным вандалом. В тот раз армяне утверждали, что я «организовал» перестрелку, дабы «уравнять» число жертв с обеих сторон — незадолго до этого погиб один из азербайджанских боевиков. От такой их арифметики у меня мурашки по коже!

Но вести диалог надо. И вновь комендант обращается к народу, на этот раз по телевидению:

— Задачи, которые поставлены перед внутренними войсками, временно находящимися на территории НКАО,—это охрана общественного порядка, защита конституционных прав и достоинства жителей. При выполнении этих функций для нас неважно, к какой национальности принадлежит человек. Мы не участвуем ни в каких националистических интригах и не уполномочены принимать и навязывать кому-либо политические решения. Поэтому обвинения в том, что этот инцидент якобы нами организован в угоду экстремистским силам Азербайджана, просто абсурдны.

Я понимаю, что у жителей Степанакерта и всего Нагорного Карабаха нервы напряжены до предела, два года эта земля не знает покоя, страдание и боль за свою будущность как никогда обострили ваши чувства. Устали и мы, солдаты...

И все же в этих очень сложных условиях, когда все живут в постоянном напряжении, мы не должны, просто не имеем права поддаваться на провокации.

Владислав Николаевич рассказывал, что нечистоплотные люди, вершащие грязные дела под шумок, под темной завесой междоусобицы, пытаются приписать войскам свои преступления, походя обвиняют их в попустительстве «другой» стороне, в бездействии. Грешили провокационными измышлениями и азербайджанская «Азадлыг», и степанакертский «Советский Карабах». Что касается корреспондентов зарубежных, многие из них все допытывались у коменданта, офицеров войск, похожа ли ситуация карабахская на ливанскую или ольстерскую. Комендант не говорил ни «да», ни «нет». Он не увиливал от ответа, не лукавил. Ни на Ближнем Востоке, ни в Северной Ирландии он не был, с тамошними генералами не общался. Так что право сравнений и политических оценок он оставляет за политиками, историками, журналистами. Его дело—не допустить кровопролития во что бы то ни стало.

А ведь среди взрывов, выстрелов, пожара—люди. Горестей, бед, отчаянных просьб, ультимативных требований—день ото дня растущий вал. Из пухлых папок беру наугад несколько листов, адресованных коменданту.

«Прошу вас оказать мне помощь для поездки в г. Сумгаит Аз. ССР, чтобы решить вопрос с квартирой. Вылетаю в Баку рейсом А-6. Остроглядова.» Резолюция коменданта: «...вылетает гр. Остроглядова Нина Артемовна [по национальности армянка]. Прошу выделить сопровождающего для встречи в аэропорту и сопроводить до Сумгаита и обратно. Проживать в Баку будет по адресу...»

«От Гусейнова Мудадат Гаджи. Я работал в автобазе ОблПО г. Степанакерт, уволен по собственному желанию. У меня там осталась зарплата за три месяца, отпускные, расчетные деньги. По этому вопросу прошу вас помочь мне получить деньги. Со своей просьбой обращался к

председателю исполкома тов. Гюзалову, который мою просьбу адресовал к тов. Вольскому.» Резолюция коменданта: «Деньги перечислены в шушинскую Сбербанка».

В ОТ ТАКИЕ ЗАБОТЫ. Воистину двужильным надо быть, чтобы поднять такой груз. Да комендант и не из слабаков. Глядя на его мощную, энергичную фигуру, все отмечают в нем благородную силу, истинно генеральскую стать.

Генеральская стать его идет от уважения к мундиру (который нередко меняет на полевое камуфлированное хэбэ), от уважения к себе, как к коменданту района чрезвычайного положения, от уважения к людям.

Он временами импульсивен и горяч, но когда ведет диалог с любой из противостоящих сторон, напрягает волю, чтобы сдержать эмоции свои и чужие.

Владислав Николаевич приводит как иллюстрацию страшный случай, который поначалу пытались вписать в список преступлений националистов. В одном из районов НКАО сгорел дом. На пепелище обнаружили несколько трупов с признаками насильственной смерти. Тут же раздались голоса: «Неверные убили! Солдаты не защитили!» Кое-кто призывал к мести. Но четко сработала следственная группа МВД Союза. Выяснилось, что заверное преступление совершили свои же, соплеменники, из кровной мести. Свое злодеяние хотели прикрыть враждой двух народов. Не вышло.

— И ничего у экстремистов не выйдет, — решительно и твердо говорит комендант. — Как бы трудно ни приходилось, разбой и кровопролитию поставим надежный заслон. Верю в своих солдат и офицеров. А еще крепко верю в разум двух народов, которых ведь не для красного словца всегда называли в Карабахе братьями.

Из оперативных сводок:

«Обстановка в НКАО и прилегающих районах остается сложной. Забастовка продолжается. Проведена операция по проверке паспортного режима. В ходе ее задержано 74 человека, 56 человек доставлены на фильтрационный пункт. Из них 40 не имеют прописки, 33 — жители Баку и Мир-Башира. Изъято оружие и боеприпасы. Задержан и арестован гражданин Д. А-ов, являющийся одним из самых активных лидеров экстремистски настроенной группировки. Задержано за нарушение комендантского часа 80 человек, арестовано комендантом 19 человек...»

Армянскими экстремистами забросан камнями и обстрелян автобус... Азербайджанцы забросали камнями грузовик, водитель и пассажир избиты. Противоправные действия пресечены нарядами внутренних войск...»

Спасительную миссию выполняют солдаты правопорядка во главе со своим боевым генералом — комендантом района ЧП.

Подполковник Б. КАРПОВ,
наш спецкор.

Фото С. Грязева.

УКАЗ Президиума Верховного Совета СССР

о награждении орденами СССР работников органов внутренних дел и военнослужащих внутренних войск Министерства внутренних дел СССР.

За мужество и отвагу, проявленные при исполнении служебного долга, наградить:

орденом Красной Звезды
Жайсанова Семейхана Каримовича — капитана внутренней службы.

Романова Александра Ивановича — майора (посмертно).

Орденom «За личное мужество»
Кошербаева Кабылгазы — капитана внутренней службы.

Председатель
Верховного Совета СССР
М. ГОРБАЧЕВ.

Москва, Кремль.
2 марта 1990 г.

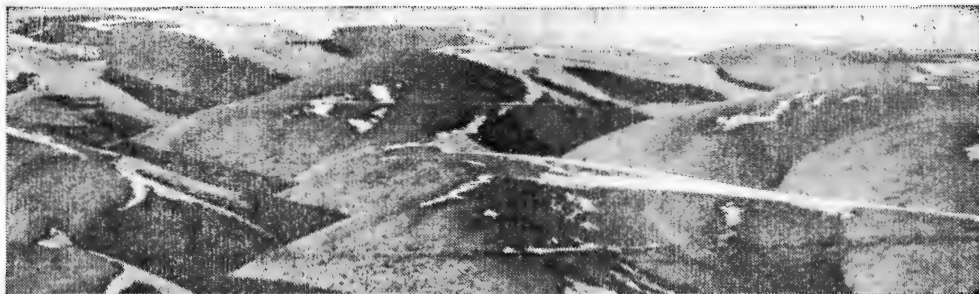
В сентябре прошлого года журнал рассказал читателям о захвате пяти заложниц в одной из ИТК Семипалатинской области. В сложной обстановке, когда счет шел на минуты, по истечении которых бандиты грозили поочередно убивать свои жертвы, командование группой захвата взял на себя политработник майор Александр Иванович Романов. Он и капитан внутренней службы С. Жайсанов действовали смело, решительно, в результате заложницы были спасены. Александр Иванович получил в ходе операции смертельное ранение...

В воинском коллективе майора Романова хорошо знали и глубоко уважали за преданность коммунистической идее, нравственную чистоту. Он в свое время был одним из лучших замполитов роты, а когда стал ее командиром, то вывел на первое место в части. Спортсмен - разрядник, Александр Иванович привил подчиненным любовь к физической культуре и спорту, они занимали призовые места на различных состязаниях. Писал стихи. Хорошо пел. Участвовал в художественной самодеятельности.

У Александра Ивановича растет сын — весь в отца. Романов-старший вообще любил детей, вместе с женой готовил для них праздники.

Жаль, что обо всем этом приходится писать в прошедшем времени. Но для личного состава полка старший инструктор политотдела майор Романов остался навсегда в строю. На правом фланге.

Лавина беды нашей

«Горы ныне стоят без снега. Лавин нет, но другая беда, страшнее, сошла на нашу землю...» Старая женщина плачет, говоря эти слова, и повторяет: «Зачем, зачем все это?»

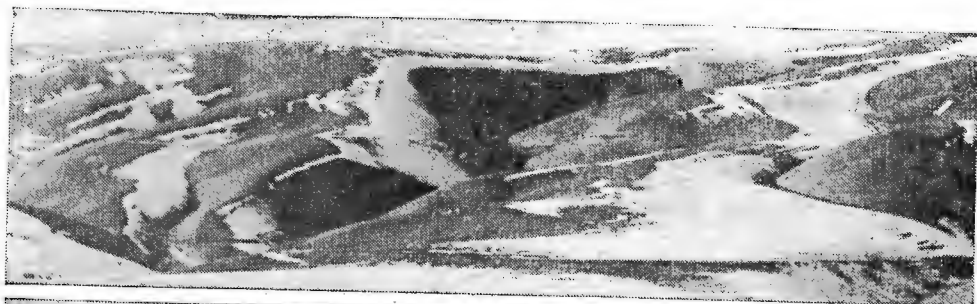
Да, зачем были спрятаны в гайниках винтовки, кому предназначались боеприпасы, обнаруженные нашими войсками, почему били по жильям домам эти градобойные орудия?

Вопросы, вопросы... И пока политики искали на них ответы, военнослужащие внутренних войск делали все возможное для того, чтобы плачущая женщина знала, что находится под надежной защитой, чтобы она поверила: лавина беды остановилась, и сдержали ее солдаты.

Фото А. АЛЕКСАНДРОВА.

297

О чем молчит Швенченский лес

«Милая и веселая моя Танюшка, весной командир обещает мне отпуск, но до весны еще далеко, и остаются только письма мои и твои. По моим подсчетам я должен их получать от тебя около сорока, если учесть вторую половину февраля...

На службе бывает всякое, случается так устаем, что ноги не несут. На это у старшего лейтенанта есть бодренькая присказка: «Не хнычь! Солдат ветром причешется, в бою прогреется, на одной ноге отдохнет». Ничего, помогает, да и земляки не дают расклеиваться, ведь мой призыв почти весь из Подмоскovie.

А березки, Танюха, здесь такие же, как у нас—обаятельные. И зимой, и весной, и летом. В грустную минуту, когда вспоминаю дом, тебя, смотрю на березку, говорю с ней, как с другом, и слышу, как она шепчет: «Не будем тужить...» Если встретишь Варвару Михайловну, напомни ей, что я ожидаю программу для дальнейшей учебы. Жди меня, золотая моя.

Твой Вовка.»

БАНДЕРОЛЬ с программой для поступления в институт младший сержант Владимир Андреев от своей старой учительницы получил, а вот это письмо невесте в подмосковное село Никольско-Трубецкое не пришло. Его, запекшееся в крови, достал из кармана гимнастерки Андреева младший сержант Саша Гжелин, закадычный дружок, в те минуты, когда Володя лежал бездыханный, с роковой мутнинкой в глазах, на еловых ветках в Швенченском лесу. На вылинявшей плац-палатке несли Андреева по глубокому снегу командир роты старший лейтенант Николай Кириллович Чобота, комсорг старший сержант Виктор Локтюшин, младшие сержанты Александр Гжелин и Василий Шолохов.

Фронтвик Чобота знал, что смерть на войне была обычной и привычной. Хорошили быстро, вспоминали редко—ни времени, ни души не оставалось на скорбь и память. А сейчас? Почему сейчас, семь лет спустя после войны, гибнут и гибнут солдаты и офицеры. Вон сколько могильных холмиков выросло на Вильнюсском кладбище...

Вверху раздался вороний гай, над деревьями закружились встревоженные пти-

цы. Иногда ему казалось, что душа его утомилась, пропиталась кровью, покрылась ржавчиной, как автомат от ночной сырости. Но кто же будет тогда защищать этих литовских куторян, напуганных ребятшек, стариков от безжалостных, жестоких и диких набегов «лесных братьев»?

На прошлой неделе многотиражная газета перепечатала из «Советской Литвы» статью «Национал—убийцы». Ее автор Юстас Палецкис, Председатель Президиума Верховного Совета республики. Какие страшные факты он приводил!

В деревне Билюнишкай бандиты убили крестьянина Мисюлиса, ранили крестьянина Майгубораса. Всю семью Григониса вырезали, а его самого и брата застрелили на кровати. Мариту Рагаускайте изнасиловали, затем отрезали ей грудь, выкололи глаза и повесили у дороги на дереве. Крестьянина Станкевичюса привязали к хвосту лошади и гнали ее до тех пор, пока Станкевичюс не умер мученической

9
111
235

Старшина роты:

— Младший сержант
Андреев!

Правофланговый строя:

— Младший сержант
Андреев погиб смертью
героя в бою с литовскими
буржуазными
националистами!

Из эпизода вечерней поверки
в полку внутренних войск.

Чобота вспомнил Кенигсбергскую «мясорубку». Тогда среди ежедневных и еженощных боев он не ощущал ни своей, ни чужой боли—кровь и смерть в бою как будто сами собой разумелись. Были необходимостью. Здесь же смерть казалась напрасной, бессмысленной, противоестественной. И он почувствовал, как, вспаляя душу, входит в него боль гибели Андреева.

Трудной была обратная дорога. Планировали выйти засветло, а сумерки уже сочлились сквозь молчаливую заснеженность леса. Тени деревьев, сломанные боковыми сугробами, рябили в глазах. Группа шла медленно, тяжело, умеряя скрип снега под сапогами. И только когда белая луна с морозным кругом взошла над верхушками сосен, появился дымок хутора. Окружив потрепанный «ЗИС», участники операции вздохнули. Локтюшин раздал каждому промерзшие ломти хлеба и желтоватые куски сала в крупных кристалликах соли.

Младший сержант Гжелин прислонился к полуспусценному скату. Безотчетно задерживал на весу горячую фляжку с чаем, затем отхлебывал из нее, и вновь она застывала в полувытянутой руке. Во рту сухость не проходила. Ему казалось, что он выпил бы целый самовар, тот, что у них дома ставился на стол в долгие зимние вечера.

Все в Гжелине горело, клокотало пережитым. Прежде угроза смерти не нависала над ним так откровенно близко и неотвратимо, как два с лишним часа назад. Не только его, но и всех парней прикрыл от неминуемых пуль Володька. Гжелин прижал ладонью теплую, выпуклую стенку фляги, как живого птенца, и вдруг разрыдался глухо и сдержанно.

Всего неделю назад, после окончания схватки с крупной бандой, они с Андреевым строили такие радужные планы!

смертью... Банда во главе с Гайлюшисом ворвалась в хутор Гуделяй, где жила Кубелене, получившая землю и корову от Советской власти. Беременную Кубелене в присутствии детей били толстой палкой до тех пор, пока не убили ребенка в чреве матери и пока палка не сломалась. Нанося побои, бандиты злобно приговаривали: «Это тебе за землю, это за корову, это за борону. А это за то, что муж ушел служить в Красную Армию...»

Легкие сквозные ветви берез слегка коснулись маскхалатов Чоботы и Локтюшина, и Николай Кириллович вдруг вспомнил, что Володя Андреев любил березки и разговаривал с ними, как с людьми. И вмиг ощутил подступившее к сердцу тепло. Ведь сержанты, идущие сейчас с ним рядом, были не просто его подчиненными, но и близкими боевыми товарищами. Не только потому, что они выполняли один воинский долг, но и потому, что отношение к этому долгу было у них одинаковым—ответственным и верным. Это сложилось почти само собой, и, наверное, это нельзя было объяснить влиянием и авторитетом только его, командира. Они, дети войны, рано повзростели, на жизнь смотрели серьезно и в воинском строю легко притерлись, не принаравливаясь друг к другу. Сразу поняли, что им выпали трудные дни риска, неизвестности, тяжелых испытаний. И в эти дни каждый искал и чувствовал опору в военном товариществе, в общности братских уз.

РОТА ЧОБОТА, поднятая по тревоге, на грузовиках выехала на боевое задание. В небольшом сельце было тихо и ничто не говорило о минувшей трагедии. А здесь бандиты расстреляли всю семью председателя апельинки, в том числе двух малолетних детей, изнасиловали трех девушек, убили пятерых крестьян. Награбленное — сало, окорок, сыр, хлеб, самогон, зимнюю одежду — свезли в пустующий костел. Часть бандитов на отобранных у крестьян лошадях повезла провизию в лесные скроны, а вожак с приближенными остались пьянствовать.

Ефрейтор Давюляс, уроженец близлежащих мест, хорошо знал «секреты» костела. Он и возглавил разведчиков. Через час ефрейтор доложил, что потайной ход, замаскированный кустарником у ручья, не охраняется. К нему командир направил отделение Андреева с пулеметом и веревочными лестницами. Взвод лейтенанта Сапожникова блокировал костел с флагов...

Предводителя банды взяли врасплох, он даже не успел схватиться за шмайсер. Низкого роста, плотно сбитый, с непропорционально длинными руками, он был одет в форму фашистского офицера. Смешивая русские и литовские слова, пытался доказать старшему лейтенанту Чоботе, что Гитлер вовсе не покончил с собой, а готовится к новому походу на русских коммунистов и тогда великая Литва обретет наконец свободу...

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА. «В урочище «Лысая гора», на восток от села Лозники Вильнюсского уезда были две площадки 30×12 м и 10×6 м, где сжигались фашистами трупы расстрелянных жителей Науойи Вильна, Мицкунай, Лаворишкес, Шумскас, Медининкай, Торкаймак и др. деревень. В урочище были расстреляны 10 тысяч человек. В Тракае, Паневежисе, Укмерге, Кедайнй и Виржай немцы истребила 37 640 мирных жителей. В деревне Пирчюпай были убиты все жители — 119 человек, из них 69 детей.

В результате фашистского хозяйничанья, по неполным данным, лишь по 14 уездам Литвы поголовье скота и птицы по сравнению с 1940—41 гг. сократилось: по лошадям — на 136 140 голов, крупному рогатому скоту — на 565 995, свиньям — на 463 340, по овцам — на 594 492, курам — на 996 000, гусям и уткам — на 424 178 голов.

Начальник четырех концлагерей на территории Литвы немка Елизавета Зеэлинг говорила заключенным: «Вы мои рабы, я буду вас наказывать, как хочу». Она применяла жестокие пытки, избивала и лично расстреливала заключенных. ...Командир пулеметного отделения

младший сержант Андреев опустился на поваленное дерево, вытянул ноги. И они сразу же затяжелели. Из костела доносилось лошадиное ржание. Примостившийся рядом с Андреевым Гжелин, расстегнув ватную куртку, сказал:

— Вовк, ну ты слышал, что этот хмырь нашему бате про Гитлера гутарил? Во подлюка... А эти его адъютанты жидкими на расплату оказались...

— Шкуры они, Сашок, крестьян за людей не считают. А те, кого они порешили, Гитлера и на том свете разорвали бы на куски. Уж они эту «свободу» на своем горбу испытали.

Гжелин полез в карман куртки и вытащил розовый кусок окорока.

— Вовк, что-то заняло в желудке. Давай кусанем, хоть и без хлеба.

— Мне нельзя. Я силу воли вырабатываю.

— Да ну!

— Себя проверяю. Готовлюсь...

— К чему?

— Не твоего ума дело, — вспыхнул Андреев. — А окорок убери, не полезет в горло.

— Ой, зря, смачный шматок, год жалеть будешь, что оставил.

— Люди жизнь оставляют даром, — махнул рукой Андреев и разочарованно сказал:

— Жаль, прошлую ночь совсем не спал.

— О Таньке небось думал? Куда она денется, дождется. Ведь каждый день по письму шлет, — последние слова Гжелин произнес с долей зависти и, как бы оправдываясь, заюлил:

— Ты не думай, Вовк, я не завидую. Я так, чтобы ты на свадьбу не забыл позвать...

— Ну ты дурак, Сашка, как же без тебя...

Он столкнул Гжелина с поваленного дерева, и они покатались с ним, обнявшись, по вытоптанному, неряшливому снегу. Потом еще с минутой, разняв руки, они смотрели за горизонт. Облака шагали по кромке леса. Сизые и неуклюжие, они словно топтали верхушки сосен. А где-то далеко небо просвечивало голубизной. Но это было очень далеко и всего лишь узкая полоска. И не верилось, что небо будет сегодня голубым, как не верилось и в близкую Вовкину свадьбу.

Суббота в солдатской казарме всегда напоминает чем-то предпраздничные хлопоты. То там, то сям раздается ворчливый голос старшины, точь-в-точь как у своейравной хозяйки, которой все кажется, что нет нигде ни порядка, ни блеска. Со вчерашнего дня старшина в отпуске, за него — старший сержант Локтюшня, но и у него вдруг сразу прорезался какой-то скрипучий голос, появилась степенная походка, обнаружилась привычка дотошно обшаривать ротные закуртки.

2078
236
Депутат городского
Совета народных
депутатов майор
С. Бокаев приступил
к работе.

A man in a grey military uniform with epaulettes is sitting at a wooden desk. He is holding a black telephone receiver to his ear with his left hand and looking down at an open book or folder on the desk with his right hand. On the desk, there are two pens in a holder and a telephone base. In the foreground, the back of a chair is visible. The background shows a window with yellow curtains and a lamp with a yellow shade.

**Облечен
Доверием**

Фото А. АЛЕКСАНДРОВА.

Непростым был путь майора Султанбека Мухтаровича Бокаева к званию народного депутата городского Совета. Большинство избирателей проголосовало за программу офицера, выдвинувшего свою кандидатуру в местный орган Советской власти.

И сразу же — непочатый край работы. Беседы с воинами, чьи интересы прежде всего Султанбек Мухтарович намерен защищать в городском Совете. Встречи с местными

жителями, которых сегодня глубоко волнуют проблемы обновления социальной и политической жизни в регионе. Ни дня без забот. А ведь и самообразование — вопрос не второстепенный, и спорту хотя бы часок уделить хочется, и семейные хлопоты в сторону не отбросишь...

Всегда быть нужным людям, всюду успевать — это ли не привилегия народного депутата! И изменять избранному пути нельзя — облечен доверием.

ФОТО А. КОЗЛЕНКО.

**”КАК
МИМОЛЁТНОЕ
ВИДЕНИЕ...”**

Куда бы ты ни поспешал,
Хоть на любовное свиданье,
Какое б в сердце ни питал
Ты сокровенное мечтанье,—
Но, встретясь с ней, смущенный, ты
Вдруг остановишься невольно...

А. С. ПУШКИН.

— Ефрейтор Хоролед, я всегда вас ставил в пример по части опрятности,—наседаю Локтюшин на красивого хлопчика с Полтавщины. — И что же получается? Не успели вы посылку раскупорить, а в сущилке уже скорлупа от ореха. Как это понимать?

— Товарищ старший сержант, так то ж не я,—взмолился Хоролед.

— Отставить пререкание! — Локтюшин предупреждающе поднял указательный палец.—Вы по званию—старший солдат. Старший! Улавливаете смысл? И если угощаете земляков, проинструктируйте, как надобно обращаться с орехом. Развели, понимаешь, конюшню...

Чтобы разрядить сгущавшуюся атмосферу всеобщего нагоняя, к Локтюшину подскочил Миша Зинченко, ротный балагур и анекдотчик. Вытянувшись в струнку и поедая глазами врю старшины, он подобострастно выпалил:

— Товарищ старший сержант, разрешите полюбопытствовать, слышали ли вы притчу о курящих монахах?

— Ох, Зинченко, — улыбулся Локтюшин, — плачет по тебе туалет вне очереди! Валяй про монахов, про наших местных, что ли?

— Так точно! У меня все на родном материале. Так вот. Добились монахи одного монастыря права курить. А другому монастырю епископ в этом отказал. Вы спросите, почему? Оказывается, подход не тот. Эти просили разрешить им курить во время молитвы. А те—молягся во время курения... Главное — подход, товарищ старший сержант, а Хорольцу этого не дано. Не знает, куда надо вначале с орехами идти...

Почти до самого построения на обед в казарме царил гвалт. Дзинькали тазы и ведра, шуршали швабры, раздавались соленые шутки, и только дневальный отдыхающей смены, натянув одеяло на голову, казался, не реагируя на этот бедлам.

А потом враз, как по команде, стало тихо. Запахло пронзительно земляничным мылом, шипром, паркетной мастикой и смесью еще каких-то запахов, которые вдруг расслабляют, утишают и напоминают о порядке и чистоте.

Голос дежурного оторвал всех от личных дел. Сержанты срочно вызывались в канцелярию роты. Многие это расценили, как инструктаж перед выступлением в лес.

Чобота встретил настороженные лица младших командиров своим обычным:

— Родина прислала нам депешу (что означало: из штаба полка поступила телефонограмма), а посему вызвал вас на совет.

Достав именной список роты, продолжил:

— В масштабе части состоится соревнование поисковых групп. Обычно это дело возглавлял у нас старший сержант

Локтюшин. Но на сегодняшний день он замещает старшину. А во-вторых, я думаю, меня поддержат, надо выдвигать молодежь, смену ветеранам готовить. — Как считаете, товарищ Андреев, правильно я говорю?—прищурился Чобота.

— Очень правильно,—слегка растерявшись, не по-уставному ответил Владимир.

— Вот и добреньки, оставимся на вашей кандидатуре. Все свободны, а вы, младший сержант, останьтесь,—обратившись к Андрееву, сказал командир.

АРХИВНАЯ СПРАВКА. «Армия свободной Литвы (ЛЛА).

Верховный штаб. Приказ № 4. Секретный-оперативный. — Объединить все вооруженные силы, действующие в стране, и уже объединенными силами вести подпольную, активную, организованную и вооруженную борьбу против большевистского террора. При падении оккупационного режима и разгроме Красной Армии перейти в открытую борьбу, мобилизуя для этой цели весь народ.

— Литовские партизаны Венагай (Ястреба) ЛЛА, руководствуясь оперативным приказом № 3, ведут борьбу против террористических вражеских частей и против отдельных доносчиков.

— Вся литовская территория разделяется на 4 округа: Вильнюс, Каунас, Шяуляй, Паневежис. Командиры округов свою площадь подразделяют на отряды и устанавливают: для отрядов—имена зверей, для рот—имена птиц, для взводов—имена деревьев.»

В СЕ УШЛИ вперед. И Андреев, увидев подрубленную березу, решил на секунду присесть. Прикрыв веки, он почувствовал покалывание в плечах, в спине. Вставать не хотелось. Еще слышался хруст снега и неуклюжий шаг рядового Мадыко, а справа от возвышенности, которую он сразу не приметил, вдруг показались люди с автоматами. До них было метров пятьдесят, не больше...

Его сразу осенило. Он вырнул под опрокинутое дерево и уже был готов встретить автоматные очереди. Но никто не стрелял.

«Не хотят выдавать себя»,—пронеслась мысль. Пригнувшись, пробежал метров тридцать и обернулся. На него двигались двое. И тогда он крикнул: «Взвод, огонь!»

Те двое приникли к земле. Пистолетные выстрелы в разряженном воздухе прозвучали, как разорвавшиеся хлопучки...

Никакого душевного комфорта эти соревнования Андрееву и его команде не принесли. Встретив в лесу вооруженную банду, они не могли оказать ей сопротивление—на всех было только два пистолета «ТТ» и две ракетницы. О глупом риске, о неподготовленности соревнований

Владимир выступил на полковом комсомольском собрании. Кто-то из штабистов оборвал его зло и коротко:

— Бросьте свои интеллигентские штучки, командование знает, что делает. Приказы не подлежат обсуждению...

АРХИВНАЯ СПРАВКА. «Секретно!

Для успешной борьбы против НКВД, местной администрации и шпионов провести соответствующую подготовку: составить список шпионов, милиционеров и опасных работников местной администрации, подлежащих ликвидации, точно указывая место жительства и подходы к нему; собирать точные сведения о количестве частей войск НКВД, их вооружении, постах охраны, бдительности и т. п.; операции проводить в жизнь только ночью, назначая для этого нужное количество людей; до начала операции предусмотренный объект изолировать, отрезая линии телефона, телеграфа. Также обставить постами охраны все важные направления коммуникаций; у ликвидированных забирать документы, оружие и форменную одежду, другое имущество грабить запрещается; в случае опасности быть расшифрованным местными жителями, носить маски, перекраситься и пользоваться вымышленными именами. Своих раненых и убитых обязательно брать с собой.»

Вопреки распорядку дня—ложиться на пятнадцать минут позже подчиненных, Андреев ровно в 10.00 разобрал постель. Через два часа он проснулся. Сон взбудрил его, вернул силы, и он почувствовал себя крепким и свежим. Мысли о минувшей стычке в лесу вернулись. И быть может, впервые он жалел, что не имеет офицерского звания. Тогда бы он настоял, чтобы экипировка участников соревнования была бы не бутафорской.

Места, где шел поиск, Андрееву были хорошо знакомы. В августе он здесь с солдатами заготавливал сено, не раз выбирался сюда на тактические занятия, отрабатывая приемы развертывания и движения по пересеченной местности. Каждый из его отделения мог бы добраться отсюда в городок даже с завязанными глазами. Но как хорошо, что они продвигались тогда осторожно, неторопливо, как в боевом поиске! И хотя представителей лесной армии они прежде здесь никогда не встречали, встреча, однако же, произошла и могла быть роковой.

Возвращалась команда через знакомый хутор. Андреев огляделся по сторонам и только теперь успокоился. Он сразу же узнал побитый дождями и снегами флигель, скособоченный и пустой, все обитатели которого исчезли еще прошлой зимой, и большой колодец, и сожженное подворье. Тут еще сильнее застоялась тишина.

Об этом хуторе в округе шла недобрая молва. Говорили, что там неизвестно

куда исчезают путники. Идет человек себе мимо, завернет воды из колодца испить и не возвращается. Бывало, искали загадочно исчезнувших, но не находили. Тугой клубок зловещих слухов наматывался вокруг хутора, но доподлинно никто ничего не узнал.

— Товарищ младший сержант, следы!—указал на притоптанную у колодца площадку рядовой Мадыко.

Андреев подошел к срубу, присел на корточки. Сомнений не оставалось: бандиты побывали здесь. Отчетливо просматривались отпечатки санных полозьев, копыт лошади, беспорядочные следы от сапог, словно здесь танцевали.

— Тут что-то не то,—приблизился к младшему сержанту рядовой Натаров,— неспроста здесь они околачивались.

Однако устроенный Андреевым досмотр ничего не дал.

Разведенный костер никого не согрел. Да и горел он недолго. Когда первое жаркое пламя извивалось в немых судорогах, выхватывая причудливые тени хуторских построек, ребята обшаривали подвал и пришли лишь к тлеющим головешкам, которые из вороха улежавшегося жара лишь изредка показывали синие язычки и выстреливали багряными вспышками. От этого еще гуще темнела ночь, еще жутче маячил заброшенный флигель.

Андреева не переставала беспокоить мысль: почему в общем-то солидная группа лесовиков избежала активных действий. Ведь это те головорезы, которые привыкли оставлять после себя только трупы. Вряд ли они испугались крика: «Взвод, огонь!». Разве не странно, что они не произвели ни одного прицельного выстрела, хотя имели для этого множество возможностей? Всякий на их месте, обладая перевесом в силе и оружии, непременно терроризировал бы противника, преследовал его. «Значит, они имели другую, более важную задачу»,—подвел итог своим размышлениям Андреев.

ЗАПИСКА ПО «ВЧ». «Срочно! Командиру части войск НКВД.

В лесном массиве Швенченского уезда Литовской ССР скрывается банда буржуазных националистов, возглавляемая немецким парашютистом по кличке Патяржис. На стыке Старых и Новых Швенция бандиты совершили нападение на контур узкоколейной железной дороги, зверски убили кассира, охранника и стрелочника. Забрали двухнедельную зарплату рабочих — 86 тысяч рублей. Организуйте операцию по захвату банды.

Для всех опознавателей доведите: каждый, кто даст результат по делу, будет освобожден от какой-либо уголовной ответственности за свое сотрудничество с буржуазными националистами, как искупивший делом свою вину перед Родиной.

О начале операции и ходе ее информируйте постоянно.

Начальник УНКГБ.»

ЗАПИСКА ПО «ВЧ». «Срочно! Командиру части войск НКВД.

В дополнение к нашему №...

Для поддержания высокой работоспособности личного состава, действующего в операции «Свенцяны», рекомендуется применение тонизирующего препарата «кола» из расчета по одной полуграммовой таблетки на каждые четыре часа.

Операцию курирует майор госбезопасности Алексеев.

Начальник УНКГБ.»

ИЗ ЗАКЛЮЧЕНИЯ О БОЕСТОЛКНОВЕНИИ СПЕЦГРУППЫ ОТРЯДА В ШВЕНЦИАНСКОМ ЛЕСУ (ныне Швенченском.— Ю. Д.). «Группа под командой старшего лейтенанта Чобота Н. К. обнаружила в лесу бункер, где скрывались бандиты...»

ДЕЙСТВИЯ однопольчан по сигналу «Сбор!» младшему сержанту Андрееву всегда чем-то напоминали на речке детства Патхре воронку, когда она, крутя и играя струями, втягивала в себя все плывущие предметы. Нечто вроде воронки в казарме являл собой ружейный парк, когда резкая и неожиданная команда стягивала к нему людей. Вот и сейчас за считанные минуты рота Чобота выстрелилась с оружием. Ни суеты, ни затаенной тревоги командир, как и прежде, не увидел в глазах подчиненных. Он знал, что все они без исключения готовы разделить с ним риск и тяготы предстоящего поиска, но все-таки отобрал для него двадцать два человека. Это были в основном сержанты и бывалые розыскники третьего года службы.

Инструктируя их в учебном классе, Николай Кириллович очертил на карте Швенченский уезд, а затем карандаш его задержался на зеленой трапеции:

— Вот здесь, по оперативным данным, находится дзот, в котором скрывается Патяржис и его ближайшее окружение. На ликвидацию других его явок уходят спецгруппы отряда, нашей же доверено само логово. Вооружены бандиты серьезно—автоматами и скорострельным авиационным пулеметом.

Спрятав карту в планшетку, Чобота поднялся из-за стола и продолжил:— Наша задача: скрытно выдвинуться в указанный квадрат, блокировать дзот, принудить банду к сдаче...

В нескольких километрах от Новых Свенцян машины остановились. Из голодного «студебеккера» высадились спецгруппа Чобота. Ее путь лежал вдоль узкоколейки, мимо хутора, где наверняка могли быть связанные и дозорные Патяржиса.

И вот уже группа кружит по заснежен-

ному лесу, прочесывая его по квадратам. Как только будет обнаружена маскировка бункера, раздастся сигнал к бою—ракета белого огня. Солдаты и сержанты осторожно пробраются сквозь густую хвойную чащу, разбирают завалы валежника, которые очень коварны—готовы при каждом неумелом прикосновении отозваться трескучим эхом, а значит, и предупредить бандитов о приближении воинов-чекистов. Тихо постанывают сосны от февральского мороза-крепчака, маскхалаты, кажется, совсем задубели от холода...

Младший сержант Андреев, продвигаясь со своим расчетом по маршруту, вдруг застыл на месте. Шедший слева от него рядовой Бислан, взяв за макушку молоденькую елку, покачнулся, потерял равновесие: елка оказалась у него в руках.

«Под корешок подрубил. Маскировка. Значит, бункер где-то рядом»,— сразу оценил обстановку Андреев. Он внимательно огляделся: «Уж не за тем ли корявым пнем спряталось дуло пулемета».

Владимир вжался в снег, достал из сумки гранату и тут увидел, как над верхушками сосен на фоне мутноватого неба рассыпался пунктиром белый огонь ракеты.

Чобота не раз подавал сигналы к бою и каждый раз испытывал в душе странное чувство. Это было какое-то неосознанное сопротивление, какой-то немой, затаенный бунт против такого действия. Внутренний протест этот возникал не от сомнения в успехе операции, не от страха перед смертью или ответственностью за судьбы подчиненных, а от чего-то похожего на чувство провинности, какой-то неискупаемой провинности перед обманутыми крестьянами-литовцами, которые по слабоволию, запуганности вступали в банды и вынуждены были стрелять, грабить таких же бедных хуторян, какими были сами вчера.

Чобота скрывал это незнакомое ранее, непостижимое смятение перед подчиненными, иногда даже ненавидел себя за минутные колебания, ибо прекрасно понимал: во время схватки лицом к лицу с националистом не дрогнет рука. И все же освободиться вконец от этого смятения не мог. Вот и сейчас, когда он нажимал на спусковой крючок ракетницы, оно охватило его.

...Из амбразуры бункера хищно затрепетали рваные вспышки. Тотчас открыл огонь наводчик пулемета Бислан. Одна за другой полетели гранаты на едва видимый взгорок, откуда неостановимо выплескивался свинец. Взрывы гранат сотрясли лес, вздыбили слежавшийся снег.

Бой закипал. Закипал по своим неумолимо жестоким, до конца не постигнутым законам. И вскоре достиг того критического предела, когда исход схватки легко мог склониться в ту или иную сторону. В такие мгновения как раз и выве-

рялась жизнеспособность группы, ибо уже мало что значили даже самые мудрые приказы, а все решали человеческая стойкость, закаленность, духовная целостность и необходимость жертвенности.

Почти вся группа, это Андреев вскорее понял, оказалась в секторе обстрела. Все, кроме него и Локтюшина. Он лихорадочно думал, как приблизиться к бандитскому логову, чтобы наверняка бросить гранату. Надо ползти к амбразуре напрямиком. Попробовал—не получается. Густо наваленный ельник не давал этого сделать. Владимир по-пластунски, продирая маскхалат, отполз в сторону.

«Надо вдоль землянки,—пришло решение,—а там до бойницы рукой подать». И он, обойдя завал, устремляется туда, где должна была находиться пулеметная площадка.

— Товарищ старший лейтенант, вижу амбразуру!—встав на колени и занеся руку с гранатой, крикнул Андреев.

Зло и яростно прогремела очередь пулемета...

Чобота, Бислан, Бирюков увидели, как неуклюже и медленно упал головой в снег Андреев, а затем вдруг приподнялся, рванулся вперед, бросил гранату и закрыл собой бойницу...

Погасли в небе три зеленые ракеты — сигнал отбоя. Сгорбившиеся над плащпалаткой Чобота, Гжелин, Локтюшин и Шолохов, отягощенные вешмешками с боеприпасами, оружием, медикаментами, взятыми в бункере, на ощупь двигались по давно нехоженой просеке. Все молчали, только слышно было надсадное дыхание, похрустывание сушняка и шуршание сапог по выветренному насту...

ИЗ МНОГОТИРАЖНОЙ ГАЗЕТЫ «БОЕВАЯ ЧЕКИСТСКАЯ»: «Младший сержант Владимир Иванович Андреев совершил такой же подвиг, как гвардии рядовой Александр Матросов. Отдав свою молодую жизнь за счастье людей, он стал по духу младшим братом Матросова...»

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Владимиру Ивановичу Андрееву в этом году было бы шестьдесят. Кем бы он мог стать? Учителем, инженером, врачом, офицером? Отцом детей? Наставником внуков? Мог. Конечно, мог!

Но после той страшной четырехлетней битвы с фашизмом была и еще битва с его зловещим метастазом — национализмом. И шла она не год, не три и даже не пять, а много больше. И были в ней свои Александры Матросовы, Юрии Смирновы, Зои Космодемьянские, свои Николаи Кузнецовы. Только о их мужестве героизме, воинском достоинстве, величайшей жертвенности помнят те, кто был с ними рядом, да скупо повествуют исторические формуляры частей.

Для людей поколения Андреева приходит час, как это ни печально сознавать, подводить итоги жизни. Но почему же все чаще и злее, прикрываясь демократией и гласностью, иные газеты и журналы плещут им в лицо, нигилистически переписывают историю. И вот уже, оказывается, не существовало никаких буржуазных националистов, а были борцы за свободу нации и ее оккупанты в лице русских, украинских и белорусских мальчишек в погонах. Все они вместе со своим командиром Ветровым объявлены кровавыми карателями. Об этом пишет в газетах в разнузданном тоне литовская профессура, которая всего несколько лет назад утверждала обратное.

Что ж, память дана каждому человеку, но у того, кто привык менять свои взгляды, как засаленную карточную колоду, память обросла тяжелым жирком. Не очень-то она ему и нужна, если из прошлого надо вытащить только то, что нынче в цене.

Да, свои страдания новоявленные «защитники свободы» оценивают высоко, начисто забыв о горе и страданиях других. А ведь на территории Литвы находится более 700 захоронений воинов части внутренних войск. В том числе на Антакальском кладбище в Вильнюсе 182 могилы. Там же покоится прах младшего сержанта Андреева. Все они были обыкновенными людьми, но и особенными, неповторимыми, для кого-то единственными. Каждый со своей судьбой, характером, своим много обещавшим будущим, но так и не состоявшимся.

Сейчас в полку служат внуки тех, кто бесстрашно шел на огонь бандитских пулеметов. Не будем сравнивать дедов и внуков. Пусть это делают социологи. Но есть у истинных солдат одно замечательное качество, оно традиционно и, может быть, даже наследственно—не проходить мимо людской беды. Рухнул мост в Вильнюсе через реку Нярис. Первыми бросились в ледяную воду солдаты полка внутренних войск. Они спасали и детей, и взрослых. Случился Чернобыль. И туда выехала андреевская рота...

Когда писались эти строки, экстремисты в Литве стреляли в советских солдат и офицеров, как когда-то в 50-х годах. Закавказские новоявленные властолюбцы проливали кровь своих сограждан в Баку, Армении, НКАО. И вновь там были бойцы и командиры части, в списки которой навечно зачислен младший брат Александра Матросова—Владимир Андреев. Его одногодки прикрывают грудью женщин, стариков, детей, не дают разгуляться националистическим страстям.

Полковник Ю. ДУРНЕВ.

МАРШАЛ ЖУКОВ:

ШТРИХИ К БИОГРАФИИ

240

В ОКТЯБРЕ 1940-го СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ МАРКОВ НАЧАЛ СЛУЖБУ В ОДНОЙ ИЗ ЧАСТЕЙ ДИВИЗИИ ИМЕНИ Ф. ДЗЕРЖИНСКОГО: РЯДОВОЙ, КОМАНДИР ОТДЕЛЕНИЯ, ПОМОЩНИК КОМАНДИРА ВЗВОДА. ПРИНИМАЛ УЧАСТИЕ В ПАРАДЕ НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ 7 НОЯБРЯ 1941 ГОДА. ПО ОКОНЧАНИИ ОФИЦЕРСКОЙ ШКОЛЫ И ПРИСВОЕНИИ ЗВАНИЯ МЛАДШЕГО ЛЕЙТЕНАНТА В МАЕ 1943 ГОДА ПРОХОДИЛ СЛУЖБУ В ГРУППЕ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ МАРШАЛА СОВЕТСКОГО СОЮЗА Г. К. ЖУКОВА, ДЛИТЕЛЬНОЕ ВРЕМЯ ВОЗГЛАВЛЯЛ ЕГО ЛИЧНУЮ ОХРАНУ. ЭТО, ПО МНЕНИЮ СЕРГЕЯ ПЕТРОВИЧА МАРКОВА, ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ЕГО БИОГРАФИИ. СЕГОДНЯ ВЕТЕРАН ВНУТРЕННИХ ВОЙСК ДЕЛИТСЯ СВОИМИ ВОСПОМИНАНИЯМИ О ВЫДАЮЩЕМСЯ СОВЕТСКОМ ПОЛКОВОДЦЕ.

В апреле 1946 года маршал Жуков был отозван из Группы Советских войск в Германии. В июне 1946 года Сталин неожиданно направил его командовать Одесским военным округом.

В декабре 1947 года Жукова срочно вызвали в Москву, в ЦК партии. Причина вызова нам известна не была. Потом некоторое смутное время он больше находился на квартире, иногда выезжал на дачу; положение было странным, тяжелым, приходя на работу, мы не знали, что ждет маршала, а следовательно, и нас.

Как потом стало известно, это сети Берин опутывали Жукова. Уже были арестованы работавшие в разное время с Г. К. Жуковым генералы для особо важных поручений: Варенников, Крюков и многие другие. Вот так постепенно подбирались к Жукову.

И тогда не выдержало сердце маршала, он перенес первый инфаркт и в первых числах января 1948 года был госпитализирован.

В это страшное время только один человек мог спасти Жукова—это сам Сталин.

Вскоре после выхода из больницы мар-

шал был назначен командующим Уральским военным округом в Свердловск.

Как в Одесском, так и в Уральском округе при выезде в войска у маршала частенько бывали непредвиденные встречи с советскими людьми, которые питали искренние чувства любви и уважения к выдающемуся полководцу, хотели поговорить с ним о наболевших вопросах. Завязывались оживленные беседы, особенно если кто-то оказывался бывшим фронтовиком.

Отвечая на вопросы, маршал не скрывал правды, не стремился смягчить тяжелое положение, в котором оказалась страна во время кровопролитной войны.

В июле 1951 года маршал вошел в правительственную делегацию в Польскую Народную Республику по случаю национального праздника—годовщины возрождения Польши.

Вот тогда, летом 1951 года, маршал Жуков впервые после 1946 года появился на международной арене. Мы от души радовались этим изменениям, некоторому потеплению к полководцу и возлагали надежды на будущее.

В 1952 году Свердловская партийная организация избрала Г. К. Жукова делегатом на XIX съезд КПСС, а на съезде он был избран кандидатом в члены ЦК КПСС.

После XIX съезда Жуков вернулся на прежнюю работу в Свердловск, а в конце февраля 1953 года его отозвали в Москву.

В марте 1953 года—сразу после смерти Сталина—Жуков назначается первым заместителем министра обороны СССР—главнокомандующим Сухопутными войсками. Он занял ту же должность, на которую был назначен в марте 1946 года.

В 1954 году Г. К. Жуков был выдвигнут кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР коллективом Нижнетагильского металлургического комбината. И опять

он едет в Свердловск, а затем в Нижний Тагил.

Предвыборные встречи были очень теплыми и радушными.

Вспоминается такой случай в период избирательной кампании при посещении прокатного цеха металлургического комбината. Георгий Константинович заметил, что у рабочих были плохие рукавицы, а они железными щипцами брали раскаленный металл и в результате обжигали руки. Жуков здесь же дал указание командующему Уральским военным округом передать комбинату списанные суконные солдатские шинели—из них были сшиты рукавицы для рабочих.

Он много читал—историческую литературу, художественную и особенно военную как советских, так и иностранных авторов.

В 1956 году на состоявшемся после XX съезда пленуме ЦК КПСС Г. К. Жуков был избран кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС.

В 1957 году мы сопровождали маршала Жукова в Индию и Бирму.

Маршал нанес визиты президенту Республики Индия доктору Прасаду, премьер-министру Индии Джавахарлалу Неру и министру обороны доктору Кагджу.

В приемной Дж. Неру я увидел двух мальчиков—его внуков. Одному из них тогда было 12 лет. Это был Раджив Ганди.

В Индии Жуков везде видел стройных, подтянутых, с хорошей выправкой офицеров и генералов. На это он обратил особое внимание и, вернувшись из поездки, издал приказ о занятии физкультурой всех штабных офицеров, генералов и маршалов—три раза в неделю. Георгий Константинович сам аккуратно ездил на эти занятия в группу маршалов в плавательный бассейн ЦСКА. Многие маршалов Жуков спрашивал, не тяжелы ли для них такие занятия, и все говорили, что это очень полезно и нужно, придает бодрость, повышается работоспособность, забываются старые болезни.

В июне 1957 года пленум ЦК КПСС избрал Г. К. Жукова членом Президиума ЦК КПСС.

Как известно, на этом пленуме были выведены из Президиума ЦК КПСС и из ЦК Маленков, Молотов, Каганович и ряд других лиц, которые были настроены против решений XX съезда партии, были причастны к преступлениям периода культа личности Сталина.

3 октября 1957 года Жуков отбыл в Югославию и Албанию.

На аэродроме по возвращении в Москву Жукова встретил маршал Конев и передал, чтобы он немедленно явился на заседание Президиума ЦК КПСС, даже не заезжая домой.

Помню, маршал спросил:

— Почему такая спешка?

С заседания маршал вышел очень расстроенным, я его никогда таким не видел за все 15 лет совместной работы.

Прибыв на ул. Грановского и выйдя из машины, маршал сказал:

— Сегодня в 19 часов будет передано по радио о моем освобождении от должности министра.

А через день состоялся пленум ЦК КПСС, на котором он был выведен из Президиума ЦК КПСС и из ЦК КПСС.

Что же произошло за последние четыре месяца?—думал я тогда. Ведь только на июньском (1957 г.) Пленуме ЦК КПСС Георгия Константиновича повысили — он был избран членом Президиума ЦК нашей партии. Что же, тогда допустили ошибку? Нет, ошибки не было. Может, он что-то совершил в последние четыре месяца? Но ведь все это время он был на виду. Видно, кто-то чего-то испугался. Испугался партийной принципиальности, честности и справедливости Г. К. Жукова.

После снятия Г. К. Жукова, гуляя с ним на даче, однажды я услышал от него, что его каждые 10 лет (1937—1947—1957 годы) преследует роковая напасть.

Жукова отравили на отдых, но в такой обстановке, в расцвете сил разве мог быть отдых для величайшего труженика, у которого вся жизнь с ранних лет была накрепко связана с военной службой, строительством и укреплением Советских Вооруженных Сил!

После долгого перерыва маршал Жуков впервые появился публично в Кремлевском Дворце съездов на торжественном заседании, посвященном 20-летию Победы, в мае 1965 года. Как-то я набрался смелости и спросил у Георгия Константиновича:

— А как сейчас чувствуют себя при встрече с вами некоторые военачальники, которые поддались веяниям 1957—1960 годов?

— Они себя чувствуют как мокрые курицы, побитые дождем и градом, но я им сказал: я не злопамятный, и не надо нередко мной оправдываться...

ТЫЛ - ДОМУ ТВОЕМУ

Генерал-майор Л. ПАНКРАТОВ,
заместитель начальника внутренних
войск МВД СССР по тылу

Внутренние войска справедливо называют войсками постоянной готовности к действию. Многие их части и подразделения выполняют задачи вдали от мест постоянной дислокации. Это накладывает отпечаток на систему их материального, медицинского и торгово-бытового обслуживания. Социальные проблемы, которые партия определила как приоритетные, требуют поэтому постоянного внимания и эффективного решения. В письмах читатели говорят об этом во весь голос.

«Пишет вам жена старшего прапорщика Билоуса Ивана Петровича. Мой муж служит в данной части с 1962 года. В настоящий момент живет 6 человек на 27 кв. м. С 1984 года муж первый в очереди на улучшение жилья. За 5 лет, думаю, давали квартиры на часть, но мы об этом ничего не знаем. Сколько еще стоять на очереди, для чего существует очередность?»

Семья Билоус.»

ПИСЕМ, подобных этому, немало. О своих бедах пишут в журнал офицеры Чебыкин, Трахов, прапорщики Митрошин, Василевич, Исмаилов, другие военнослужащие и члены их семей. Оно и понятно: жилищная проблема в стране и в войсках остается острой, хотя мы ежегодно и получали в среднем три с половиной тысячи квартир. Количество нуждающихся в жилье тем не менее еще велико и не уменьшается. Ожидать, что в ближайшее время квартир войскам будет выделяться больше — нереально. Всюду только и разговоров о нехватке квартир, а в Центральном, Приволжском и

ряде других управлений войск из-за беспринципности командиров, политорганов, служб тыла некоторые части из года в год их недополучают от исполкомов местных Советов. Управление войск по Средней Азии и Казахстану за последние 2 года, например, недополучило в домах УВД 100 квартир из 130, которые предназначались военнослужащим. Встречается и такое, когда, составляя договоры с хозорганами, командиры отражают в них все, кроме выделения жилья для подчиненных им офицеров и прапорщиков. Много справедливых упреков высказывают авторы писем — контролеры. Их можно понять: Министр внутренних дел СССР 28 апреля 1989 года подписал документ, регламентирующий порядок выделения им квартир, но из-за нераспорядительности командиров, стремления не портить отношения с начальниками учреждений проблема решается из рук вон плохо.

Усугубляют обстановку и факты грубого нарушения некоторыми офицерами порядка использования жилого фонда войск. Убывая к новому месту службы, они под любым предлогом стараются не сдать в войсковую часть квартиру, очевидно, полагая, что она принадлежит им. Жилой фонд войск — собственность общегосударствен-

ная, закрепленная за частью до того времени, пока офицер находится на действительной военной службе. Поэтому, уезжая в другой населенный пункт, он обязан сдать квартиру, с тем, чтобы ее заселил очередной из числа офицеров и прапорщиков. Обязан, а не сдает. Сегодня таких свыше 100 человек. Значит, столько же офицеров и прапорщиков лишены возможности иметь благоустроенное жилье. Своего рода «рекордсменом» здесь является подполковник С. Кузьмин, который с 1983 года удерживает за собой квартиру в Москве, не позволяя никому в ней временно проживать. Майор В. Гайголюк длительное время не желает сдавать квартиру на юге. Странно, что командование и войсковая общественность так и не дали должной оценки действиям этих офицеров.

Как видим, создается довольно странная ситуация, и ее надо не просто прояснить. Пора, наконец, на местах навести порядок в важном деле, занять позицию, исключаящую компромиссы за счет ущемления законных прав подчиненных на жилье.

Проявлением заботы о военнослужащих и членах их семей является постановление Совета Министров СССР от 23 ноября 1989 года, объявленное приказом МВД СССР от 29 декабря 1989 года, где им определена денежная компенсация за поднаем (наем) жилых помещений в размере фактических затрат. Так, в Москве, Ленинграде и столицах союзных республик эта компенсация составит 2 рубля, в других городах, а также в районных центрах — 1,5, в прочих населенных пунктах — рубль в день. Если военнослужащий имеет 3 и более членов семьи, размеры денежной компенсации повышаются на 50 процентов.

В свою очередь начальник внутренних войск 23 января с. г. подписал директиву, согласно которой прапорщики и военнослужащие сверхсрочной службы, нуждающиеся в жилье, будут включаться в списки очередников сразу же после зачисления их на должность, а не по истечении 4 лет службы, как было раньше.

Разговор о жилье будет незаконченным, если мы обойдем молчанием солдатский дом. А это не только казармы — в целом военные городки с различными сооружениями, инженерными сетями. Ставится задача, чтобы они выглядели, как единые комплексы, которые обеспечивают наивысшую боевую готовность частей и подразделений, их автономность, живучесть в экстремальных обстоятельствах, хорошие бытовые условия военнослужащим.

Сейчас, когда правительство приняло постановление об увеличении численности внутренних войск и сам собой стал вопрос о строительстве военных городков и жилых домов, тем более важно не допустить здесь малейших просчетов, некомпетентности, неорганизованности.

Не может не беспокоить медленное освоение капитальных вложений в строительстве. Особенно в управлениях войск по Дальнему Востоку и Восточной Сибири, Приволжском, а также в Пермском и Харьковском училищах, где много объектов зачислены в долгострой.

Или возьмем другой вопрос: отношение к содержанию зданий, сооружений и коммунальному оборудованию. Оно далеко не идеальное. К сожалению, встречается немало фактов иждивенчества, мол, здания находятся на балансе ИТУ и хозорганов, пусть они заботятся об их ремонте и сохранности. Надо всячески насаждать уважение к общественному достоянию, тем более, что предприятия и учреждения переходят на хозрасчет, самофинансирование, им труднее будет изыскивать ресурсы на поддержание военных городков в хорошем состоянии. Значит, командиры и начальники должны предпринять в этом направлении дополнительные меры.

«С нас постоянно требуют, чтобы в роте росло поголовье свиней.

Кормить их нечем, фонды на комбикорм мизерные. Того и гляди, что свиньи нас съедят. Разве это нормально?..

Капитан С. Падалкин.»

ПОДСОБНЫЕ хозяйства — не чья-то прихоть. В 1988 году ими произведено сельскохозяйственной продукции на сумму около 14 миллионов рублей. На одного довольствующегося получено 22,8 килограмма мясопродуктов. Воинские части, где заместителями командиров по тылу майоры В. Ананченко, Ю. Вакуев, а также 18 подразделений полностью перешли на самообеспечение мясом, молоком, яйцами. Достигнутый рост объемов производства сельхозпродукции позволил повсеместно, наряду с регулярной выдачей личному составу дополнительного питания на боевой службе и в праздничные дни, передать на плановое обеспечение военнослужащих 25 процентов годовой потребности войск в мясе, 609 тонн молока и сотни тысяч яиц. Все это означает, что мы значительно сокращаем потребление жизненно важных продуктов из государственных ресурсов. Больше того, сейчас вопрос стоит так, что подсобные хозяйства частей должны быть дополнительным источником приобретения продуктов питания семьями офицеров и прапорщиков. Им разрешено продавать по розничным ценам до 50 процентов производимого мяса. Нормативные документы предусматривают также выдачу военнослужащим отдельных категорий продовольствия на руки, а в ряде регионов (Средняя Азия, Закавказье и др.) — продавать продукты солдатского пайка в счет плановых

фондов. И это правильно, в духе времени. Войска ведь живут жизнью страны, они часть общества, и то, что в нем происходит, сказывается и на них. Сегодня общество испытывает трудности снабжения продуктами питания. Помочь державе в трудное время — вот позиция, достойная уважения. В целом войска берут на себя сложную задачу в 1990 году — на 250 тонн увеличить сдачу мяса.

Задача не из легких. Выполнить ее мы сможем, если повсеместно будет уделено должное внимание развитию и совершенствованию материально-технической базы подсобных хозяйств, росту продуктивности животных, созданию надлежащей кормовой базы.

О ней надо сказать особо. Идут письма, что обеспеченность кормами недостаточная. Это факт, от него не уйти. Но факт и другое: командиры, политработники, офицеры служб тыла не проявляют настойчивости, чтобы добиться от местных органов выделения земельных участков для воинских частей, на которых можно было бы выращивать травы. Совет Министров СССР принял на этот счет специальное постановление, а кое-где оказались не в состоянии его реализовать, расписались в своей беспомощности.

Важно, чтобы повсеместно были созданы маточники по воспроизводству свиноголовья, чтобы работа в них велась строго на научной основе, широко внедрялись рекомендованные циклограммы. Кстати, управление тыла разработало единую циклограмму, что позволяет организовать круглогодичное равномерное производство мясопродуктов. Одновременно предстоит как можно быстрее перейти и на собственное воспроизводство порослят, прекратив порочную практику закупок животных убойных кондиций.

«Слышали, где-то солдатские столовые оснащены линиями самообслуживания. У нас об этом и не мечтают. Вот и магазина нет, нигде купить погоны, подшивку. К врачу выбраться в поселок и то большая проблема.

Рядовые А. Симаков, Б. Каримов,
И. Шодиев.»

ВРЕМЯ «картельных» столов, бачков и черпаков действительно уходит в прошлое. Военнослужащие в большинстве частей и подразделений теперь сидят за столами вчетвером. В солдатских столовых, как в кафе или заводских предприятиях общепита, получил распространение метод самообслуживания. Надо продолжать работу по перевооружению столовых. Со своей стороны мы предприняли определенные шаги: закуплены и направлены в части несколько десятков автома-

тических линий самообслуживания. Это, однако, не означает, что на местах должны сидеть сложа руки, ждать поставок из центра. Надо самим проявлять инициативу, разворотливость, ведь речь идет о культуре приема пищи, об уюте — вещах не второстепенных, прямо влияющих на настроение людей, значит, — на работоспособность.

Работоспособность и настроение военнослужащих, особенно в горячих точках, во многом будут зависеть от решения вопросов их автономного жизнеобеспечения. Уже в ближайшее время надо иметь в достаточном количестве хлебозаводов, хлебопекарных печей, холодильников-контейнеров, других агрегатов и систем.

А возьмите торговое обслуживание. В письмах, а они, к сожалению, не единичные, военнослужащие справедливо высказывают свое возмущение тем, что отдельные командиры, должностные лица служб тыла, используя служебное положение, покупают дефициты, минуя очередь, а чаще — с черного хода. Где же социальная справедливость? Почему не поставлен всему этому заслон? Гласность, то есть участие общественности в распределении товаров — надежное средство против кривотолков, а также злоупотреблений. А еще — народный контроль.

Отдельный разговор о тыловом обеспечении, торговом и медицинском обслуживании подразделений, дислоцированных в отдаленных местностях. Их положению порой не позавидуешь. Вот почему будет справедливо, если в первую очередь, притом не эпизодически, а постоянно, солдаты, офицеры и прапорщики именно этих воинских коллективов будут снабжаться товарами народного потребления, продуктами питания. Для этого необходимо регулярно организовывать выездную торговлю, в том числе и дефицитом. Медицинские работники частей должны систематически выезжать в отдаленные подразделения для профилактического осмотра и оказания квалифицированной помощи тем военнослужащим, у кого заболевание прогрессирует. Важно наладить здесь должный санитарный надзор и противоэпидемические мероприятия. Пока они осуществляются на низком уровне, без глубокого знания обстановки и без должной требовательности. Отсюда скромные результаты в прогнозировании всплеск инфекционных заболеваний. Много недостатков в медобслуживании оттого, что специалисты подчас заняты выполнением не свойственных им функций, что никуда не годится.

«Почему меня лишили водительских прав? Я только от гаража отъехал, ГАИ остановило, забрали права, сказали, я выпивши, а я только станан пива и выпил.

Прапорщик А. Белецкий.»

ЧТО за этими строчками — святая наивность? Если бы. Все знают: пьяный за рулем — потенциальный преступник. Поэтому проблема предупреждения дорожно-транспортных происшествий остается задачей первоочередной важности. Решение ее во многом зависит от того, кто управляет машиной. Если это профессионально подготовленный, дисциплинированный водитель — проблема в основном снимается. Анализ показывает, что доподготовка молодых водителей во многих частях поставлена не лучшим образом. На поверку оказывается, что и с теми, кто давно за рулем, по-настоящему не работают.

Профилактика автопроисшествий зачастую упирается в слабую организаторскую работу всех звеньев войскового организма. Вы смотрите что получается: в управлении войск по Западной Сибири 70 процентов владельцев машин и мотоциклов ездят без регистрации транспорта в ГАИ, без удостоверений на право его вождения. О каком влиянии на автолюбителей, о какой работе с ними тут может идти речь? Не удивительно, что беды на дорогах по вине военных водителей не уменьшаются.

НАДО СКАЗАТЬ, привыкли мы — и эта привычка не из лучших: если речь идет о тыле, значит, о быте солдат и сержантов срочной службы, об их вещевом и продовольственном снабжении. В определенной мере так оно и есть, конечно, но сегодня мы стараемся делать все для того, чтобы в центре забот наших служб был вообще человек в погонах. Он должен воочию видеть: на смену разговорам о его социальной незащищенности все настойчивее встают конкретные дела, что он получает реальную помощь и поддержку. Весомость их будет зависеть от того, будут ли специалисты тыла действовать в одиночку, или рядом с ними станут политорганы, парторганизации — силы, призванные осуществлять социальную защиту военнослужащих.

Сейчас, в связи с принятием Закона об обязанностях и правах внутренних войск, несколько наших частей, решающих оперативные задачи по поддержанию общественного порядка и конвоированию, переведены на добровольный принцип комплектования. Это ставит перед специалистами служб тыла вопросы, новизна и необычность которых при их разрешении потребуют особых усилий. Предстоит прежде всего подготовить основополагающие документы, глубоко проработать их на всех уровнях и незамедлительно провести в жизнь. Времени на раскачку нет. Наши профессионалы как можно скорее должны быть обеспечены всем необходимым для выполнения поставленных задач. Это дело государственной важности, и решать его следует очень ответственно.

**В НАШЕМ ЖУРНАЛЕ (1989, № 9)
БЫЛА ОПУБЛИКОВАНА
КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ
«ЕСЛИ БЫ Я БЫЛ НАЧАЛЬНИКОМ
ВОЙСК...», КОТОРАЯ
НЕ ОСТАЛАСЬ НЕЗАМЕЧЕННОЙ
ЧИТАТЕЛЯМИ. ПОСТУПИЛИ
ОТКЛИКИ-ПРЕДЛОЖЕНИЯ.
ВОТ ЛИШЬ НЕКОТОРЫЕ ИЗ НИХ**

ЕСЛИ БЫ Я БЫЛ НАЧАЛЬНИКОМ ВОЙСК

...тоже провел бы сокращение личного состава. Но не контролеров, конечно, как это было сделано повсеместно. После амнистии в колониях остались ярые нарушители режима содержания — преступники-рецидивисты. За ними глаз да глаз нужен, а людей хронически не хватает, едва концы с концами сводим. Штаты хорошо бы увеличить в два, а то и в три раза. Порядка бы стало побольше. Где взять штатные единицы? Я бы искал в штабах и управлениях...

Прапорщик С. ЛИТВИНЧУК.

*Ордена Красной Звезды УВВ
по Северному Кавказу и Закавказью.*

...проявил бы, наконец, подлинную заботу о контролерах. И, добывшись увеличения им окладов, постарался бы передать их в ГУИД (именно в такой последовательности, а не наоборот). Краповые околыши сейчас в цене, а где цена — там и деньги: надо платить. Еще два-три года, и увольнение из войск наших малоимущих и зачастую бездомных чернорабочих — прапорщиков приобретет массовый характер.

Капитан А. КУВШИНОВ.

*Ордена Красной Звезды УВВ
по Северо-Западу и Прибалтике.*

...только тогда бы смог рассчитывать на то, что вы опубликуете это мое письмо с предложениями провести эксперимент по кардинальному повышению качества боевой и политической подготовки в войсках. И полностью изложите суть эксперимента. Пока же тот, кого не удовлетворяет нынешний уровень боевой и политической учебы и кто желает ознакомиться с разработанной мной системой, может мой адрес узнать в редакции журнала.

Старший лейтенант О. ГОЛУБЕВ.

УВВ по Уралу.

ПАСЫНКИ,

243

ИЛИ ДЛЯ КОГО ЗАКОН НЕ ПИСАН?

- О ПОЛЬЗЕ ШТРАФА ЗА... ЗАДЕРЖКУ ЗВАНИЯ
- ОТКУДА БЕРУТСЯ БЕСПЕРСПЕКТИВНЫЕ ОФИЦЕРЫ
- ЕДИНОНАЧАЛИЕ ИЛИ САМОУПРАВСТВО?

МИНУЛО РОВНО два года, день в день, как Олег Луппов стал лейтенантом. И вот теперь он, имея положительную аттестацию в личном деле и хорошие результаты взвода в боевой и политической подготовке, мог с легким сердцем готовить погон к третьей звезде — заслужил.

Однако командир роты по забывчивости своей не написал своевременно представление, комбат посмотрел на случившееся сквозь пальцы, а командир части не предупредил офицера о причинах задержки. В результате трое последних строго наказаны. Причем не только в дисциплинарном порядке — они понесли и материальную ответственность. Старший начальник приказал вычесть из их денежного содержания в пользу пострадавшего ту сумму, которую недополучил Луппов за шесть месяцев безосновательной задержки. Естественно, лейтенанту, вернее, уже старшему лейтенанту, принесены извинения, а в личном деле сделана отметка: «Звание присвоено позже из-за халатности командиров роты, батальона и части. При последующем присвоении воинского звания время задержки в расчет не принимать»...

Да простят меня читатели за эту красивую сказку, в которой, как и положено в фольклорном произведении, добро в конечном итоге взяло верх над злом. Но ведь и в этой истории не все выдумка. Первый абзац — чистойшей правда. Празда и то, что Луппов почти полгода переходил лейтенантом, потому как командир батальона подполковник А. Фидаров подготовил представление с опозданием. Затем бумага немного отлежалась в части, после, как объяснили Олегу, пылилась в соединении. Конечно же, ни с кого за это не спросили и ни у кого не вычли из денежного содержания (а мысль, согласитесь, стоящая) — что за беда, «старшего» вовремя не дали?!

Но любопытно, что Олег был относи-

тельно спокоен. Дело в том, что он был убежден: все идет так, как и должно идти. Рассуждал: лейтенанту Виктору Букреву — он на год раньше училище окончил — тоже без всяких причин и объяснений задержали звание на восемь месяцев, да еще два месяца не объявляли о том, что приказ пришел. Забыли(!). А в соседней роте...

Словом, примеров хватало, и Луппов был уверен: его положение — нормальное, типичное, кто же сознательно или даже неосознанно станет ему вставлять палки в колеса? За что? Ведь Олегу долгих четыре года в военном училище внушали: офицер — профессия особая, героическая. Это люди совершенно другого замеса, испокон веков глубоко порядочные, совестливые, справедливые. Им не к лицу «пробивать» себе звания и должности, прибегать к угодничеству и лести. Кодекс чести для них — кодекс жизни. И уж, конечно, они не опустятся до грубости, склочного сведения личных счетов, равнодушия к ближним, тем более — к подчиненным. Им чужды барство, чванливость. Почему? Да потому что они — офицеры. И этим все сказано.

ПОДОБНЫЕ классические сентенции, подпитанные художественной литературой о «тех» офицерах, из Луппова не смогли выбить ни комбат Фидаров, ни безразличие кадровых органов, которые пять лет продержали его на взводе, время от времени — последние три года — «пугая» повышением по службе. Причем не напрямую, а косвенно, через заезжих офицеров и телефонные звонки: «Ты не слышал...», «А вот, судачат, не сегодня-завтра...», «Между нами говоря...» Давняя, проверенная практика. Смысл? Хотелось бы верить, что смысла в подобной методе нет, что это не стиль, а издержки кадровой работы. Но не верится, ибо, как мне кажется, суть ее в стремлении вселить в офицера безнадёжность, равнодушное отношение к себе, карьере, наконец, лишить

его перспективы. Пусть он осознает, что его судьба в руках отца-командира, и стоит последнему только пальцем пошевелить, как ты или на вершине, или в пропасти. От него все зависит, не от тебя. Кто ты, лейтенант, и кто он, смекнул! Вот теперь тобой можно бесплодно латать прорехи в штатных структурах. Такой «выдвиженец» напоминает пассажира в аэропорту, у которого уже несколько суток откладывается рейс. И он везде опоздал, душой перегорел и в принципе смирился...

К чести Луппова, выдюжил, ныне—замполит роты. А сколько таких, для кого эти объективные (объективные ли?) трудности рота стали трудностями службы, да и всей жизни тоже,—десятки, сотни, тысячи?

Старшему лейтенанту Л. Одиноченко почти на год без должных объяснений и уведомлений задержали «старшего» (а командир роты старший лейтенант Яковенко лишь успокаивал: не волнуйся—получишь). Давно известно: царапина на лбу может смутить больше, чем серьезная рана на месте, менее заметном. Погоня у всех на виду. И Леонид, как говорится, сломался. Он и сам сейчас не уверен, из-за этого ли закончилось, так и не начавшись, его продвижение по служебной лестнице—восьмой год командует взводом. Но то, что шлагбаум перед ним закрыли,—факт. Два года назад награжден медалью «За безупречную службу» III степени, чуть позже—грамотой, характеристики хорошие, но что это меняет, ведь Леонид Одиноченко малоперспективен?! Хронически.

Сейчас уже никто не в силах припомнить, почему все-таки задержали звание старшему лейтенанту Петру Терлецкому—столько воды утекло. Но то, что звание задержали, помнят многие.

А некоторые командиры, уверовав в свою безнаказанность и непогрешимость, кладут под сукно вместе с судьбами не только бумаги, пришедшие «снизу», но и законы, спущенные «сверху». Вот уж где беспредел. Казалось бы, просто и доступно изложено в Положении о прохождении воинской службы офицерским составом Вооруженных Сил СССР, при каких условиях офицерам присваиваются очередные воинские звания: положительная аттестация, наличие соответствующей штатной должности и истечение установленных сроков службы. Все! Остальные критерии и мотивы суть самодеятельность, эмоции. Так и Положение—под сукно.

Приехал, к примеру, тогда еще подполковник С. Рыбкин на учебный сбор, где молодых солдат приобщали к службе молодые офицеры, можно сказать, без пяти минут старшие лейтенанты. И предупредил: звания получаете в срок, если (!)... успешно

завершите учебный. Можно понять озабоченность командира, командира, к слову, опытного, компетентного, но нельзя простить его своеволие, стремление поставить пункт закона в зависимость от сиюминутного успеха.

Чем это закончилось? Хуже, чем в сказке, но лучше, чем могло бы. Учебный, к счастью, не принес неприятных неожиданностей, и командир слово сдержал. Но на лейтенанта Александра Лизунова комбат представление писать не стал. Почему? Формально у Лизунова было все в полном порядке, кроме одного: не нравился этот ершистый, горячий лейтенант командиру батальона. И если командир части вправе стреножить присвоение очередного воинского звания новыми, им придуманными и, естественно, не предусмотренными Положением условиями, то почему комбату нельзя? Или он не единоначальник в своем уделе? Барская вседозволенность заразна.

Понятно, что никто Александра о задержке не предупредил, а он гордым оказался (что тоже на руку бюрократам и волокитчикам: гордые не жалуются, не ищут помощи у сильных мира сего, гордые чаще всего терпеливо и молча несут свой крест или борются в одиночку, лбом об стену—кому они страшны?!). Вот так полтора года лишних и ходил в лейтенантах со своей гордостью. Правда, в службе сбавил. Почему?

Положением оговорено: «Присвоение очередных воинских званий должно (разбивка моя.—А. У.) в полной мере использоваться для стимулирования военной службы, воспитания у лиц офицерского состава высокой ответственности за...» и далее перечисляется то, в чем мы все кровно заинтересованы, ради чего и служим. Стимулы—мощный катализатор, без них—тяжко. Постепенно деловая горячность Александра уступила место пустой, бесполезной вспыльчивости «не по делу». Ущемленному в одном, Лизунову временами казалось, что его обходят всюду.

Семь лет «просидел» на взводе. Теперь—заместитель командира роты по службе контролеров—если говорить честно, продвинулся невысоко. Ни взысканий, ни претензий, ни... предложений. Тишина. Причина скорее всего та же—«переросток». Давно сменились все командиры, да и кадровые органы заметно обновились. И помнится только одно: что-то было изначально у Лизунова, не зря же звание задержали...

КТО ВОЗЬМЕТСЯ сосчитать, сколько раз начальник войск требовал: изучить в ротах Положение о прохождении воинской службы офицерским составом. Чтобы каждый офицер четко знал, на что он вправе рассчитывать и чем его обделяют. И что же? Именно в ротах Положение не знают—тому примеров тьма.

Ну вот хотя бы старший лейтенант Владимир Селихов. Почти шесть лет с отличной аттестацией и радужными перспективами был замполитом роты. Наконец, назначен ротным. Командир батальона

майор А. Горожанкин, да и в части тоже, поздравляя с повышением, обещали: пооботрешься—дадим «капитана». Скоро год, как обтирается. Замечания по службе? А вы поищите ротного, у которого за год в подразделении абсолютно ничего не произошло. Тем более, что штаб части расположен неподалеку, и редкий день кто-либо не «гостит» в роте для контроля, оказания практической помощи или усиления. Естественно, каждый вскрывает недостатки, ибо что это за проверяющий, не обнаруживший корень зла? Однако вопрос, объявили ли ему о задержке воинского звания, поставил Селихова в тупик. «А что, положено объявлять?» — поинтересовался он.

Обязательно. И не кем-либо, а лично командиром части с четким изложением причин, послуживших основанием для задержки. И не просто так, мимоходом или по телефону, а под расписку офицера в листе беседы, который хранится в личном деле до присвоения воинского звания. Бумаготворчество? Лучше уж плодить подобные бумаги, чем людей с неудавшимися биографиями. Неудавшимися по воле этих самых противников бумаг, для которых и закон не писан. Где они, листы беседы с расписками, видел ли кто их? Даже не слышали о том, что такие бывают, ни Александр Батальцев, ни Александр Иванов — им тоже, ничем не мотивирован, отсрочили в свое время «старшего».

Не мною замечено: одна задержка в воинском звании, как правило, влечет за собой другие, причем не адекватные, а новые—своеобразная цепная реакция. Постепенно забудется оплошность командира роты, вовремя не оформившего представление, как это сделал капитан Руслан Кесаев в отношении лейтенанта Александра Иванова несколько лет назад. Но на долгие годы останется в бумагах клеймо — звание присвоено с задержкой. Особая отметина, шрам, увы, не украшающий в этом случае мужчину. Вот так и появляются в войсках командиры взводов с пятнадцатилетним стажем. А еще их иногда, по грустной аналогии с известным литературным произведением, называют «пятнадцатилетними капитанами». Мрачный юмор.

НА МНОГО ли преувеличено утверждение: командиры повсеместно свыклись с порочной мыслью, что присвоение очередного воинского звания — это поощрение, награда! Захочу, дескать, дам звезду, не захочу—вовек не получишь, в этом-то корень многих бед. Вряд ли кто-нибудь припомнит случай, чтобы с командира спросили за подобные диктаторские замашки. Не отсюда ли пошло слепое верование: поскольку эти люди — мои, то и вершить их судьбы единолично, не обращая внимания на приказы и указы, — мой, хозяйский, удел. Своя рука владыка. Не с той ли поры законное, честно заслуженное стали возводить в ранг нормированного и давать будто с барского плеча. Или не давать вовсе. Срок на звание вышел? Ну и что, ты прежде год закончи, как

сказал командиру роты старшему лейтенанту Виктору Лукашу командир батальона майор А. Моргунов, а там и посмотрим. Жаль, не уточнил, какой — учебный или календарный?

Очень уж зыбкая эта грань между эднoначалием и самоуправством для человека эгоистичного, малопорядочного. Стоит только раз пойти против совести, отмахнувшись от угрызений, заглушить стыд лжедостоинством, перешагнуть через чужие невзгоды и напасти, утолив собственные амбиции, — баланс нарушится. А после уже и сомнения додумать не будут. Что, должности соответствуешь и взысканий нет? Все в наших силах: и вот уже очередная характеристика пестрит недостатками; а в служебной карточке появляется запись вроде той, что с удивлением обнаружил у себя тогда еще старший лейтенант Александр Иванов (вдумайтесь): «За низкую эффективность правового воспитания, привитие военнослужащим чувства строгого соблюдения требований устава...» За что только в спешке не накажешь. Но это уже нюансы, главное другое — взыскание есть? Есть. И молчи о звании.

Мы привыкли к аксиоме: каков командир — таковы и подчиненные. А можно воспользоваться методом от противного и, посмотрев на подчиненных, сделать вывод о командире. Вернейший критерий: если офицеры бесозвучно, незаконно, необъяснимо не растут в званиях и должностях, значит, деятельность их командира сродни произволу. Не управляет — угнетает.

Да, не все покладисты, уступчивы. У иного же характер — кремль, что ж его за это до седин в лейтенантах держать! Справедливо ли!

А сколько их, «закливо похороненных» лишь за то, что не на всякое командирское «Так?» они отвечают излюбленным «Так точно!». А ведь не командиру служат — Отечеству.

...Не успел старший лейтенант Виктор Лукаш принять роту, как тут же, буквально следом за приказом о назначении на должность, пришел другой — о присвоении ему очередного воинского звания «капитан». А что тут удивительного? Столько судеб ему вверяется, столько жизней молодых — заслужил такую ответственность. Неужто они меньшего стоят, чем звезда на погоне? Вот и получай, Виктор, все сразу. Чтобы честно...

Но это уже опять из области сказочной, прошу простить вторично и успокоиться: ни черта Виктору не дали...

Майор А. УШАР.

УВВ по Дальнему Востоку и Восточной Сибири.

ВЕТЕР

На воле гужует ветер,
 Опасен и вооружен.
 Двери срывает с петель,
 Дует со всех сторон.
 Сегодня он для начала
 Рванул вполовину сил.
 Лодку мою с причала
 Угнал и бревном разбил.
 Не западный, не восточный,
 Не северный — никакой.
 Расчетливый, хищный, точный,
 С готовой на все рукой.
 Врывается в телевизор,
 По радио глотку рвет,
 Бросая нахальный вызов,
 Рассудку в лицо плюет.
 На ощупь те тропки знает,
 Которые не светлы.
 Совесть, не спи! —
 Взрывает
 Он атомные котлы.
 Не гляючи сокрушает
 Тонкий культурный слой,
 Шушукаясь, угрожает
 Неслыханною бедой.
 Он — ветер, ему не надо
 О чем-нибудь сожалеть.
 Ему бы нас сгрудить в стадо,
 Душами завладеть.
 То взвизгивает, то лает,
 То, пробуравив тишь,
 У всех на глазах смывает
 Кровли армейских крыш.
 Кооперативно-шабашной
 Хвастает он лафой.
 Не он ли виновник страшной
 Трагедии под Уфой?
 Я видел, как в Сумгаите
 Он убивал детей.
 Хватайте его, ловите,

Вяжите его скорей!
 Брошенными на ветер
 Словами
 Тот ветер жив.
 За беды за все в ответе
 Те, кто безбожно лжив.
 Кто, пыжась, повелевает,
 Кто, не жалея слов,
 Мир, что ни день, ввергает
 В мрак преисподних снов.
 Погода сейчас такая —
 Поменьше бы нам болтать, —
 Многие обещая,
 Последнее может взять.
 С виду и тих, и светел,
 И даже приятен он...
 На воле гужует ветер,
 Опасен и вооружен.

«ВСЕ ВДРУГ!»

Вот так-то жизнь идет,
 Мой друг и брат,
 В таких лихих делах
 Не до наград.
 Да, нужно было
 Все разворошить.
 Да, нужно было
 Рушить казематы.
 Но прежде
 Нужно было оградить
 От бед сынов,
 Что призваны в солдаты.
 Красиво — общий
 Европейский дом.
 Но что мы будем делать
 В нем потом?
 Нам в собственном
 Уже грозят свинцом.
 Мать матерят,
 Сестре

Плюют в лицо,
Смеются над израненным отцом.
Нам невдомек,
Что в спорах правды нет,
Что мы умыты юшкою кровавой,
Что над отчизной,
Скоро сотню лет,
За нос таская,
Тешится Лукавый.
Без тишины,
Без Бога,
Без идей
Нам ничего хорошего
Не снится.
Мы в небе сбили
Столько журавлей,
Что в кулаке
Раздавлена синица.
По чьей вине,
Скажите мне,
Хребет Кавказских гор
Сейчас в огне?
Рычат и пеняются
От злости водопады.
В ущельях хищно
Щурятся засады,
И пулемет
По вертолету бьет,
И снайпер жертву
С нетерпеньем ждет.
Картечью
Пушки целятся в солдат.
По чьей вине?
Кто в этом виноват?
Смятение,
Беженцы,
Огонь и дым —
Содом!
Такого не потерпит
Общий дом.
Кто нам сует
Сто сорок восемь бед?
Кто нам
Войну гражданскую
Пророчит?
Чьих пальцев по утрам
На нашей шее след?
Кто запросто
Нас оболванить хочет?
Мы не в войне пока,
А нас уж предают.
Снарядами набитые вагоны,
Последней марки
Танков эшелоны
За просто так
Нахально продают.
Кому предназначались
Эти танки?
Кому открылся счет
В швейцарском банке?

Торговля...
Дружба...
Сытый общий дом...
Ан небо бычится,
Катает бочки гром...
Зависит многое
От прихоти природы.
А мы: «Даешь!»
«Громи громоотводы!»
Сей день пока далек
От тех времен,
Когда не надо будет
Нам бояться,
Что разница
Религий и знамен
Людей заставит
За кинжалы взяться.
Торговля...
Дружба...
Все не просто так.
Гляди, как шепчутся
О чем-то дипломаты,
Как хитро прячут
Атомный кулак
В чужом кармане
Мудрые магнаты.
Мохнатый действует.
Мохнатый не храпит.
Мохнатый
Знай играет в «аты-баты».
Опасен
Этот час.
Неровен час
Он многого
Потребуется от нас.
Ночь темная,
Свинцом налиты тучи,
А мы телебеседуем —
Деревню сеять учим,
Образовавши
Философский круг.
— Вниманье вдруг! —
Побудка, горн зовет.
— Что с авиацией?
— В каком порядке флот?
Вот так-то, брат
Сегодняшний солдат.
Я бы хотел,
Да не могу молчать.
На мне былой войны
Глубокая печать.
С трудом,
Но правый путь
История найдет.
Однако жаль себя,
Жаль Родину,
Жаль собственный народ
И землю,
Где смешались
Кровь и пот.

ЛТЧ
245

Бронислав ЛОССАН

I

Дом Колоскова стоял в трех километрах от деревни. Неказистый с виду, но рубленый, теплый. На север от него петляла тропа, ведущая к озеру. Рыбаки из деревни частенько проходили мимо, здоровались с хозяином, но посудачить не останавливались — нелюдимым был Ефрем Иванович Колосков. Поселился он здесь лет двадцать назад, пошел в колхоз трактористом. Недавно умерла его жена Дарья, и Ефрем запил, бросил работу, а потом и вовсе исчез со своей занки. Думали все, пропал мужик.

Ефрем Иванович и вправду чуть было в бега не ударился, доехал до областного города, огляделся и понял, что некуда ему ехать, никто его нигде не ждет. А жить все же надо. И твердо решил вернуться в родной дом, где все ему еще о Дарье напоминало.

Доехав из города на электричке до станции Сосино, пошел к шоссе — авось кто возьмет. Голосовал долго. Повезло ближе к вечеру. Затормозил белый «Жигуленок».

— Вам куда? — открыл стекло передней дверцы, спросила чернявая женщина.

— До Мыльникова подвезете?

— Садитесь. Нам же по пути, Валя? — обратилась она к водителю.

— Конечно.

Поехали. Сначала молчали. Водитель то набирал газ, то притормаживал на поворотах.

«Лихо ездит», — подумал Колосков, провозжая взглядом обгоняемые машины.

У КПП на дороге вышел гаишник, давая сигнал остановиться. Рядом с ним стояли солдаты с автоматами. Проверив документы, сержант милиции небрежно козырнул и отошел на обочину, подавая сигнал остановиться следующему автомобилю.

— Что-то, наверное, случилось, раз конвойники с оружием, — заметил Колосков.

Мужчина, сидящий за рулем, чуть поднял брови, как бы ища в зеркале лицо пассажира:

— Кто-нибудь ушел с оружием, или зек сбежал.

Колосков придвинулся чуть ближе к впереди сидящим, спросил:

— Зачем автоматы-то? Если сбежал, стрелять, что ли, надо?

— Ну, не всегда, — улыбнулся водитель. — Если сдается, так зачем же? А вот если, положим, отстреливаться будет, тогда солдатам ничего не останется делать, как применить оружие. Правда, иногда и надо стрелять, да нельзя — прохожие, дети, женщины, — устав не велит.

— У конвойников тоже устав есть? — удивился Колосков.

— А как же! — чуть повернул голову водитель и сердито проворчал: — Почему это все конвойники да конвойники? Уже давно не конвой, а караулы в войсках. А уставы — они для всех военнослужащих заведены. Сами ведь, наверное, служили?

Колосков неопределенно пожал плечами, потом заговорил стихами:

— «Весь мир охватит сразу смертельная тоска — выходят по приказу конвойные войска»... Слыхали? Это не я сказал...

— Знаю. Поэт Дудин. Но, не знаю, согласитесь со мной или нет, и поэты, даже самые-самые прославленные, иногда ради красного словца такое городят...

— Да брось ты, Валентин, свои вечные споры, — вмешалась женщина, — смотри лучше за дорогой.

— За дорогой я смотрю, не волнуйся, Розочка. А вот товарищу надо было бы послужить у нас, тогда бы он понял, что такое внутренние войска. А то сидят вечерами некоторые у телевизоров, читают журналы, газеты, а потом обсуждают: прав солдат, применив оружие, или нет? Конвойник он или защитник? Как в народе-то говорят? Пока гром не грянет, мужик не перекрестится. Рассказал бы я вам про внутренние войска, да не сейчас. Может, еще встретимся. Как вас звать-величать?

— Ефрем Иванович Колосков, — буркнул пассажир.

— А меня — Валентин Васильевич Литвинов.

— Вы военный? — поинтересовался Ефрем Иванович.

— Был... И энкавэдэшником тоже... Военный, не военный... А все же, конечно, военный. Вся жизнь — с десяти лет.

— Неужто?

— В суворовском был? Был! Офицерское училище окончил? Окончил!

— Еще институт приплюсуй, — съехидничала Роза.

— Это, так сказать, между службой студентом побывал, — усмехнулся Литвинов. И тихонько пропел: — Студенточка, заря весенняя, под липою я ожидал тебя... — Замолк. А потом не утерпел, другую завел: — От зари до зари, чуть зажгут фонари, вереницей студенты шатаются, они песни поют, они горькую пьют и еще кое-чем занимаются...

— Слышал, — сказал с грустью Колосков.

— Естественно, — ответил Литвинов. Потер затылок, словно от чего-то освобождаюсь. — Сейчас ни одну песню не запомню. А раньше! Раньше пел, играл... Так нет, Роза?

— Играл, — повернулась Роза, — пел. Так вот и придуривался всю жизнь. И сейчас — старый уже, а все за свое. Остынь. Хватит.

— Ну вот, — доставая сигарету, недовольно заговорил Литвинов. — В армии командир — бог и начальник, дома жена — прокурор. А где же адвокаты? Весело! Да ладно, жизнь разноцветна, как мыльный пузырь, и так же недолговечна. — И, переменяв тему, оглянулся на Колоскова: — А все-таки вы зря так о внутренних войсках.

Конечно, когда лично не соприкасаешься, кажется, что они ни к чему. А вот когда человек попадает в беду — тут уж он на весь свет кричит: помогите! И приходят на выручку молоденькие парнишки с погонами крапового цвета. Людей спасают, порядок наводят, общественный я имею в виду. А сами, думаете, не гибнут? Сколько их в частях, навечно зачисленных...

— Да я не о том, — Колосков заерзал на сиденье. — Я только против насилия над личностью, над человеком. Не по-нашему это. Не по-социалистически. Должно же быть к оступившемуся человеку какое-то милосердие.

— К оступившемуся — да, к преступнику — нет! — твердо произнес Литвинов.

— А как вы их отличаете, — не сдавался Колосков, — оступился он или уже преступник?..

Они въезжали в село, и Валентин Васильевич промолчал, осторожно объезжая выбегающих на дорогу кур.

— Где остановиться? — уточнил он у пассажира.

— У магазина, если можно.

— Можно. Почему нельзя?

Чуть скрипнув тормозами, «Жигуленок» остановился.

— Сколько я вам должен? — спросил Колосков.

— Все деньги с кошельком, — засмеялся тот. — Ничего мне не надо, дорогой товарищ. Никогда деньги не беру — я ведь энкавэдэшник. Не положено.

Вылезая из машины, Колосков благодарно произнес:

— Я километрах в трех отсюда живу, поблизости от озера мой дом. Вы, видать по всему, дачники. Что вам на даче-то делать? Заезжайте, рыбку половим.

— Спасибо, — подняв ладонь, помахал ею Литвинов. — За грибами нынче собрался, но как-нибудь непременно заскочим.

II

С утра пораньше Колосков заявился к председателю колхоза.

— Возьмите снова трактористом.

— Да ты что! Ведь пьешь! Загубишь технику, — отмахнулся председатель.

— Все. Бросил! Осточертела такая жизнь. Кабы Дарья была... Да и сам не балаболка какая — шестой десяток на носу... Такое пережито — никому не пожелаешь...

Не утерпел Ефрем Иванович, как на духу все свои обиды высказал. Уж и вечер на деревню пал, и огни повсюду в окнах замерцали — а Колосков ничего не замечает, у него перед глазами долгие митарства его разоренной семьи.

Родился он в Ленинграде. До тридцати восьмого года жизнь была безоблачной. А осенью того года случилось такое, от чего и сегодня волосы дыбом встают. Ночью раздался звонок. В дверь вошли двое военных. Третий остался на лестничной площадке. Предъявили отцу, в то время начальнику охраны нескольких ленинградских заводов, какую-то бумажку, предложили быстро собраться и — в машину. Увезли отца, и как в воду канул человек. Соседи

Ефрема сторониться стали, от матери отворачивались. А однажды, когда Ефрем попросился у ребят принять его поиграть в лапту, дружок его недавний Витька Горбовой изрек: «Иди ты... сын врага народа!» Ефрема бросило в дрожь: это его-то отец, всеми уважаемый, в хрустящей кожаной куртке — враг народа?! Дрался с Витькой отчаянно, до крови, пока не разняли взрослые. А еще через месяц отвезли их с матерью в «воронку» на вокзал, и закрутила жизнь по Сибири. Только много позже узнал: отца расстреляли.

Во время войны поселились они с матерью в большой деревне под Томском. Ефрем был пацаном крупным, с силенкой. Местные мальчишки его побаивались, по одиночке не приставали, знали: отлупит. А вот когда встречали где-нибудь за деревней втроем, вчетвером — нападали. За что били, пожалуй, и сами не знали. Надо было бить сына «врага народа», вот и били. После таких стычек Ефрем пробирался домой, забираясь в постель, накрывался одеялом с головой и, сжав зубы, плакал. Тихо, чтобы мать не слышала. А она садилась к нему на краешек кровати, гладила рукой по одеялу и повторяла одно и то же: «Боже мой, боже мой, ну почему нас ненавидят?..»

Работать Ефрем начал рано. Взяли его в МТС. Начальник был человеком строгим, но душевным. Как-то, встретив мать Ефрема, сказал просто: «Присылай своего драчуна, устрою. Копейка его в доме не лишней будет», — и заковылял, прихрамывая, в свою контору. «Ой, спасибо-то, ой, спасибо-то», — неслошь ему вслед.

Трудился Ефрем с желанием. Подносил детали, стучал молотком, завинчивал гайки, делал все, что прикажут. И в этой постоянной круговерти — поднеси то, подай это, ударь молотком здесь — забывалось все: обида, злость неизвестно на кого, горечь, унижение, безысходность, боль несправедливых драк, внутренняя напряженность. Конечно, он не верил, что отец — враг народа. Он-то не верил, а люди вокруг.. Они ничего не говорили ни матери, ни ему. Не принято было говорить. Каждый думал по-своему. Но если приезжал представитель НКВД из райцентра и напминал, что надо крепить бдительность, пристальнее присматриваться к ссыльным, все с молчаливой одобрительностью утвердительно кивали головами. А когда произносились здравицы в честь товарища Сталина, люди вставали, громко хлопали в ладоши, кричали: «Ура!». Кричал и Ефрем, восторженно хлопая. В такие минуты сердце его билось громче, радость переполняла душу. А когда приходил домой и видел заплаканную мать, украдкой достававшую из-под подушки фотографию отца, в душу заползала тоска. Полночи лежал с открытыми глазами и все думал, думал.

Шли годы. Вот и война кончилась. А он, Ефрем, так и не мог понять: то ли он чужой среди своих, то ли свой среди чужих. Вкалывал с утра до ночи, планы перевыполнял ежемесячно, но никто не называл его ударником, стахановцем. Начисляли зарплату, и все. Обидно было. Невеселые мысли лезли в голову. Столько лет прошло

после ареста отца, столько событий — и он в глубине души таил надежду, что вот-вот оттуда, сверху, придет бумага — и станет известно: произошла ошибка. И написана она будет обязательно Им. Ефрем верил Ему, считал, что Сталин высоко и далеко, как когда-то царь, и просто ничего не знает. А виновата местная власть, особенно энкавэдэ.

Но проходили дни, наступали один за другим всенародные праздники: Первое мая, Октябрь... Ефрем, поддаваясь общему настроению, на время забывал все, а потом снова в голову упрямо лезли вопросы: почему, отчего все это?

В пятьдесят седьмом прибежала как-то мать, радостная, веселая: «Все, сыночек, в Ленинград едем! Спасибо Хрущеву — отца реабилитировали!» Она плакала, улыбалась, суегилась, хватала вещи, складывала их в чемодан, снова доставала.

— Не суегиись, мама, — сказал он как-то вдруг по-взрослому, по-мужски, — сколько уж пережили, а ты все чему-то веришь?..

Мать уехала, а он остался в Сибири: сроднился с этим суровым краем...

В дверь кабинета председателя колхоза постучали. Ефрем примолк. «Войдите!» — недовольно сказал председатель.

На пороге появились старший лейтенант милиции и прапорщик в форме внутренних войск.

— А мы к вам, Петр Матвеевич, — приближаясь к столу, заговорил старший лейтенант. — Дело тут срочное... — Он примолк, выжидающе посмотрел на сидящего и возбужденного Колоскова, перевел взгляд на председателя. — Без посторонних хотелось бы поговорить. Извините уж,

Петр Матвеевич поморщился: может, первый раз в жизни Колосков разговорился. Но и участковый — зря не придет.

— Присаживайтесь, товарищи! — председатель подвинул вошедшим стулья, подошел к Колоскову. — Прости, Ефрем... Но разговор наш, думаю, окончен. — Он улыбнулся, похлопал его по плечу: — А завтра... выходи на работу.

Ефрем Иванович натянул кепку на голову, неловко повернулся и, не сказав ни слова, вышел. «Зачем появился участковый да еще с прапорщиком? — Вскользнулись давно стихшие страхи, когда-то возникавшие при каждом появлении милиционера или энкавэдэшника. — Фу ты, — махнул рукой, — что это я? Все теперь по-другому, все. Вот иду один, и никому я не нужен. Давно все забыто. Но почему все-таки прапорщик здесь? Может, побег, как говорил тот запасной офицер, что подвожил вчера из города на машине? Вон и два солдата с автоматами покуривают у березы...»

III

Испуганный надрывный человеческий крик вырвался из желтоватой пролысины болота и вспугнул сидевших на верхушках редких сосен птиц. Взмахнув пару раз крыльями, те взлетели над местом, откуда донесся раздражающий их звук, и расселись поблизости на деревьях, тревожно посматривая вниз. А там человек пытался

выбраться из засасывающей его коричневой жижи. Правой рукой он схватился за корзину с грибами, а левой тянулся до наклонно торчавшей из кочки молодой березки. Казалось, вот-вот он ухватится за жидкий ствол. Но корзина с грибами, когда он на нее опирался, уходила вниз. Сделав несколько неудачных попыток, человек затах. Расстегнутая кожаная куртка, когда он провалился в эту прикрытую мхом и осокой яму, распахнулась и теперь, расстилаясь по поверхности болота, служила своеобразным спасательным средством. Первый испуг прошел.

«Надо чуть передохнуть, чуть-чуть, несколько секунд, а то сердце выскочит из груди», — успокоил он себя, а потом осторожно передвинул корзину — туда, где поверхность болота была более жесткая, и нацелился еще раз ухватиться за березку.

Вроде бы и недалеко отошел от лесной дороги. Жадность, видно, сгубила — за одним, вторым, третьим черноголовником потянулся. Там еще моховики приманули. С кочки на кочку прыгал. И допрыгался — провалился в эту трясину. Незло выругался: «Надо же — в блокаду выжил, был ранен — не умер, инфаркт не свалил. А тут на тебе — в болоте утонуть. Нет, шалишь, не может такого быть! Вылезу, хрен вот вам! Ну, давай же, Валентин Васильевич! Риски еще раз».

Напрягся каждым мускулом, чтобы рва-

нуться из проклятой засасывающей ямы, но не смог и двинуться — не было сил.

И почему-то вдруг ясно ощутил свой первый страх, который испытал он в блокадном Ленинграде девятого сентября 1941 года. Мать с отцом собрали их, троих ребятшек, в комнате после объявления воздушной тревоги. Был уже вечер, часов девять. К ним на первый этаж спустились соседи. Взрослые разговаривали шепотом, словно фашистские летчики, совершавшие первый массированный налет на Ленинград, могли их услышать. А потом началось — свистящий звук падающих бомб и глухие взрывы где-то вдалеке от дома. При очередном взрыве все замолкали, прислушивались, а потом перебрасывались тревожными фразами: если попадет фугаска, пробыет или нет перекрытия пятиэтажного дома? А если зажигалки упадут на крышу? Шепот взрослых, сумерки при коптилке, занавешенное одеялом окно, тревога взрослых болезненно отдавались в сознании Вальки. Выступили на носу капельки пота, лицо горело. Нина Захаровна, соседка с четвертого этажа, шептала матери:

— Надо эвакуироваться, Мария, обязательно надо... Вон, Фомины уехали, Белозеровы тоже... А у тебя трое детей! Мыслимое ли дело оставаться...

— Да прекратите вы ныть, — повернулся к соседке отец, — никуда мы из Ленинграда не поедем! Все! Точка! Здесь родился, здесь и помирать буду!

— А дети как же? Не-е-т, вы не... — Нина Захаровна не успела договорить фразы. Дом словно дернулся. Раздался звон выбитых стекол. В комнату ворвался ветер. Валька бросился на диван, накрыл голову подушкой и больше ничего не помнил.

Очнулся от холода. Оконная рама была кое-как заделана. Мать, бледная, скорее, какая-то зеленая, копошилась у стола.

— Просиулся? Ну и ладно. Ишь как вчера испугался-то. — Она подошла, приложила руку к Валькиному лбу. — Жару вроде нет. Одевайся, сынок, есть будем.

Вальке есть не хотелось. Воспоминание о бомбежке вызывало у него внутреннюю дрожь. Припомнились слова Нины Захаровны об эвакуации. Многие уже уехали из Ленинграда — он знал, и ему вдруг отчаянно захотелось забраться куда-нибудь далеко, далеко, чтобы не чувствовать больше этого страха.

— М-а-а, — поднял он глаза, — а мы в эту... эва-а-ку-а-ци-ю поедем?

Она, не поворачиваясь, тихо произнесла:

— Никуда мы, наверное, не поедем, сынок...

Солнце то выходило, то скрывалось за гулявшими по небу облаками. Валентин Васильевич взглянул вверх: «Дождя, кажется, не будет. Ну что ж, попробуем еще раз выскочить из этой болотной ямы».

Он примерился к расстоянию до березки, несколько раз глубоко вздохнул. Сердце вроде успокоилось. Вложив все силы в этот отчаянный рывок, он все-таки ухватился левой рукой за ветку березы. Потянул на себя и, когда стволик чуть нагнулся, резким движением правой руки ухватился за него. Раз, еще раз потянул на себя ствол, перехватывая руками. Когда

береза согнулась, потянул руками тело и почувствовал вдруг, как оно освобождается от противного торфяного ила. А когда ухватился за корень и выполз на кочку, в которую вплелись корни еще каких-то растений, застыл ничком на несколько секунд.

— Вырвался, едрит твою корень, — выругался про себя Литвинов. И хотя он все же много потерял сил, сумел перевернуться на спину, поднял ноги, уперся руками в поясницу и ждал, когда водяная муть выльется из резиновых сапог.

Облегчение приходило не сразу. Постепенно уходила тяжесть из ног, ровнее становилось дыхание.

Выглянуло солнце, и Валентин Васильевич почувствовал, как пробивался желтоватый свет сквозь веки. Он опустил ноги, расслабился, но глаза не открывал.

IV

Дух пробирался в Мыльниково. Дух — это прозвище, кличка Олега Дмитриевича Духана. Прозвали его так еще в детстве. С тех пор и не помнил, когда называли по имени. Дух да Дух. Только один человек, один-единственный, называл его нежно — Духанчик. Это была Рая, в которую он был влюблен с седьмого класса. Может быть, и были бы они счастливы — Рая отвечала ему взаимностью, — да, видно, не судьба. В шестнадцать лет Дух попал в колонию для малолетних. Посадили, как он считал, несправедливо. С Кешкой Болотинным и Муратом Хасановым разбили стекло в продовольственном ларьке и украли два килограмма конфет. А для кого украли-то? Для девчонок. Те их съели, а суд признал ребят виновными. Но Кешка с Муратом остались на воле, а его как организатора шайки упекли. Впрочем, это было давно — в начале биографии. В детской колонии он «перевоспитался» — научился тому, чего не знал, о чем не слышал. Когда вернулся домой, его «зауважали» дворовые ребята. Как же! Сидел! И он сам не заметил, как превратился в местного вожака. На просьбы Раи не связываться больше со шпаной давал клятвы, обещания. Но... Наступал новый день, и все начиналось сначала. Дух никак не мог освободиться от ореола своей популярности среди ребят. Они как бы ждали от него нового подвига. Они поступками готовы были разделить с ним все, что он придумает. Сначала ему нравилось это «почитание». Думал, скоро пройдет. Но подваливали новые и новые кореша... Толпа сделала его своим кумиром и ждала от него чего-то необычного.

«Сгорел» во второй раз. А там и в третий. Повзрослел. Может быть, и остановился бы, но уже не смог жить без лишних денег. За плечами к последней отсидке у него было уже двадцать квартирных краж, один кооператив. На нем и влип. Но награбленное у него не нашли. Всякую мелочь отдал соучастникам. Деньги, золото надежно спрятал подальше.

Уже второй день Дух в бегах. Задумал это, сидя в ШИЗО. А попал туда за свой язык. Как-то приехало проверяющее колонию начальство. Последнее время что-то зачистили с проверками. Прошел слух, что колонию закроют. Значит, новый этап. А куда? Дух и задал проверяющему начальству этот вопрос. Ему вежливо разъяснили, что нельзя верить слухам, все, мол, остается по-старому. Вечером опер вызвал его к себе: откуда, мол, у тебя такие слухи? Дух стал рассуждать о перестройке, гласности, открытости.

— Не гласности тебе нужна, — ответил опер, — а камера, да докрепче.

Дух разозлился и выпалил:

— Пошел ты, гражданин начальник...

— Что? — всколыхнул капитан.

— А то, — ответил Дух.

Даром это Духу не прошло. Вроде стараясь вести себя прилично, а очутился в ШИЗО.

И вот — на воле. Он знал, что его ищут. Поэтому отсиживался в лесу. А по утрам осторожно, очень осторожно двигался по направлению к Мыльникову. Там, недалеко от озера, его схрон, его деньги, от которых зависит дальнейшая жизнь. Какая? Толком и сам не знал. Взять капитал и скрыться. Тихо-тихо сидеть где-нибудь за Уралом. Раздобыть ксиву, а там... Эх, еще бы Райку взять с собой! О ней он не забывал никогда. Она, как магнит, тянула его к себе. Он и тогда, когда вез сумку со своей добычей, чтобы закопать, взял ее с собой. Правда, места точного она не знает — оставил ее в хате у мужика, жившего близ озера, а сам ушел в лес.

Около Мыльникова он заметил солдат. Как они догадались, что он сюда придет? Ведь он здесь не прописан, корешей и родных нет. Неужели Райка навела? А может, разыскивают кого другого? Но если Райка — конец ей...

Вечерело. Пожрать бы. Ощупал карманы куртки: хлеба — небольшой кусочек. Медленно пережевывал и двинулся лесом. К горлу подкатывала тошнота — от голода.

Через час ходьбы он увидел светящееся окно в доме у озера. Дух немного знал хозяина — когда-то рыбачил с приятелями здесь, да в последний раз с Райкой приходил. Мужик молчаливый, хмурый и ко всему безразличный. Жена говорила: оттого, что отца у него расстреляли при Сталине. Сам в ссылке был. Может, к нему завернуть? Стараясь не наступать на сухой валежник, Дух от дерева к дереву приближался к дому. И вдруг сзади раздался выстрел...

V

Литвинов посмотрел на часы — четверть первого. Обещал к четырнадцати вернуться на хутор — так называл он свой небольшой, типа сарая, сколоченный из досок домик. Со временем, конечно, он построит настоящую дачу. А сейчас пока нет денег — два года назад купил «Жигули». На машине и за грибами поехал: Розе нездоровилось, решил побаловать ее жареной.

Мысль о «Жигулях», оставленных у дороги, заставила его потопрапливаться. Нарвав травы, протер ею внутри сапоги, обулся, встал. Взял корзину с грибами и пошел на юго-запад в полной уверенности, что через полчаса будет у машины, но первые же метры показали, как мало надежды на скорое возвращение на хутор. Дождливое лето так напоило болото, что о прямом пути на юго-запад нечего было и думать. Попробовал найти тропу, по которой пришел сюда, — не нашел. Осмотрелся. Слева — вроде бы сосны повыше и покучнее. Значит, там посуше.

Сначала Валентин Васильевич легко перепрыгивал с кочки на кочку. Но постепенно дыхание участилось — два инфаркта давали о себе знать. Добравшись до гряды валунов, что лежали здесь, наверное, несколько веков, он лег на большой камень и, обхватив его руками, с минуту не мог отдышаться: «О-о-х, о-о-х!»

Полчаса он пробирался по каменной гряде, но когда достиг так привлекших его сосен, оказалось, что за ними снова болото. Долго кружил Литвинов по сосновому острову, выискивая мало-мальски подходящее место для перехода. Наконец выломал шест и пошел по лужам и мокрому папоротнику. Повезло — вскоре выбрался на старую, но твердую дорогу. Радостно зашагал по ней, уверенный, что она должна привести его к той дороге, где оставил машину. Отмахал километров пять и уткнулся в небольшую площадку: разбросанные трубы, куски железа, пустые железные бочки. Очевидно, здесь когда-то геологи бурили грунт. Дальше дороги не было. Надо возвращаться.

Литвинов полез во внутренний карманчик брюк. Достал стеклянную пробирку. Дрожащими руками вытряс таблетку нитроглицерина, бросил в рот. «Отдохну. — решил, — и пойду обратно».

Тревожило не то, что он не выберется отсюда, а мысли о жене. Если он не вернется вовремя из лесу, Роза всех поднимет. Она никогда не была спокойна в отсутствие мужа. Бывало, задерживается лейтенант Литвинов — то самовольщика ищет, то при проверке караула застрянет, — она ругается, ворчит: «На что такая жизнь! Знала бы, ни в жизнь не вышла бы замуж за офицера! Ни удовольствия, ниprodовольствия!» Так пошумит, заплачет, а потом: «Валюш, милый, хоть бы скорее ты майором стал!» Майор для нее тогда был чем-то вроде самого обеспеченного в армии человека. Это потому, наверное, что сосед майор служил в штабе части. Он уходил на службу в восемь и возвращался в семь часов вечера. Главное же — по женским сплетням — получал две тысячи рублей. А кто он — взводный?! С утра до вечера на работе, а получка — тысяча пять рублей на руки. На макароны да на сардельки, благо что их тогда в магазинах было вдоволь. Одна зарплата взводного, когда двое детей и жена без работы, — слезы, а не деньги.

Жили они тогда в коммуналке. В этот небольшой поселок приходили груженные песком и гравием железнодорожные платформы. Командир батальона иногда выделял личный состав для помощи в их разгрузке. На заработанные деньги приобретали спорт- и культмущество. Литвинов подружился с прорабом Николаем Петровичем Стародумовым. Тот как-то намекнул, что может дать Литвинову возможность подработать — если, конечно, он захочет.

— На днях придут четыре платформы, — пояснил он. — Две будут разгружать ночью пожарники, им все равно делать нечего, две — тебе. Выпишу наряд, все как положено. Триста рублей тебе же не помешают? Возьми тройку солдат, справишься быстро...

— Ты что?! — опешил Литвинов. — Ишь что придумал. Н-е-е-т, не могу, Петрович.

— Да брось ты ломаться, Валентин, — уговаривал прораб. — Давай без солдат. Я тебе помогу. Пол-литра потом купишь и ладно. Вон праздник скоро, а у тебя в кармане ни шиша. Подумай. — И, прощаясь, заворчал: — Офицер, офицер, а дети без штанов ходят. Я высшее образование имею, так что теперь мне лопату в руки не брать? Чуть все это, труд он и есть труд. И никакой аферы. За работу ведь получишь...

— Да я понимаю, — оправдывался Валентин, — но не положено. Офицеру не положе-но!

— Ишь какую жизнь тебе в училище нарисовали, на блюдечке с золотой каемочкой все преподнесут, только командуй... Я предложил, ты думай. Вот и весь мой сказ.

Стародумов в сердцах махнул рукой и зашагал прочь. До Валентина доносилось его «не положено, не положено...».

И все-таки Литвинов решился. Ночь со Стародумовым отмахали лопатами. Получили двести с чем-то рублей — подоходный налог высчитали. Деньги радовали и... жгли его совесть. Узнай об этом командир, влепил бы ему по первое число. Скрыл он от всех — от командира и от товарищей — это «подлое дело», как сам его окрестил. Но зато как радовались сын и дочь, получив к Октябрьским праздникам по новой одежке. Вот только Роза была недовольна:

— Ты — офицер, так и будь им. А деньги я сама заработаю. — И пошла топить печки в местный медпункт. Через год купили на ее зарплату телевизор. Маленький такой с огромной линзой. КВН назывался — в народе поспеивались: «купил, включил, не работает».

Горькие это воспоминания. Да из песни слова не выкинешь.

Литвинов взял корзину с грибами в правую руку, посмотрел на часы. Время поджимало. Прибавил шаг. Третий час уже бродил он по лесу, пытаясь найти переправу через болото. Ноги становились все тяжелее и тяжелее. Стали болеть икры. Он то останавливался, чтобы передохнуть, то снова пробирался через камни и кусты, коряги и сваленный сушняк. «Только бы не подвело сердечко», — думал он.

Спорт в суворовском училище был на первом месте. Сейчас ему уже за пятьдесят, и если бы не та суворовская закалка, давно уже в земле лежал бы. Что-то тяжелее стало дышать. Он все чаще и чаще оставался, отдыхал.

VI

...Дух аж присел на корточки, услышав сзади выстрел, — показалось, что стреляли в него. Он замер и какое-то мгновение ожидал удара в спину. Жар от сознания, что все, конец, не будет больше Олега Духана на свете, кольнул и ожег его изнутри, ударил в голову. Но... ничего не произошло. Медленно, с усилием Дух повернул голову — мужик с ружьем в руке, явно не заметив его, шел мимо сквозь чащу в глубь леса. «Идиот, зачем стрелял, чума болотная... — ругался про себя Дух. — В цапки играет, падала, развлекается. — Он привалился к дереву, посидел немного, чтобы снять нервную дрожь. Вытер рукавом выступивший пот. — Бывает же такое дурачье — громыхать на всю округу».

Вечерело. Опускались сумерки. О том, чтобы найти место, куда он спрятал свою сумку, думать было поздно. Утром. Все он сделает рано утром...

Приблизившись к дому Ефрема Ивановича Колоскова, Дух долго стоял, прислушиваясь и приглядываясь. В одном окне горел свет. Оно было не занавешено. Подкравшись, заглянул внутрь. Колосков сидел за столом, подперев голову руками. Дух вцепился в него взглядом. «Пьяный, что ли? — думал он. Внутри под ложечкой засосало. Есть хотелось до тошноты. — Если пьяный, сговорчивей будет. А если нет?»

Колосков был не пьяный. Ефрем думал о жизни. Промучила она его, как сквозь жернова протачила. Только-только оправился, дом построил. Огородик свой. Озеро рядом. Рыбы навалом. Живи теперь, радуйся. Ан нет. Умерла Дарья. Любовь его последняя ушла из жизни. Остался один. Что теперь делать? Что? Как он завидовал давеча офицеру и его жене — тем, что подвезли его на «Жигулях». Вся жизнь, наверное, лопаты в руках не держали. А геперь вот к земле их потянуло. На дачу, вишь, приехали, воздухом дышать. За службу кучу денег, наверное, тот офицер заработал, охраняя зеков. И за что им деньги платят?! Счастливая жизнь, наверное, у того офицера была...

Колосков вдруг услышал шаги на ступеньках крыльца: «Кто-то из рыбаков, наверное, носит их здесь». Раздраженно поднялся из-за стола.

— Войти можно, хозяин?

На пороге появился парень в черной куртке, кирзовых сапогах.

— Раз вошел, проходи, — недовольно буркнул Колосков.

— Не узнаешь, Ефрем Иванович? — Дух снял кепку, обнажив стриженую голову.

— Всех узнавать да помнить — места в башке не хватит. Рыбачить, что ли, пришел?

— Да нет, Иваныч. Не до рыбалки мне.

— Тогда чего же?

— Приятно бедного скитальца. Заплачу.

— Денег не беру, — огрызнулся Колосков, рассматривая вошедшего. Что-то знакомое было в этом парне. Но вспомнить, где встречались, сразу не мог.

— Дух я, Дух, ну чего встревожился? — присаживаясь на скамью у стены, улыбнулся уставло Духан. — Значит, денег не берешь? А бывало, брал. Помнишь, с девкой к тебе приходил? Четвертой отдал за ношевку с рыбалкой.

— Может, помню, может, нет. Четвертой? Врешь ты, парень. Сроду денег не брал.

— Брал, Иваныч, брал. Да что было — былем поросло. Выручи. Переночевать надобно. В обиде не будешь. — Дух прищурился, тихоно запел:

Как ты встретишь меня, моя любимая?

Вот тогда у людей на виду
Из-за стенок высоких и каменных
Я к тебе на свиданье приду...

Тут Колосков сразу вспомнил его. И что деньги брал — вспомнил. Но все делал вид, что не узнал. К чему? А песня эта ему нравилась. Хорошо тогда пел этот неожиданный гость. Несколько раз просил Ефрем повторить.

— Да ты, Иваныч, меня не бойся. Всякое в жизни бывает. Вот видишь, — Дух похлопал руками себя по бокам. — Одежка казенная. В животе — пусто. Найдешь чего поесть?

Какая-то жалость к этому человеку шевельнулась у Колоскова: «Может, ни за что попал парень?» С юношеских лет осужденные вызывали у Ефрема чувство сострадания. Сам столько несправедливости испытал. И эти казались незаконно обиженными.

— Так за что сидел? Как тебя? Дух?

— Да ни за что, — снимая куртку, заговорил Духан. Он уже понял, что Колосков его не выгонит, накормит, поэтому осмелел. — Подрались с мужиками, вот и схлопотали. Кинешь на стол чего-нибудь, Иваныч?

— Особо чего нету — один живу.

— А где Дарья... как ее по отчеству?

— Умерла, брат, умерла. — Колосков тяжело вздохнул. — Один вот кувыркаюсь. — Подошел к плите. Загремел кастрюлей. Поставил на стол. — Та-а-к, картошка. Сейчас огурчиков достану. Колбаса еще есть...

— А этого? — подмигнул Духан, шелкнув себе пальцем по горлу. — Для сугрева... Малость.

— Бросил я. Слово дал.

— Говорят, кто-то из великих, то ли Шоу, то ли Твен, двести раз курить бросал. И снова начинал. Не скупись. Расплачься.

Колосков не был жадным. Вернее, так он о себе думал. За все платить надо. Этому принципу он следовал неукоснительно. И сам всегда рассчитывался до копейки. Но что попадало в руки, не упускал.

— И что ты такой жадный? — отступил чуть в сторону Дух. — Людям-то помогать надо. А может, я твой родственник? — ехидничал он. — Ты в ссылке был. А за что? Кому известно твое прошлое? Ты же враг народа! А с врагами знаешь, что делают? То-то же. Поделиться с ближним не хочешь? Родственники мы.

Колосков опешил. На душе стало гадко — приютит человека, накормит, от розыскников прикроет. С миром проводить хотел. А он вон что выкидывает — в его жизни копаются.

— Уходи, уходи лучше, а не то...

Духа как ветром сдуло. Он легко сбегал по ступенькам и юркнул в лес.

VII

Литвинов изнемогал. Сколько километров он уже исколесил по лесу, чтобы выбраться из болота? Силы покидали его. Хоть бы кто встретился! Ни души. Тельняшка под кожаной курткой взмокла от пота. Болели ноги, усталость давила на плечи. Казалось, болото так опоясало лес, что переправиться через него можно только при помощи лодки.

Валентин Васильевич Литвинов за свою жизнь побывал во всяких ситуациях. И сейчас он утешал себя мыслью, что были времена и более тяжкие, да и те прошли.

В пятьдесят третьем году он был курсантом военного училища. Программу осваивал отлично. Еще бы — девять лет учебы в суворовском училище! Они дали основательную общеобразовательную и военную подготовку. Конечно, выпускникам-суворовцам учиться было гораздо легче, чем ребятам, пришедшим с гражданки. Лучшая подготовка давала возможность курсантам — бывшим суворовцам — заниматься спортом, художественной самодеятельностью. Командиры взводов, рот редко препятствовали их увлечениям...

Топая по болоту, Валентин Васильевич в памяти как бы прокручивал назад пленку всей жизни. И эта обратная дорожка была гораздо короче. Короче в памяти, а в жизни... Сейчас-то он уже пенсионер. Может, как другие, ворчать, писать куда угодно, вскрывать недостатки, критиковать, орать за перестройку. Про таких пенсионеров теперь говорят «народные мстители». К ним он себя не причислял. Конечно, некоторые статьи в журналах и газетах, особенно о сталинском периоде, его не устраивали. Разве мало было хорошего? Для него, например, государство сделало все, чтобы он получил образование, вышел, как говорится, в люди. Кем был он был после войны, не окажись в суворовском училище?! Конечно, настоящей материнской заботы и ласки он не видел. Училище — не родительский дом. И все же о суворовском у него самые светлые воспоминания. Дружбу, товарищество, братство, преданность Родине, патриотизм, благородство, профессионализм, умение вести себя в обществе — все это воспитывали в суворовцах офицеры-воспитатели. А главное — верность избранному пути. И пусть это высокие слова, но они определили его жизнь. Все силы

На столе появилась бутылка. Потом — вторая. Дух ел много, а пил мало. «Пьяному и на светлой улице темно», — помнил он не раз слышанную поговорку. Ему надо утром быть в форме. Никаких излишеств, никаких себе послаблений, иначе все задуманное полетит к черту.

Колосков быстро пьянел. Болтал невздор. Вспоминал свою Дарью. Жаловался на жизнь. Потом вдруг стал приставать к Духу, обнимал его, объяснялся в любви к таким, как он — ни за что ни про что обожженным. А затем, опустив голову на руки, заснул прямо за столом. Дух приютился на диване. Он дал себе зарок: поспать два часа, не больше. С рассветом он должен уйти. Незаметно, скрытно.

Около пяти часов Дух встал. Светало. Натянул на ноги сапоги. Увидел на вешалке куртку Колоскова из зеленой плащевки, подумал: «Пригодится». Тихонько снял, надел на себя. Стараясь не шуметь, пошел к дверям. И тут услышал голос Колоскова:

— Куда это ты ни свет ни заря?

Дух остановился. Медленно повернулся. Колосков исподлобья смотрел на него:

— Бежишь, значит, в чужой куртке?

— Да нужна она мне! Не хочешь одолжить — сниму.

— А деньги где? Обещал заплатить за все.

— Ты что, Иваныч? Я же потом принесу. Сам понимаешь... — постукал себя по карманам: — пусто. А через денек будет густо.

Колосков поднялся из-за стола, его показывало. В голове шумело.

— Куртку сыми.

Дух стал раздражаться. Куртку он отдаст. Хрен с ней.

— Повремени, Иваныч. Сейчас сниму.

— Вот так-то. Жалеешь вас тут, а они из дома тянут.

он отдавал ратному делу. Другой вопрос — что не всегда получалось как надо. Но это не означало, что он не желал лучшего. Были и компромиссы со своей совестью. Но не потому, что боялся идти против течения, а потому, что все были — «единогласно».

Недавно встретил знакомого — вместе командовали ротами. Козьянов фамилия. Стыдно Литвинову стало перед бывшим товарищем. Он — подполковник. Козьянов — капитан запаса. А ведь мог быть, пожалуй, и генералом. Но в тот период, когда попал капитан в беду, никто не встал на защиту перспективного офицера, коммуниста.

— Как живешь, Володя? — спросил Литвинов.

Козьянов был прилично одет. В кожаной куртке, с галстуком. Подтянут. Только лицо, конечно, постарело — появились у глаз морщины, из-под шляпы снежно белели волосы.

— Живу ничего, вкальваю. Я ведь теперь — пролетариат. Похваляюсь — знатный фрезеровщик...

— Да это я все знаю, — остановил его Литвинов. — А в партии восстановили?

— Давно уже. Чего ради-то я после смерти Хрущева в райком да обком бегал, справедливости добивался? Да, меня восстановили в партии. Только вот почему тогда меня никто не поддержал? Ты тоже. Обидно. Обидно за бывших товарищей. На собрании как в рот воды набрали. Уши ватой заткнули. А ваше молчание, знаешь, чего мне стоило?

Литвинов знал. Козьянов на собрании подверг острой критике большого начальника — стоил того начальник, — да еще и в курялке пару слов о нем сказал, сдобрив эти слова «соленой» присказкой. К этой «солености» и прицепились. Сначала из партии исключили, а потом и из армии выгнали. И неплохим мужиком был Козьянов, принципиальным, честным, а за предложение «исключить» все голосовали единогласно: так принято было в те годы.

Не так давно Литвинов — так уж случилось — отдыхал в санатории со своим бывшим начальником, теперь уже генералом в отставке. Два пенсионера вспоминали сослуживцев, разговаривали о былом.

— Александр Федорович, скажите честно, — обратился к нему Валентин Васильевич, — с Козьяновым несправедливо ведь поступили?

Отставной генерал сначала уклонялся от ответа, уводил разговор в сторону. Но Литвинов не отступал:

— Дело-то прошлое, другое время сейчас, ответьте по-честному.

— Ты как банный лист, — рассердился генерал. — Тебя бы тогда на мое место. Предположим, я — за Козьянова. А кто за меня? Думаешь, надо мной чистое небо да божья обитель? Нет, дорогой. Козьянова бы все равно выгнали, а вслед за ним — и меня. Так-то, брат. Слушай, — вдруг удивился генерал, — а чего это ты сейчас такой смелый?

— Действительно, — засмеялся Литвинов, — чего это я такой смелый, как тот интеллигент в анекдоте...

Генерал анекдот знал.

— Это... что в магазине колбасу выбирал?

Александр Федорович хохотал от души... А с Козьяновым Литвинов тогда проговорил долго. Изменился бывший сослуживец. Обиженный, он считал, что нужно еще больше сократить армию, дескать, половина в ней — бездельники, возмущался, как в обиходе говорят, «тринадцатой зарплатой» для офицеров и прапорщиков — справедливее, мол, было бы просто увеличить оклады.

— В армии, — говорил он, — всех стригут под одну гребенку. Вот сам подумай. Мой сын — прапорщик. Начальник караула. А друг его — завскладом ПФС. У кого больше шансов получить эту «тринадцатую зарплату»? Или сравни начфина и ротного. У первого послужная карточка чистая, у второго — взысканий, как в бочке огурцов. — Успокойся, Володя, — осаживал его Литвинов. — Бог и леса не ровнял...

Расстались холодно. Козьянов — обделенный жизнью, Литвинов — раздумывающий о жизни.

VIII

Дух шел быстрым шагом. Сначала он все оборачивался, проверяя, не идет ли за ним Колосков. Он не то чтобы его боялся. Дух не мог себе сегодня позволить лишнего, тем более драки с кем-то. Хотя кое-что все же позволил... Ночью, когда этот мужик спал, Дух, встав попить воды, обшарил карманы пиджака, висевшего на стуле. В портмоне были какие-то бумажки, счега и деньги — несколько полусотенных. Не взять — это было не в правилах его жизни. Аккуратно свернув вчетверо, Дух сунул деньги в карман брюк. «Мало ли что может быть, пригодятся», — оправдал он сам себя.

Солнце только вставало на востоке, когда Дух с трепетом подходил к знакомому ему месту. По дороге нашел кусок стального прута. Прихватил с собой. Вот и знакомые четыре березы, образующие как бы квадрат, в середине которого муравейник. Три шага влево — схрон. От желания скорее добраться до сумки, которую он здесь «загасил», у Духа даже остановилось на несколько секунд дыхание. Он еще раз осмотрелся, пытаясь овладеть собой, потер пальцами виски.

Духу было тридцать пять лет. Из них половину, пожалуй, он провел в заключении. Освобождался — снова шел воровать: как в одной из блатных песен, «все промотал, улыгнулись червончики». И снова получал срок. Сейчас он твердо решил нырнуть куда-нибудь и сидеть тихо, как карась. А деньги он всадит, не все, конечно, в какое-нибудь кооперативное дело. «Кооператор... — усмехнулся Дух. — Буду стричь купоны с бездарной людской толпы. При том — законно, ха-ха!»

Дрожащими руками Дух вытянул из распоранной ямы старую спортивную сумку с надписью «Аэрофлот». Открыл молнию, сунул руку в целлофан — все было так, как он упаковал. Облегченно вздохнул. Теперь — не торопиться. Осторожность прежде всего. Надо перехитрить конвойников, которые ищут его. Лесом, через кустарники Дух осторожно стал удаляться от места хранения.

IX

Когда Дух ушел, Ефрем Колосков заварил крепкого чаю — башка болела. В душе нарастала невесть откуда взявшаяся тревога. Он походил по дому, вышел во двор. Стал колоть дрова — к зиме надо было готовиться.

Посещение Духа оставило у него неприятный осадок, будто он окунулся во что-то тухлое и грязное.

— Здорово, хозяин, — услышал он вдруг за собой незнакомый голос.

«На тебе, еще кто-то прется!» — в сердцах Ефрем плюнул на землю и повернулся. Перед ним стоял прапорщик, невдалеке от него находились два солдата.

— Здравсьте, здравсьте, товарищи военные. Чем могу служить?

— Вы случайно незнакомо человека здесь не встречали?—Прапорщик подошел ближе.

«Молоденький еще, — подумал Колосков, — а держится серьезно. Начальник!» У Ефрема Ивановича укоренилась какая-то неприязнь к тем, кто по званию выше солдата. Солдат, в Ефремовом понятии, был как бы подневольным, исполняющим лишь приказания старших.

— А кого ищете? — поинтересовался Колосков. — Солдатика своего, что ли?

— Почему солдатика? — серьезно проговорил прапорщик. — Мы рецидивиста ищем. Бежавшего зека. Если видели кого или слышали что-либо, скажите.

И хотя Ефрем был зол на Духа за то, что тот растеребил его душу, он решил промолчать. К чему выдавать? У них профессия охранять да искать. Вот пусть и ищут. А ему, Колоскову, до этого никакого дела нет.

— Нет, служивый, никого не видел.

— Не видели так не видели. Если что — сообщите в сельсовет или участковому. Доброго здоровья вам. — Прапорщик повернулся и пошел к солдатам.

«А может, догнать, рассказать все же про Духа? Вдруг убил кого? Да нет, этот вроде неплохой. А сидел — так мало ли за что могут людей в тюрьму посадить. Нет, пусть солдатики уходят с богом, промолчу. У Духа — своя судьба. Повезет — значит повезет. — С такими мыслями Колосков возвратился в дом, прилег на диван. — Посплю часок-другой».

Проснулся он около пяти вечера. Голову еще туманило, во рту какой-то неприятный привкус. «От водки, — подумал. — Надо бросать пить, а то что-то я совсем распустился».

На душе у Колоскова было тревожно: будто вот-вот что-то должно случиться. Он встал, зачерпнул из ведра прохладной воды, напилсь вволю. Снова прилег. Взгляд его остановился на спинке стула, где висел пиджак. С минуту Ефрем смотрел на него, потом вдруг вскочил, торопливо подошел к стулу и засунул руку в боковой карман. Портмоне было на месте. Он хотел было положить его обратно, но какая-то неведомая сила заставила открыть и пересмотреть содержимое. Денег не было. Колосков растерянно заморгал, сунул руку в карман — там было пусто.

Триста рублей, триста рублей...

— Последние мои денежки. Как с куста снял, подлец!

Ефрем Иванович присел на краешек стула, обхватил голову руками.

— Обокрал, обокрал меня, сволочь, обокра-а-а-а! Что делать? Где искать этого Духа?

250

На столе лежали ключи от его старенького «Москвича». Взгляд Колоскова уперся в них. Какая-то надежда затеплилась в душе. Он схватил ключи и бросился к машине, еще не зная, что будет делать. Яростно включил зажигание. Мотор поворчал, поворчал и заглох. «А, чтоб тебя!» — про себя выругался Колосков и снова повернул ключ. Нажал на акселератор. Машина завелась. Не дав мотору прогреться, он стал выруливать на дорогу...

X

Уже вечерело, когда подполковник в отставке Валентин Васильевич Литвинов наконец-то выбрался из болота. Шесть часов плутал. Вконец выбился из сил. Осталось пройти лесочком метров восемьсот, и он, сидя на стволе поваленного дерева, отдыхал перед последним переходом. Он уже представил, как сядет за руль «Жигуленка», включит мотор, даст теплый воздух в салон, погрееется и помаленьку поедет к себе. Но он сидел и не мог заставить себя подняться: пережитое вдруг так расслабило его, что неожиданно заболели мышцы ног, заняла поясница, и он почувствовал себя вконец разбитым. А надо было идти. Надо — это слово всю жизнь было рядом. Сколько таких «надо» пришлось выполнять, сколько приказывать себе. Вот и не так давно, перед увольнением. Ночью стало плохо. Жена вызвала «неотложку». «Подозрение на второй инфаркт», — заключили врачи. Сделали уколы. Почувствовав себя лучше, Литвинов ехать в госпиталь отказался. И как только жена закрыла за собой дверь, уйдя на работу, он тут же поднялся, оделся и на такси приехал в часть. Дело было накануне инспекторской проверки, и ему очень надо было явиться на работу. Надо было, и все тут...

Госпитализировали его днем, прямо из кабинета.

— Ну зачем ты приехал? — корил командир.

— Надо было, надо! — ответил Литвинов.

Нет, ни наград, ни почестей он не искал. Просто был приучен постоянно подавлять в себе личные желания и чувства во имя дела. Правильно это или нет, раньше не задумывался.

Литвинов с усилием поднялся. И тут только заметил, что неподалеку у дерева стоит человек.

XI

Дух давно обнаружил у дороги «Жигули». Первый раз в жизни он проклял себя за то, что не умел водить машину. Он осторожно ходил поодаль от «Жигулей» и ждал, когда появится хозяин. Главное, чтобы он был один. Если добром не согласится подбросить, то недолго и заставить.

А вот если с бабами, с детьми... Неужто придется пахать пешком?..

Ох, как надо было скорее выбраться отсюда — выскользнуть из зоны розыска.

Когда Литвинов собрался было пойти к машине, его остановил негромкий голос:

— Здравствуйте! Как грибочки?

Литвинов не испугался. После нескольких часов одиночества на болоте рад встретить человека.

— Здравия желаю! — привычно слетело с языка, и тут же Литвинов осекся, нутром почувствовав, кто перед ним.

Дух цепким взглядом оценил свое превосходство над этим седеющим грибником, усталым и каким-то выдохшимся.

— Ваша машина? Бегаёт? — улыбнулся он. — Может, подвезете?

— Может, подвезу... — рассматривая незнакомца, тихо ответил Литвинов и тут же про себя отметил: рост примерно сто семьдесят, вес — к девяносто. Бугай, ну точно бугай.

— Зачем меня глазами фотографируете? — усмехнулся Дух. — Не с неба свалился. За грибами вот пришел, да заплутал.

— Вижу, что заплутал, — прищурился Литвинов. — А где же грибы? У меня-то вон сколько! — Приподнял корзину.

— В лесу каждому — свой гриб, — подошел ближе Дух. — А мне вот не хватило. Может, поделитесь?

Когда Литвинов въезжал в лес, встретился ему знакомый уже прапорщик с двумя солдатами. Остановился. Прапорщик рассказал, что они ищут сбежавшего из колонии рецидивиста.

Не ожидал Валентин Васильевич, что вот так придется встретиться с беглецом. Лет эдак десять назад он сумел бы обезвредить этого бугая. А сейчас? Силы уже не те, дыхания на две минуты борьбы хватит...

— Ну что, старина, подвезешь али нет? — Дух приблизился к Литвинову и приподнял его корзину. Грибки-то мокрые, провалился, что ли, в болото?

Обращение на «ты» вызвало у Литвинова злость. Но он сдержал себя.

— Пойдем, — глухо проговорил он. — А то скоро стемнеет. Не ездок я вечерами, плохо вижу.

Несколько метров прошли молча. Литвинов впереди, Дух — сзади.

«Стукнуть бы его по башке, — думал Духан, — и вся недолга. А кто за руль сядет? Нет, пока этого дедка беречь надо. Подбросит до развилки, а там к железнодорожным путям выйду, на какой-нибудь товарняк прыгну. Впрочем, на развилке, если что, и пристукнуть слегка можно, чтоб до утра помолчал...»

Литвинову вдруг стало противно: чего испугался, силы еще есть, надо думать, как задержать этого беглеца. Ну и что, что ты на пенсии? Тридцать два года в строю — это, значит, надо зачеркнуть? Упустить этого зека — значит, изменить самому себе.

Они подошли к машине. Литвинов открыл багажник, поставил корзину с грибами, взглянул вопрошающе на Духа, мол, будешь сюда класть свою сумку или нет?

250
27

— Я ее с собой возьму, в салон, — решительно проговорил Дух и двинулся к правой передней двери.

— С собой так с собой, — безразлично ответил Валентин Васильевич. Хоть бы кто-то появился в этом безмолвном осеннем лесу. Нет, никого. Тишина и безлюдье.

Он не спеша залез в машину, привычно надел ремень безопасности. Стал прогревать двигатель. Дух держал сумку на коленях и наблюдал за действиями Литвинова.

— Поехали, что ли, хозяин? — заторопился незванный пассажир.

— Ехать можно, но куда? — не поворачиваясь, спросил Литвинов.

— Как куда? Меня до развилки подкинь, заплачу.

— А есть чем заплатить-то? Бензин сейчас дорогой, сам понимаешь, — медлил Литвинов.

— Торгуешься? — Дух запустил пятерню во внутренний карман куртки, достал несколько смятых денежных купюр. — В обиде не будешь. Трогай.

— Ладно, поехали, — спокойно ответил Литвинов, а внутри у него все дрожало. Он осторожно, словно нехотя, выводил машину на проселочную дорогу, еще не зная, что предпринять.

XII

Колосков ехал медленно. Что-то случилось с движком. То ли карбюратор барахлил, то ли бензонасос засорился. «Москвич» «чихал», и мотор никак не мог набрать свои обороты. У Колоскова и раньше были неполадки с машиной. Все собрался покопаться, да откладывал. «Так всегда бывает, — подумал он, — когда что-то сразу не сделаешь, потом аукнется. Ведь как нужно сейчас побыстрее до Мыльниково, рассказать обо всем участковому. А может, прапорщика с солдатами найду? Подлеца этого брать надо. Сволочь, триста рублей взял».

Он готов был своими руками схватить этого Духа, скрутить и бить что есть силы. Колосков ругал себя за то, что выставил водку, пропьянствовал с почти незнакомым человеком. «Подделом тебе, — корил он себя, — нечего было пускать этого вора в дом. Спустил бы с крыльца — и амба. Так нет, кушай, дорогой товарищ, пей водочку, отсыпайся!»

Мотор вдруг заглох, и он остановил машину как раз у переезда через земляной мост. Ругаясь и чертыхаясь, вылез из машины, открыл капот...

Литвинов обдумывал свое положение. Дух поторапливал, внимательно наблюдал за дорогой. Валентину Васильевичу наконец надоел этот подгоняло, он остановился, выключил мотор.

— Все, парень, иди пешком куда тебе надо. Я не извозчик. Подвез малость и хватит.

— Что? — заскрежетал зубами Дух.

— Не повезу, — упрямо отрезал Литвинов. — Знаешь, как это называется? Поддай нищему булку, а он еще с маслом требует. Так и ты...

Дух чуть не ругнулся, но вовремя сдержал себя. «Матом да силой тут ничего не сделаешь, — размышлял он. — Мужичок, по всему видно, бывший военный, упрямый. Лаской надобно, лаской, Олечка», — успокоил он себя.

Литвинов сидел за рулем насупившись.

Духан стал просить:

— Ты, батя, пойми: к женщине я иду, ждет меня подруга. Ну что тебе стоит каких-то километров восемь отмахать?! Не пешком же. Заплачу я. Ей-богу, заплачу. Хочешь, аванс дам?

— Да брось ты с этими деньгами, парень, не рыжики, и зимой родятся. — Литвинов достал из бардачка сигарету. — Дай мне немного передохнуть. Устал я. В болюте шесть часов плутал...

— Ну это понятно, — встрепенулся Дух, — отдохни, отдохни, мил человек. Только подкинь, очень нужно.

— Садись за руль, а я на твое место сяду, — вдруг ошарашил его Литвинов. — Пассажиром-то оно легче.

Дух смутился:

— Не-е, так не пойдет, старина. Ты водитель, ты и рули.

«Не шофер, — отметил про себя Литвинов, — оно и лучше». Почему лучше, он пока не знал, но почувствовал облегчение на душе. И вдруг решил:

— Тогда поехали, парень, только без погонял и наставлений. Как повезу, так и повезу. — Литвинов завел мотор и рванул с места.

Машина быстро набирала скорость. По бокам мелькали высокорослые ели, мелкий осинник, пожухлый кустарник. Дорога стремительно уносилась под колеса «Жигуленка». Все меньше оставалось пути до развилки. Литвинову казалось, что обратная дорога была гораздо короче, чем та, по которой он ехал по утрянке в лес. «Короче, — стучало в голове, — как само воспоминание о пройденном жизненном пути».

— Не гони, не гони, старина, — услышал он сквозь шум мотора напуганный голос Духа. — Еще врежемся куда!

«Врежемся... врежемся... — зацокало в мозгу Литвинова. — Врежемся! А зачем?»

Погибнуть вместе. Да пошел ты к едрене фене, чтоб я с тобой погибал. Не врежемся. Но что-то надо делать!»

У Литвинова от напряжения начал побаливать затылок. И вдруг он увидел впереди стоявший у обочины «Москвич». Еще сам до конца не осмыслив, что будет делать, он крепче вился руками в рулевое колесо, весь напрягся.

— Обходи его, не останавливайся! — кричал Дух, видя, как «Жигуль» стремительно приближается к «Москвичу».

— Не бойся, не бойся! — каким-то не своим голосом выдал из себя слова Литвинов. И когда до стоявшей автомашины оставалось метров десять, резко тормознул. Духана, не закрепленного ремнями, рвануло вперед, он ударился головой о щиток, защищающий пассажира от лучей солнца.

— Ты что, падла, — заорал он, — ты что?..

Еще одно резкое торможение и — правый бок «Жигуленка» заскрежетал о левый бок «Москвича». Посыпались в салон стекла, их осколки обожгли лицо Духана. Машина остановилась.

— Стерва поганая! — кричал Дух, одной рукой прижимая к себе сумку, другой, окровавленной, пытался ударить Литвинова. Но того уже на сиденье не было. Он выскочил из машины и навалился телом на левую переднюю дверь.

«Не выйдешь, не выйдешь!» — хрипел Валентин Васильевич.

XIV

Скрежет железа, удар, от которого «Москвич», стоявший на ручном тормозе, чуть поддался в сторону, ошеломили Колоскова. Надо же, какой-то ухарь здесь, на безлюдной проселочной дороге, врезался в его машину. Он выскочил из-за капота и ошалело водил глазами то на свой «Москвич», то на «Жигуленок», который плотно прижался правыми дверьми к левому боку его машины. Все в нем кипело. В первые секунды он даже не узнал человека, прижавшего дверь «Жигулей».

— Дурак, лихач, безмозглы-ы-й! — заикаясь, кричал он. — Что же ты надедел, сволочь! — И вдруг осекся, увидев бледное, усталое лицо, с как бы извиняющимся перед ним взглядом. Он узнал того запасающего офицера, что подвозил его в Мыльниково. — Как же так? Как же так? — растерянно оседал его голос. — Ну как же вы так неосторожно...

— Там, — с передыхом выдавил из себя Литвинов, — зек, бежавший из колонии... зек! Задержать надо... За-дер-жать, — выдавливал он слова осипшим голосом, — прошу...

Ефрем Иванович видел, что силы покидают мужчину, а из салона «Жигуленка» кто-то с силой напирает, чтобы открыть дверь. Приблизился к ветровому стеклу — и его вдруг охватила радость: вот он, вор! Вот его обидчик!

А Валентин Васильевич Литвинов, упершись телом в дверь машины, уже не видел Колоскова. Глаза туманила пелена, он уже не различал дорогу, которая внезапно обрывалась...

* * *

...Прошел месяц. Литвинов просматривал газеты в своей ленинградской квартире. Появилась Роза:

— Читаешь? Ну-ну... — и сунула ему в руки распечатанный конверт.

— Что это?

— Читай, читай...

Валентин Васильевич надел очки, вынул из конверта официальную бумагу, пробежал текст.

— Ну что, герой? Платить-то тебе придется за «Москвич». Шестьсот пятьдесят рубликов насчитали. — Роза укоряюще смотрела на него. — Говорила же — оставь свои замашки, хватит, навоевался. Так нет же!

— Это мы еще посмотрим, — поднялся с кресла Литвинов. — Я еще довоюю... Я еще...

— Блажен, кто верует, — отрезала жена и ушла на кухню,

ПО ИДЕЙНЫМ СООБРАЖЕНИЯМ?..

«МОИ УБЕЖДЕНИЯ как члена ленинградской секции партии «Демократический союз» не позволяют мне добросовестно служить... Кроме того, потеряв партийный билет члена КПСС, я считаю себя выбывшим из рядов Коммунистической партии».

Как ни обидно, но принадлежат эти «признания» выпускнику нашего Высшего политического училища. И вот который месяц не смолкают у нас разговоры вокруг поступка теперь уже не только бывшего коммуниста, но и бывшего лейтенанта — Сергея Скрыля. Мнения высказываются самые различные. Кого-то откровения Скрыля повергли в довольно-таки длительный шок, кто-то, напротив, спокойно пожимает плечами, мол, в семье не без урода. Но большинство недоумевает: как проглядели в своей среде человека с ДСовскими убеждениями?

В ДВЕРЬ решительно постучали, а следом вошел курсант, который строго по-военному обратился к офицеру: «Прошу у вас рекомендацию для вступления в члены партии».

Хозяин кабинета ничуть не удивился такому ходу событий, так как был знаком с Сергеем не первый год. «Ну что ж, присаживайтесь, поговорим», — предложил он Скрылю.

Беседа получилась долгой и обстоятельной. Касалась она и сугубо личных дел, и проблем общественной жизни, и позиции коммуниста на нынешнем сложном, во многом противоречивом этапе развития Советского государства. Курсант подкупал эрудицией, познаниями в общественных науках, логикой рассуждений, хорошо поставленной речью.

— Альтернативы перестройке не вижу, — говорил он, — и очень хочу помочь ее движению вперед, будучи, разумеется, в партийных рядах. Об этом я и написал в своем заявлении в нашу парторганизацию.

Хоть вопрос и казался предельно ясным, офицер не стал поспешно брать за перо. Зашел на выпускной курс, побеседовал с преподавателями. Убедившись, что никто не сомневается в порядочности курсанта, стал писать рекомендацию. Потом он признается, что и в кошмарном сне ему не приснились бы слова рекомендуемого:

«Я не желаю быть членом КПСС, ибо... не согласен с линией партии на перестройку, целиком разделяю программу «Демократического союза».

НАДО СКАЗАТЬ, что это были не единственные аргументы, приведенные Скрылем в обоснование своего нежелания служить во внутренних войсках, быть политработником. Он-де в свое время и рапорт на отчисление писал, да отговорили в последний момент. И учился лишь ради диплома о высшем образовании, прогуливал занятия и буквально не вылезал с митингов ДС и ленинградского Народного фронта, даже взносы уплачивал. А товарищи по группе, мол, знали об этом, но проявляли равнодушие или терпимость. Одним словом, все ясно как белый день.

Однако при внимательном изучении «аргументов» все они рушились как карточные домики. Занятий старшекурсник Скрыль пропустил считанные часы (когда был в наряде), в увольнение его приходилось чуть ли не за руку выводить товарищам. Именно они, нынешние лейтенанты С. Ласточкин, С. Скутарь, В. Петров, Н. Раковец, в один голос заявили, что ни словом, ни намеком Сергей не выдавал своей приверженности ДС или ЛНФ. И марксизм-ленинизм был ему настолько «чужд», что в дипломе по общественным наукам у курсанта Скрыля сплошные... пятёрки. В общем...

В общем, свой в доску человек был Сережа Скрыль для всех, за исключением, может, только политработника подразделение, который, к слову, хоть и рекомендовал его кандидатом в члены партии, а вот повторную рекомендацию писать отказался. Но сделано это было скорей интуитивно: никаких объяснений на сей счет он не дал.

Вот так и вступил курсант Скрыль в партию, благополучно окончил училище, получив вожденный диплом, без происшествий прибыл к месту дальнейшего прохождения службы, принял должность, ничем не отличаясь от своих коллег — новоиспеченных лейтенантов-политработников, взялся за дело и...

И вдруг самовольное оставление сборов молодых офицеров (воздушный вояж на переговоры к брату), таинственная пропашка партийного билета и как итог — бредовый, полный выдумок, откровенного вранья рапорт и завидная, без тени сомнения настойчивость в стремлении как можно скорее расстаться со службой и членством в КПСС.

«В ПРОЦЕССЕ работы заместителем командира роты по политической части,—пишет Скрыль в одной из своих многочисленных объяснительных,—я рассказывал солдатам о целях и задачах неформальных объединений, но к вступлению в них не призывал...»

Что ж, как говорится, спасибо и на том. Но представьте себе на минуту с десяток подобных ему «оборотней», проводящих исподтишка враждебную политике КПСС «разъяснительную работу». Да это же голубая мечта для доморощенных «демократов» и «либералов», чьи взоры устремлены на армию, внутренние войска. Первые их попытки проникновения в армейскую среду грозят со временем перерасти в массированное наступление. Слишком у многих поперек горла стоит эта сила, служащая гарантией от беззакония, анархии, экстремизма во всех его проявлениях. Кто, как не мы, должны противопоставить попыткам отстранения Коммунистической партии от власти, размыванию социалистической системы ценностей твердую партийную позицию, эффективную работу по воспитанию преданных делу перестройки бойцов?!

Кому-то это покажется приевшейся риторикой, кто-то возразит, дескать, сколько можно сотрясать воздух лозунгами и заверениями в поддержку перестройки, а в реальной жизни бегать от нее, как черт от ладана? Что ж, теперь особо не побегаешь: Скрыль и ему подобные не дадут.

Легче всего сегодня прятаться за оправдание, мол, ни по каким там «идейным соображениям» не действовал наш горевыпускник. Он просто испугался трудностей службы, неустроенности быта. Ну, а чтобы легче было бежать с передовой, придумал свою принадлежность к неформалам. Возможно, спорить не станем. Но

дает ли это нам право продолжать жить и работать так, будто ничего не случилось? Случилось! И заставляет с иных позиций смотреть на прежний уклад жизни.

ПОЧЕМУ все выпускники училища должны в обязательном порядке быть членами партии? Почему пресловутый «вал» по-прежнему довлеет над парторганизациями? Ведь любому ясно: пока партбилет является приложением к диплому политработника, то и отношение к нему будет соответственным. Не изменим подход — будем и в дальнейшем пожинать горькие плоды «массового охвата».

Как определить, созрел курсант для вступления в партию или нет. Прежде всего надо дать возможность каждому почувствовать всю ответственность этого шага. Наверняка ничего страшного не произойдет, если иные наши выпускники вступят в партию в войсках. Не через училищную «обязаловку», а познав в работе, что значит быть в авангарде. Да и почему все должны стать коммунистами к 20—22 годам?! Мы ведь все совершенно разные люди, а стало быть, к ощущению себя партийными бойцами придем в разное время. Так зачем нынешняя спешка?

На примере Скрыля видно, что, несмотря на отказ рекомендовать его в партию одного коммуниста, он-таки пробрался в ее ряды. А что если и здесь пойти по иному, чем нынешний, пути? Коль рекомендовавшие тебя в кандидаты рядом, пусть они и дальше несут ответственность за твою судьбу. Не дают повторную рекомендацию — выбывай по шестнадцатому параграфу! Мы за такое изменение в партийном уставе.

Капитан В. ТАТАРИНОВ,
курсант А. ТЮМЕНЦЕВ.

Высшее политическое училище
имени 60-летия ВЛКСМ МВД СССР.

В ТРУДНОЕ ДЛЯ ПАРТИИ ВРЕМЯ

Недавно на комсомольском собрании роты товарищи единогласно проголосовали за выдачу сержанту Мустафе Махмудову рекомендации для вступления кандидатом в члены КПСС.

«Наш командир не только хорошо подготовленный военнослужащий, но и настоящий друг. Он — секретарь бюро ВЛКСМ подразделения, в любую минуту готов прийти на помощь сослуживцу. Сейчас для нашей Коммунистической партии наступила трудная пора. Считаю, что такой человек, как командир нашего отделения сержант Махмудов, будет достойным ее членом», — эти строки я прочитал в заметке рядового А. Морохотина, помещенной в стенной газете воинского коллектива, где служит офицер И. Шевчук.

— Это не единичный случай, когда военнослужащие подают в первичные организации коммунистов заявления с просьбой принять их в ряды КПСС, — говорит ответственный секретарь парткомиссии при политотделе части майор Н. Смыслов. — Только в последнее время мы приняли кандидатами в члены партии восемь человек.

Среди них Николай Константинович назвал командира роты старшего лейтенанта В. Руденко и командира взвода старшего лейтенанта Г. Шуликина. Их сослуживец прапорщик А. Ерохин тоже стал кандидатом в члены КПСС. Его, как и молодых офицеров И. Мажинского, С. Харина, рекомендовала комсомольская организация.

— Время для партии сейчас действительно нелегкое, — поделился размышлениями старший лейтенант Ю. Чурилов, наступила совсем недавно коммунисты приняли в свои ряды. — Некоторые, разувверившись в силу партийного влияния на массы, в авторитете Центрального Комитета, подорванном отдельными коммунистами-руководителями в годы застоя, сдают партийные билеты. Больше того, нашлись и такие, кто кощунственно уничтожил свои краснокожие книжицы. Это — предательство партии и ее идеалов. Поэтому меня, как молодого члена КПСС, радует оптимизм и вера в будущее сослуживцев, решивших пополнить ряды коммунистов именно на этом ответственном этапе перестройки.

Старший лейтенант Г. ШАХОВ.

257
253

КАКИМ БЫТЬ КОМСОМОЛУ?

ВСЕГДА ЛИ ПРАВ КОЛЛЕКТИВ?

НЕ ТОРОПИТЕСЬ ОТВЕЧАТЬ. Я НЕ ХУЖЕ ВАС ПОМНЮ ИЗРЕЧЕНИЕ «ГЛАС НАРОДА — ГЛАС БОЖИЙ». И ВСЕ-ТАКИ...

«ОБВИНЯЮ

В «ДЕДОВЩИНЕ»

В комсомольской организации, где секретарем бюро ВЛКСМ до недавнего времени был ефрейтор Владимир Блатунов, произошло беспрецедентное событие: молодой солдат Рахат Желтибаев на комсомольском собрании вдруг встал и заявил, что в коллективе процветают неуставные взаимоотношения. Более того, назвал поименно обидчиков, привел конкретные примеры неуставщины. Так, например, рядовой Ахунов утверждал, что «узбеки над киргизами всегда верх брали», и пытался заставить молодых солдат из Киргизии выполнять работу за себя. Предъявил комсомолец претензии и к другим солдатам второго года службы, которые, нарушая требования уставов, добивались необоснованных привилегий.

Выступление Желтибаева произвело эффект разорвавшейся бомбы: приутикли самые притязательные «дедушки», а первогодки поняли, что с этого дня служить можно и без выполнения унижительных «просьб». Естественно, командиры приняли строгие меры к нарушителям, и в коллективе был наконец-то наведен порядок.

норировать не только солдаты других призывов, но и одногодки. Нет, его не обижали, не оскорбляли. Просто перестали замечать. С точки зрения коллектива, он совершил постыдный поступок: «заложил» — сказал правду. Заметьте, сказал не на ушко командиру, а на собрании, во весь голос.

Возможно, в этой истории есть неизвестные мне нюансы. Но я был на комсомольском собрании, где коммунисты обвинили бюро ВЛКСМ в беспринципности. Ждал реакцию на обидные для активистов слова, но никто из комсомольцев не высказался в защиту бюро. Никто не выступил и против. Комсомольцы просто промолчали. Промолчал и новый секретарь бюро ВЛКСМ, кстате, одногодок Рахата Желтибаева.

В чем «вина» рядового Желтибаева перед коллективом? Не секрет, что во многих подразделениях есть солдаты, информирующие командира или замполита роты. Потихоньку, чтобы никто не видел. Не берусь осуждать за такую практику командиров. Если сержанты замалчивают неуставные проявления, если комсомольские активисты «набирают в рот воды», то офицеру невольно приходится работать с теми, кого сами солдаты называют презрительно «стукачами». «Стукачей» опасаются солдаты второго года службы, нередко даже пытаются задобрить. Рахат не был «стукачом». Он ошаршил полногласной правдой коллектив. И это ему не могли простить ни те, кто унижал, ни те, кто прежде унижался.

ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ

Служить бы и служить в таких условиях, но...

Некоторое время спустя рядовой Желтибаев обратился к командиру с просьбой перевести его в другое подразделение. Почему? Да потому, что для Рахата то выступление было роковым: его стали иг-

О ДАНКО И... ГОРЕ ОКУРКОВ

Мы много говорим о правде, о необходимости решительно бороться против неуставщины. На памятном мне собрании сказано на эту тему так много убедительных слов, что верилось в способности комсомольцев решить сразу же после собрания все проблемы. Но коснулось дело конкретного случая, и все примолкли. А потом стали сваливать вину друг на друга.

Не очень-то было приятно видеть, как комсомольцы-офицеры обвиняют в бездеятельности сержантов, комсомольцы-сержанты — офицеров в излишней опеке, а комсомольские активисты предъявляют претензии ко всем и выслушивают их ото всех. При этом все подчеркивают, что они близки к людям, переполнены заботами о насущных проблемах, но не получается потому, что основная масса инертна. «Основная масса» сидит тут же в зале и дремотно посапывает, ибо знает, что дальше разговоров дело все равно не пойдет.

Не пойдет потому, что нет настоящего огня, нет Данко, готового вырвать свое сердце, чтобы осветить дорогу людям. А слова, даже самые яркие, сгорают моментально. После собрания все вернулось на круги своя, лишь гора окурков у клуба напоминала, что здесь дебатировали во время перерывов комсомольцы.

Но вернусь к случаю с Желтибаевым. Коллектив, в котором он служил, в последнее время буквально лихорадило. Неуставные взаимоотношения, скрывавшиеся за внешне нормальной обстановкой, завершились для некоторых больничной койкой или скамьей подсудимых. Но корни «дедовщины» все равно оставались, ибо сам коллектив мирился с «мелкими» нарушениями уставных требований. Так всегда ли прав коллектив?

Недавнее анкетирование (анонимное) показало, что девяносто пять процентов военнослужащих срочной службы желают служить по уставу, ратуют за поддержание нормальных взаимоотношений. Почему же, оценивая поступок Желтибаева, эти девяносто пять процентов заняли позицию тех пяти, которых устраивает положение дел? Сила привычки, ложного представления о чести и долге оказалась выше элементарного здравомыслия. Не хочу огульно называть весь коллектив трусливым, но разве не трусость в душе поддерживать одно, а на деле другое?

РАЗБУДИТЕ ЗАСНУВШИХ!

Несколько слов о позиции бюро ВЛКСМ. Может ли его секретарь быть подлинным лидером в коллективе, если он идет на поводу у казарменных хулиганов. Знака вопроса здесь, думаю, ставить не надо. У меня состоялся небольшой разговор с недавно избранным секретарем. Я не стал его упрекать за непринципиальность: нелегко быть принципиальным, когда он без году неделя секретарь, да и служба в самом начале. Просто слушал. Молодой солдат много говорил о безобразном отношении к своим обязанностям работников военторговского магазина, которые выходят на работу от случая к случаю, о слишком скромном ассортименте товаров на прилавках, о дефиците свободного времени у солдата... А я все ждал, когда же он скажет хоть слово о Рахате. Дождался.

— А Желтибаев опять к нам в роту просится. Видно, не сладок хлеб и в чужом подразделении.

Меня поразило этокое злорадство в голосе, мол, добился своего, правдолюбец? И разговаривать больше не захотелось. Потом уже думал: откуда оно, злорадство-то. Наверное, оттого, что Желтибаев смог сказать во весь голос правду, а он, секретарь, нет. А ведь именно ему, ратующему с трибуны за перестройку отношений в коллективе, следовало бы поступить так, как Рахат Желтибаев.

Стоит ли удивляться, что комсомольские организации теряют и авторитет, и уважение молодежи, а «инертная» масса так и остается инертной. В этой связи показательно завершение собрания, о котором рассказывалось выше. Был зачитан проект постановления, намечен план борьбы с неуставными взаимоотношениями, но прежде чем объявить голосование, из президиума обратились к залу:

— Разбудите тех, кто заснул, — руки поднимать пора.

Руки подняли все как один.

Так всегда ли прав коллектив?

Прапорщик В. СИДОРИН.

ЭФФЕКТ «НЕГРОМКИХ» ДЕЛ

«Почему в караулах комсомольцам хватает и старательности, и слаженности, а в общественной жизни нет ни того, ни другого?» — этот вопрос не раз задавал и себе, и сослуживцам группкомсорг ридовой С. Хохлачев. Все дело в том, пришел он наконец к выводу, что на службе люди чувствуют значимость своего труда, а здесь — одна говорильня, к тому же еще и на далекую от волнующего тебя тему.

Под руководством Сергея комсомольцы объявили бой заорганизованности и добились уже кое-каких успехов. В подразделении создана компания психологической разгрузки, установлены тренажеры, каких не встретишь ни в одном магазине. Есть у ребят настольные игры, всегда исправны телевизор, проигрыватель. Да и мероприятия проводятся здесь нестандартно, с выдумкой. Ту же народную музыку раньше слушали единицы или группы земляков. А почему бы не послушать всем вместе да подготовив ведущего с поучительным рассказом, дать выступить самодеятельным артистам? Попробовали. Эффект не меньше, чем от приезда московской эстрадной певицы. Но самое главное — в этом подразделении о кризисе в комсомоле не говорит никто.

Прапорщик Ю. ПРИХОДЬКО.

МОЛОДЕЖНЫЙ КЛУБ ПУЛЬС

ПРИШЛО ВРЕМЯ СМЕЛЕНЬКИХ?

Прочитал я в № 12 за 1989 год статью Дмитрия Шавырина «Рок: следствие и последствия» и, честно говоря, приятно удивился самому появлению в нашем журнале такого материала. В основном мое мнение совпадает с мнением уважаемого журналиста, но на некоторые вопросы имею свой собственный взгляд.

Во-первых, я никогда не считал и не буду считать рок музыкальной публицистикой. Рок — это прежде всего музыка. Группы, которые при отличной музыке очень требовательно относятся к текстам, в мире не так уж мало. «Дип Пепл»,

«Дорз», «Блэк Саббат» — этот перечень можно продолжать. А вот у нас в стране рок-музыки-то и нет. Есть «рок-публицистика»: «Наутилус Помпилиус», «Агата Кристи», «Аукцион», «Звуки Му»...

Встречаются, правда, исключения, но и они не обходятся без повтора западных образцов: «Аквариум» — «Джетро Талл», «Дорз». Очень интересны группы «Кино» и «Алиса», музыкальные истоки которых, по моему, исходят от панка конца 70-х — начала 80-х годов.

Из групп стиля «хард-хэви» можно выделить «Арию» (хотя здесь тоже

проглядывается сходство с «Айрон Мэйденом») и «Черный кофе» (старый состав). Попадают хорошие вещи у «Августа». И все. Остальные «металлисты» не могут предложить ничего существенного.

На мой взгляд, лишь «Пикник», «Автограф», «ДДТ» да, пожалуй, «Машина времени» никого не повторяют.

Рок-музыку противопоставлять другим стилям, а тем более классике и фольклору, конечно же, нельзя ни в коем случае. Предлагаю в «Пульсе» открыть рубрику (над названием надо подумать), в которой рассказывать о различных направлениях в роке, его корнях.

О ФИЛЬМЕ «КАРАУЛ»

НА ОЧЕРЕДИ — «АФГАНСКИЙ ИЗЛОМ»

«Рядовой внутренних войск Андрей Иверень, не вытерпев унижений и издевательств, расстрелял караул охранников в спецвагоне. Пять жертв. Он — шестая...» — гласит рекламный буклет производственного творческого объединения «Ладога», выпустившего фильм «Караул».

Картина, конечно, сильна. Но лишь своей разрушительной силой. За весь фильм я не услышал ни одного связного диалога — лишь окрики, рычание, издевательства — по законам волчьей стаи.

В рекламе кинофильма сказано: «Развеем миф о внутренних войсках...» Какой миф, позвольте спросить? Миф организованности? Миф ответственности за судьбу перестройки? И дело вовсе не в «дедовщине», столь отборно и с таким омерзительным упоением представленной в картине.

За последнее время значительно понизился интеллектуальный уровень населения нашей страны. По принятым ЮНЕСКО коэффициентам, интеллектуализация советских людей се-

годня по сравнению с уровнем начала пятидесятых годов скатилась с гретьего на сорок пятое место! Это я к тому, что, основываясь на эмоциях и недостаточно высокой культуре обывателя, сравнительно легко создать в массовом сознании ложный стереотип, спекулировать на закрытых ранее темах.

К сожалению, гласность на руку не только честным художникам. Дельцы от политики и искусства (к последним я отношу и режиссера «Караула» А. Рогожкина и иже с ним) не

Все ведущие рок-музыканты воспитывались и созревали как исполнители на фольклоре и классике. Многие из них включают классические произведения и народные песни в свой репертуар. Для таких групп, как «Дип Пепл», «Лед Зеппелин», «Эмерсон Лейк энд Палмер» («E. L. P.»), «Пинк Флойд», «Криденс», неважно, в каком стиле работать. Главное — музыка. А произведения из репертуара групп «Битлз», «Дип Пепл» исполняют симфонические оркестры. Чего стоит только композиция «Дип Пепл» «Апрель» с одноименного диска 1969 года!

У таких исполнителей, как Джими Хендрикс, Майкл Джексон, в композициях явно прослеживаются негритянские мотивы: блюз, фанк. Эта музыка не умрет.

Популярность — это еще не признак таланта. «Ласковый май», Жена Белоусов и другие ансамбли и исполнители, не отличающиеся особой изобретательностью, — тому пример.

Дэвид Гилмор — лидер

преминут воспользоваться «клубничкой», чтобы заработать капитал и в прямом, и в переносном смысле.

Возникает вопрос: изменится ли после этого фильма отношение к внутренним войскам? Изменится, причем ясно, что не в лучшую сторону. Нужен ли этот фильм сейчас, когда внутренние войска — решающая сила по поддержанию общественного порядка во многих регионах страны? Основываясь на этом фильме, антиперестроечные, антидемократические силы имеют возможность «тыкать в нас пальцами», их представители будут говорить примерно следующее: «Вы видели фильм «Караул»? Вот кто к нам приехал — звери!..»

группы «Пинк Флойд» в интервью нашей прессе заметил, что советские музыканты совершенно не используют свое национальное музыкальное богатство. Не стыдно ли нам слушать это из уст столь знаменитого и почитаемого музыканта?! Ведь у нас есть и Чайковский, и Мусоргский (замечательная переработка «Картинок с выставки» была представлена на диске 1971 года группой «E. L. P.»). Чудесные русские, украинские, молдавские, узбекские, грузинские мелодии, напевы народов других республик совершенно забыты нашими рок-музыкантами.

Конечно, проще «рокеру» одеться покрикливее, принять подобающую позу и закричать погромче о недостатках, общественных проблемах, перестройке и т. д. И все?

Разрешили кричать — вот они и кричат. А раньше где были? Прав Андрей Макаревич: «Закончилось время смелых, пришло время смеленьких»...

Младший сержант
С. ПАНАСЮК.

Я ждал от создателей фильма художественного осмысления такого социально опасного явления, как «дедовщина», пронизавшего все сферы общественной жизни, ждал их озабоченности, сопереживания, словом, желал увидеть, ощутить гражданскую позицию художников. А увидел серую конъюнктурщину.

Карем Раш, известный публицист, справедливо заметил: «Солдату нужно чувство правоты, в котором он тысячу лет черпал силы».

На очереди фильм «Афганский излом». Каким он будет?..

Курсант А. РАСЬКО.
Высшее политическое училище имени 60-летия ВЛКСМ
МВД СССР.

НАДЕЮСЬ И ВЕРЮ

*Здравствуй, «Пульс»!
Пишет тебе Таня
из Житомира. Мне 13 лет.
Но это неважно.
Письмо мое не простое,
а с предложением:
чаще печатать в журнале
фотографии артистов
и интервью с ними.
Я, конечно, понимаю, что
журнал должен
поднимать политические
вопросы. Но все-таки
после трудного дня,
если прочитать такую
страницу — сразу
улучшается настроение.
Мой папа выписывает
ваш журнал и со мной
согласен.*

*Мне очень понравилась
«Московская красавица»
в № 1 за этот год.
Если вы будете
печатать эту рубрику,
обещаю, что очень
многие станут
выписывать ваш журнал.*

*Напечатайте,
пожалуйста, о юной
звезде нашей эстрады
Косте Пахомове. Знаю
только, что он ушел
из «Ласкового мая» —
и все. А что с ним?..
Надеюсь и верю.*

*Таня Терещук.
Ведущий «Пульса»,
получив письмо от Тани,
сразу же позвонил нашему
доброму знакомому —
журналисту Дмитрию Шавырину,
который всегда в
курсе всех музыкальных
новостей: «Так что же с
Костей Пахомовым?»*

*— Костя действительно
ушел из «Ласкового мая»
и теперь работает один в
агентстве «Интерграда»
при МИД СССР, — рассказы-
вает Дима. — Впереди у
него гастроли в Швеции
и США. Одна из его по-
следних песен — «Светла-
на» входит во многие хит-
парады. Сейчас он записы-
вает свой второй сольный
альбом.*

*В общем, дела у Кости,
как говорится, на большой.*

184
255

Государственный Комитет Оборонны

«Ввиду создавшегося чрезвычайного положения и в целях быстрой мобилизации всех сил народов СССР для проведения отпора врагу, вероломно нападшему на нашу Родину, Президиум Верховного Совета СССР, Центральный Комитет ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров СССР признал необходимым:

1. Создать Государственный Комитет Оборонны...
2. Сосредоточить всю полноту власти в государстве в руках Государственного Комитета Оборонны.
3. Обязать всех граждан и все партийные, советские, комсомольские и военные органы беспрекословно выполнять решения и распоряжения Государственного Комитета Оборонны.

Москва, Кремль.
30 июня 1941 года.»

ПЕРВЫЕ дни войны... Никто, пожалуй, в то время еще не понимал, какой силы удар обрушился на нашу страну. Но уже гремело всюду: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой!..» В эти первые грозные дни Центральный Комитет ВКП(б) принимал все меры, чтобы в государстве каждый человек понял и ощутил, что в тяжелейшее время партия не растерялась перед грозным нашествием врага и взяла на себя всю полноту ответственности за судьбу Родины. Таким решительным шагом и было постановление о создании ГКО. В его состав вошли И. В. Сталин (председатель), В. М. Молотов (заместитель председателя), членами комитета были утверждены К. Е. Ворошилов, Л. П. Берия, Г. М. Маленков. Спустя некоторое время в состав ГКО были введены Н. А. Булганин, Н. А. Вознесенский, Л. М. Каганович, А. И. Микоян. Членам ГКО, которые в то же время являлись членами или кандидатами в члены Политбюро ЦК ВКП(б), было поручено общее руководство основными отраслями народного хозяйства. Вопросами производства вооружения и боеприпасов занимался Председатель Госплана СССР Н. А. Вознесенский (после войны расстрелян как «враг народа»), самолетов и авиационных моторов — Г. М. Маленков (при Н. С. Хрущеве исключен из партии как фракционер), продовольствия, горючего и вещевого имущества — А. И. Микоян (благополучно переживший все режимы и катаклизмы), железнодорожных перевозок — Л. М. Каганович (на его совести немало загубленных жизней, но он живет вполне обеспеченно и сейчас — не понес за свои преступления перед народом никакой ответственности, ни уголовной, ни моральной).

Нас часто спрашивают: «Создание ГКО — это заслуга Сталина?» Нет. Подобное уже было: в ноябре 1918 года, когда над молодой Советской республикой нависла серьезная опасность, а по существу решался вопрос: быть или не быть первому в мире социалистическому государству, — по предложению В. И. Ленина был сделан важный шаг по совершенствованию руководства обороной молодой республики: ВЦИК учредил Совет Рабоче-Крестьянской Обороны, подчинивший все комиссариаты и революционные военные советы (РВС).

Какие же вопросы решал Государственный Комитет Оборонны? Наверное, проще сказать, каких вопросов он не решал. В годы войны ГКО возглавил всю борьбу партии и народа по укреплению Красной Армии, переводу страны на военный лад, по созданию слаженного и быстрорастущего военного хозяйства. ГКО осуществлял высшее — политическое, государственное и военное — руководство всеми ключевыми направлениями военной экономики и гражданских отраслей народного хозяйства. Такая жесткая централизация руководства была совершенно необходима в той чрезвычайной обстановке, она сыграла огромную роль в быстрой перестройке всей жизни страны на военный лад. Всего в годы войны ГКО принял 9971 решение, ко-

торые имели силу законов военного времени.

Самыми трудными, когда положение в стране находилось на грани катастрофы, были, конечно, 1941—1942 годы. В то время решение многих оборонных вопросов свралось из-за плохой работы транспорта. Причины объективные — неимоверно возрос объем железнодорожных перевозок. На железных дорогах то и дело возникали пробки. Вину за это член ГКО Л. Каганович, курировавший транспорт, возложил на управление военных сообщений Красной Армии. Начальник этого управления генерал-лейтенант Н. И. Трубецкий был обвинен в измене Родине и расстрелян.

■ Рассказывает бывший начальник управления военных сообщений, член транспортного комитета при ГКО генерал-лейтенант И. КОВАЛЕВ:

— Эвакуация населения, промышленности и материальных ценностей проходила, конечно, очень тяжело. В нашем мобилизационном плане на случай войны массовые эвакуационные перевозки не предусматривались — воевать ведь собирались на чужой территории.

Самыми, однако, критическими были два последних месяца 1941 года. Мы понесли исключительно большие потери: на оккупированной территории до войны проживало 40 процентов всего населения страны, производилось 63 процента довоенной добычи угля, выплавлялось 68 процентов чугуна, 58—стали, 60—алюминия... Мы потеряли 41 процент железнодорожных путей. Неудовлетворительная работа транспорта сказывалась на общей стратегической обстановке. Зимнее наступление сорок первого — сорок второго годов под Москвой могло увенчаться более крупным успехом, если бы удалось обеспечить своевременную переброску резервов, боеприпасов и военного снаряжения. Словом, на повестку дня вновь остро ставился вопрос о перестройке транспорта.

В ночь на 14 февраля 1942 года меня пригласили на совместное заседание Государственного Комитета Обороны и Политбюро ЦК ВКП(б). Предупредили: надо будет доложить о работе транспорта и сделать предложение по ее улучшению. В Кремль приехал с небольшим опозданием. Заседание ГКО уже началось.

— Почему опоздали! — спросил Сталин.

Ответил, что выполнял указание Председателя ГКО, т. е. его же—Сталина, по отгрузке танков и другой боевой техники на Северо-Западный фронт. Вскоре мне представили слово, и я доложил о недостатках в организации перевозок войск и боевой техники. Высказал мнение о несовершенстве управления транспортной системой страны и предложил создать Транспортный комитет при ГКО— единый орган управления всеми видами транспорта [железнодорожного, водного, авто- и авиатранспорта].

— Кто за! — спросил Сталин.

Воцарилось молчание.

— Похоже, что предложение товарища

Ковалева поддерживает только товарищ Ковалев, — усмехнулся он, раскурив трубку и продолжил: — Мы с вами находимся в положении людей, которые должны понять, что сегодня от работы транспорта зависит не только победа или поражение на фронтах, а самое существование нашего государства. Вот о чем идет речь, а не о создании лишней надстройки. У него, — он показал трубкой на меня, — сказано: всеильный. Как это надо понимать! Это понимать надо так: есть предложение избрать председателем транспортного комитета товарища Сталина. Прошу голосовать...

Но еще много раз приходилось Государственному Комитету Обороны решать вопросы, связанные с «прорывами» на транспорте. Крайне недовольный работой железных дорог, Сталин сместил с поста наркома путей сообщения Л. Кагановича, с весьма жесткой формулировкой (постановление ГКО от 25 марта 1942 года): «Каганович не сумел справиться с работой в условиях военной обстановки». Вспомним, сам Каганович за те же «грехи» подвел под расстрел генерал-лейтенанта Н. И. Трубецкого.

НАСТОЯЩИМ военно-экономическим штабом Государственного Комитета Обороны стал Госплан СССР, который возглавлял тогда блестящий экономист и организатор Н. А. Вознесенский.

Докладная записка Председателя Госплана СССР за проделанную работу в первые шесть месяцев войны, еще до недавнего времени надежно укрытая от историков грифом «Секретно», открывает нам весь трагизм и величие свершенного.

Теперь мы знаем, например, что в октябре—ноябре сорок первого года Председатель ГКО лично распределял на фронт автоматы и другое оружие, что прокат цветных металлов, без которого невозможно военное производство, у нас сократился в 430 раз(!), выпуск подшипников — а без них проходную завода не мог покинуть ни один самолет или автомашина, танк или артиллерийское орудие — сократился в 21 раз... Но мало что известно о том, какое критическое положение сложилось с боеприпасами, и в частности, с производством порохов.

Снарядов и патронов на первые месяцы у нас имелось достаточно. Однако значительная часть этих запасов, сконцентрированная в западных районах — приграничной зоне, была в первые же недели захвачена врагом. 303 предприятия по производству боеприпасов потеряли мы к ноябрю 1941 года. На этих предприятиях производилось в месяц более 13 миллионов корпусов снарядов, мин, авиабомб, около 8 миллионов взрывателей. Прекратили работу пять из восьми пороховых заводов. (Известно, какую нахлобучку получил Г. К. Жуков от Сталина за перерасход снарядов в Смоленском сражении).

■ Из воспоминаний бывшего уполномоченного ГКО на одном из пороховых заводов М. РАГИНСКОГО:

Положение в пороховой промышленности сложилось чрезвычайно тяжелое. В глу-

хой тайге нам предстояло в кратчайшие сроки [за шесть месяцев] построить пороховой гигант. Возводила завод 20-тысячная трудармия под руководством полковника Ионы Саввича Кузьмича. Вечная память строителям, которые совершили невозможное: за четыре месяца — на два раньше установленного Государственным Комитетом Обороны срока — в жестокие морозы, раздетые и голодные соорудили первую, а еще через полгода — вторую и третью очереди...

Известно: построить предприятие — одно дело, а пустить его — другое. Пуск этого порохового гиганта — единственного, где было налажено производство минометных, артиллерийских зарядов и зарядов для реактивной артиллерии, к тому же одного из главных на протяжении всей войны поставщиков зарядов для крупнокалиберной морской артиллерии — дважды был под угрозой срыва.

Первый раз, когда нужно было срочно разработать и внедрить новую технологию мощных баллистических порохов. Чтобы избежать всяких «бюрократических проволочек», ГКО принял решение о создании при заводе Особого конструкторского бюро: в него вошли крупнейшие специалисты в области пороховой промышленности под руководством доктора технических наук А. Бакаева. И вдруг — тяжелейшее сообщение: американский транспорт, который вез центролит (необходимый компонент для производства этих порохов), потоплен фашистской подводной лодкой. Положение создалось сверхсерьезное. И все же ученым ОКБ за какой-то месяц удалось создать заменитель центролита. В Америке, например, центролит был заменен подобным компонентом только в 50-е годы.

Другая не менее важная проблема в пороховой промышленности была успешно решена в 1943 году, когда Красная Армия готовилась к битве на Курской дуге. В связи с этим заводу дали задание увеличить производство пороха в три раза. Из Государственного Комитета Обороны поступил телеграмма: «Невыполнение правительственного задания приведет к срыву большой операции на фронте...»

Сотрудникам ОКБ удалось быстро разработать новую — шнековую технологию, внедрение ее позволило в три раза увеличить производительность труда.

М. Рагинский не написал, да и не мог в то время написать, что ученые за эту разработку были... расконвоированы и награждены орденами Отечественной войны. Да, к началу войны на свободе не осталось почти ни одного ученого-пороховика. Многие к этому времени были расстреляны как «враги народа» или погибли в лагерях на Колыме, в Норильске, на Урале... Когда Берия по приказу Сталина велел собрать их на пороховом гиганте, удалось разыскать только сорок человек. Так, под охраной, до второй половины 43-го года и вершили они свой подвиг.

...ГКО на протяжении всей войны уделял Наркомату боеприпасов особое внимание. Это справедливо. Промышленность бое-

припасов производила десятки тысяч наименований продукции—многоотонные бомбы и торпеды, различные взрыватели, снаряды и мины, патроны, пороха, взрывчатые вещества... Объем продукции был огромен: 50 процентов металла в военные годы шло на производство боеприпасов.

Об этом могли бы рассказать те, кто принимал непосредственное участие в решении грандиозных задач,—уполномоченные Государственного Комитета Обороны. Этот многочисленный отряд советских, партийных и хозяйственных работников с мандатом ГКО, которым были предоставлены широкие полномочия, в необычайно трудных условиях добивался, казалось бы, невозможного.

— Хорошо помню день, — вспоминал уполномоченный ГКО на одном из уральских заводов, ставший впоследствии членом-корреспондентом Академии наук СССР, В. ЕМЕЛЬЯНОВ, — когда мне секретарь обкома вручил мандат уполномоченного ГКО, подписанный И. Сталиным. Получая его, я еще не понимал, какую он имеет силу. Текст мандата напомнил мне первые годы революции. На меня возлагалась задача немедленно обеспечить перевыполнение программы по производству танковых корпусов. Почему я отвечаю за перевыполнение плана! А кто же отвечает за его выполнение! — спросил у секретаря обкома.

— Видимо, директор завода, — ответил он. — А уполномоченный ГКО, как мне думается, должен обеспечить перевыполнение тех заданий, что установлены планом. Так по крайней мере должно быть.

НЕВОЗМОЖНО, к сожалению, в журнальной корреспонденции рассказать подробно о деятельности Государственного Комитета Обороны хотя бы в основных отраслях военного хозяйства. Постановление № 1 ГКО от 1 июля 1941 года — это постановление о развитии производства танков. Напомним, наша промышленность выпускала значительно больше танков, чем германская, причем это были лучшие в мире боевые машины. В своих мемуарах генерал Х. Гудериан — создатель гитлеровских бронетанковых сил — писал: «В ноябре 1941 года видные конструкторы, промышленники и офицеры приезжали в мою танковую армию для ознакомления с русскими танками Т-34, превосходящими наши боевые машины... Предложение офицеров-фронтовиков выпускать точно такие же танки, как Т-34, не встретило у конструкторов никакой поддержки. Конструкторов смущало, между прочим, не отвращение к подражанию, а невозможность выпуска с требуемой быстротой важнейших деталей Т-34...»

Как же быстро мы обо всем забыли! Помнит ли кто-нибудь сейчас о том, например, что весной 1945 года газета «Правда» опубликовала рапорт коллектива Н-ского артиллерийского завода Председателю Государственного Комитета Обороны о выпуске 100-тысячной пушки? Удивительно то, что один наш завод дал столько же орудий, сколько смогла дать фашистская

Германия вместе со всеми оккупированными ею странами Европы (102 тысячи). Что на эвакуированном в Сибирь московском авиазаводе выпуск продукции начался через... три недели (!) после прибытия первых эшелонов с оборудованием!

Так работал весь наш народ. Работал и воевал.

Наша страна, перестроив в короткие сроки экономику на военный лад, смогла не только удовлетворить собственные нужды, но и оказать большую помощь в технике и вооружении народам, вступившим в борьбу с фашизмом. Хорошо об этом сказал член ГКО Н. А. Вознесенский: «Гитлеровская Германия в своей грабительской войне эксплуатировала производительные силы всей континентальной Европы... И если капиталистическая Германия оказалась разгромленной, то это свидетельствует о новой величайшей силе, которая в единоборстве с Германией оказалась победителем. Этой силой является Союз Советских Социалистических Республик, социалистическое государство рабочих и крестьян».

В 1943 году ГКО принял решение о создании аппарата Уполномоченного Ставки ВГК по иностранным военным формированиям на территории СССР. Были приняты специальные постановления ГКО о формировании 1-й Чехословацкой бригады, которая затем выросла в корпус, 1-й польской дивизии имени Тадеуша Костюшко, 1-й румынской добровольческой дивизии, отдельной югославской воинской части. В архивах сохранились постановления ГКО об оказании помощи Народной-освободительной армии Югославии, Болгарской армии, Штабу партизанского движения Польши...

Но не только в этом заключалась интернациональная помощь нашей страны европейским государствам. 18 декабря 1944 года Государственный Комитет Оборона принял постановление «Об охране тыла и коммуникаций Действующей Красной Армии на территории Восточной Пруссии, Польши, Чехословакии, Венгрии и Румынии». В соответствии с ним организация охраны тыла возлагалась на НКВД СССР. Для ее осуществления Наркомат обороны предписывал «сформировать шесть дивизий с численным составом по 5000 человек...»

Постановление сыграло важную роль в обеспечении боевой деятельности советских войск, установлении порядка и спокойствия на территориях иностранных государств. Особенно неустойчивой была обстановка в Венгрии. Ее правители на протяжении многих лет искажали историю Венгрии. Значительная часть населения верила шовинистической пропаганде хортистов и шла у них на поводу. Хорти и его клика вели войну с СССР до «победного конца».

■ Рассказывает бывший командир 61-й дивизии войск НКВД полковник в отставке И. БАБАНЦЕВ:

— Во второй половине декабря 1944 года меня, командира 284-го полка войск НКВД, вызвали из Барановичей в Москву. Начальник внутренних войск НКВД А. Н. Аполлонов сообщил мне, что в соот-

ветствии с решением Государственного Комитета Оборона я назначен командиром дивизии войск НКВД, которой предписано охранять тылы и коммуникации на территории Венгрии. Обстановка была очень сложной. Реакционные силы чинили настоящий кровавый террор. В городе Сегед, например, боевики контрреволюционной организации терроризировали местное население, разоружали полицейских, стреляли в советских солдат и офицеров. Руководитель этой организации Антол Бокор с нашей помощью был нейтрализован.

О мозаике политической обстановки я докладывал непосредственно К. Е. Ворошилову. Он в это время находился в Будапеште и возглавлял Союзную контрольную комиссию на территории Венгрии. Эта комиссия осуществляла контроль за выполнением условий перемирия, в соответствии с которым венгерское правительство, в частности, должно было арестовать и предать суду военных преступников, а также распустить на территории страны все гитлеровские или другие фашистские организации политического и военного характера.

Нечего и говорить, что условия эти не выполнялись, и нам приходилось быть не только командирами, но и политиками, чтобы уметь отличить открытых врагов от сил недружеских, но занявших выжидательную позицию. Скажу без ложной скромности, нам довольно быстро удалось во всех комитетах [областях] Венгрии с помощью местных органов власти навести должный порядок. Задача, поставленная Государственным Комитетом Оборона, была выполнена, дивизия расформирована.

С ОВЕРШЕННО особое место в деятельности ГКО занимают руководство Вооруженными Силами, организация борьбы на советско-германском фронте. Им приняты сотни постановлений и решений по военным вопросам, направленные на обеспечение отражения вражеской агрессии. Государственный Комитет Оборона ставил безотлагательные и перспективные задачи перед Красной Армией, в ходе боевых действий совершенствовал их организационную структуру, представлял руководящие кадры, определял общий характер использования фронтовых объединений, готовил стратегические резервы. Наркоматы обороны и Военно-Морского Флота являлись рабочими органами ГКО по военным вопросам, непосредственными организаторами и исполнителями его решений. Стратегическое руководство вооруженной борьбой ГКО осуществлял через Ставку Верховного Главнокомандования.

Немного, к сожалению, до настоящего времени обнародовано документов о Государственном Комитете Оборона—даже его решения и постановления, неизвестно по какой причине, тщательно укрываются в архивных тайниках. Тем более ценны воспоминания тех, кто так или иначе был связан с его деятельностью.

186
257

■ Начальник Генерального штаба А. ВА-СИЛЕВСКИЙ в своих воспоминаниях пишет: «...На протяжении всей войны стратегические решения, направляемые в войска в виде директив Ставки, рассматривались Политбюро ЦК ВКП(б) и Государственным Комитетом Оборона, всецело осуществлявшими руководство вооруженной борьбой и деятельностью тыла страны, с привлечением в каждом отдельном случае необходимых ответственных военных и гражданских работников.

Как правило, предварительная наметка стратегического решения и плана его осуществления выработывалась у Председателя ГКО в узком кругу лиц. Обычно это были некоторые из членов Политбюро ЦК и ГКО. Нередко эта работа требовала нескольких суток. В ходе ее Председатель ГКО получал необходимые справки и советы по разрабатываемым вопросам у командующих и членов военных советов соответствующих фронтов, у ответственных работников Наркомата обороны. Огромная работа в этот период проводилась ответственными работниками Генерального штаба и Наркомата обороны.

В результате всестороннего обсуждения принималось решение и утверждался план его проведения, выработывались соответствующие директивы фронтам и назначался день встречи в Ставке с командующими, привлекаемыми к реализации намеченных операций. Затем проводилась подготовка к их осуществлению. Ставка на эти направления посылала своих представителей, а нередко и членов ГКО, которые несли за ход операции полную ответственность по законам военного времени...»

Такой примерно порядок поддерживался и при решении народнохозяйственных задач. ГКО в данном случае опирался на аппарат Совнаркома и Госплана СССР, уполномоченных ГКО на местах: ими, как правило, являлись первые секретари ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов, местных городских комитетов обороны.

...Часто спрашивают: «Как осуществлялся контроль над выполнением решений и постановлений ГКО?» Вопрос, как говорится, из вопросов. Но эта сторона деятельности чрезвычайного органа, наделенного неограниченными полномочиями по законам военного времени, еще более покрыта неизвестностью.

Известно, однако, что 8 декабря 1942 года было принято специальное постановление ГКО «Об образовании Оперативного Бюро Государственного Комитета Оборона», которое в обиходе называли Особое Бюро Контроля и которое возглавлял небезызвестный Лаврентий Берия. Вот с помощью этого бюро ГКО и осуществлял жесткий контроль над выполнением военных заказов.

■ Нам удалось разыскать бывшего начальника авиационного отдела Госплана СССР, уполномоченного ГКО профессора С. СЕМИНА.

Вот что он рассказал:

— В сорок первом году меня направили уполномоченным ГКО в Казань. Мне доложили, что с одного из заводов, где производились взрывчатые вещества, стали убежать работницы, причем молодые—лет по 15—18. Стал разбираться, и выяснилось, что почему-то на этом заводе у девиц желтеют лица, становятся, как у старух. Война войной, но замуж-то девицам хотелось. А положение с рабочей силой было уже нетерпимым. Пришлось складывать Берии. В том плане, что сюда надо перевести, мол, ребят: на них взрывчатка не влияла почему-то. И получил в ответ столько матюков, сколько не получал за всю жизнь. С уполномоченных меня сняли, а на том заводе, как мне потом рассказали, несколько «дезертирок» прелюдно расстреляли.

Нам неизвестно, как много было подобных случаев—фактами не располагаем. Но, зная о зверствах Л. Берии, можно только догадываться о количестве его жертв.

Однако нельзя ставить под сомнение саму идею. Отладить систему контроля выполнения решений ГКО было необходимо. Нельзя забывать, что к декабрю сорок первого запасы сырья и материалов, созданные в мирное время, были исчерпаны. Остро встал вопрос о производстве металла, добыче топлива, увеличении выработки электроэнергии... Потребности фронта, кстати, все возрастающие, надо было обеспечивать продукцией текущего производства и в то же время создавать устойчивые запасы для дальнейшего развития военной промышленности. Оперативное бюро ГКО контролировало работу всех наркоматов оборонных отраслей промышленности, Наркомата путей сообщения и других.

Такой контроль, осуществляемый строго по законам военного времени за финансовой дисциплиной и выполнением военных заказов, и позволил создать необходимые условия для реализации всех постановлений ГКО.

1418 ДНЕЙ продолжалась Великая Отечественная война. Мы знаем, какой ценой досталась нам победа в самой тяжелой и самой жестокой из войн, которые когда-либо переживала наша страна. Мы одержали над сильным врагом победу полную—военную, политическую, идеологическую. Знаем мы и истоки этой победы, важнейший из которых заключается в том, что наш народ верил партии, взявшей на себя руководство в этой борьбе, а партия верила народу и поэтому смогла поднять его на невиданную высоту стойкости и самопожертвования.

Тревожит то, что сегодня говорить об этом уже невозможно без того, чтобы тебя не обозвали сталинистом, антиперестройщиком, а то и вовсе—подлым черносотенцем и шовинистом. Но нельзя не помнить о том, что если мы забудем свое героическое прошлое, то потеряем и свое будущее.

Полковник запаса Н. КОМАРОВ,
кандидат исторических наук.

ВСПОМНИМ ВСЕХ ПОИМЕННО

ПЕРЕД нами страшный документ Великой Отечественной войны — «Извещение», а по-простонародному — похоронка. Он направлялся Починковскому РВК Смоленской области для вручения Гавриченковой Евдокии Ивановне. В нем сказано: «Ваш сын, старший сержант Гавриченков Василий Степанович, уроженец Смоленской области Починковского района д. Евсеенко, в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, был убит 6 июня 1943 г., похоронен 400 метр. восточ. хут. Подгорный Крымского района Краснодарского края».

Вот другой документ: «Командир 19 мотострелкового полка внутренних войск 18 сентября 1942 г. сообщал, что красноармеец Ванюшенко Василий Павлович, уроженец Ворошиловградской обл. Свердловского района колхоз № 2, пропал без вести 7 августа 1942 г. при отходе со ст. Петропавловская». Таких воинов внутренних войск, чей подвиг, чья судьба, чья смерть не нашли отражения в документах, насчитывается несколько десятков тысяч. Это особенно касается тех, кто вступил в бой в первые часы и дни войны.

Ольге Берггольц принадлежат замечательные слова: «Никто не забыт, ничто не забыто». Они стали народными. Руководствуясь их глубоким смыслом, многие советы ветеранов, музеи, воинские коллективы проводят большую работу по увековечению памяти погибших на поле боя, всех, кто с честью сражался за родную землю.

По многочисленным предложениям государственных учреждений, общественных организаций и отдельных граждан ЦК КПСС 17 января 1989 года принято решение о подготовке и издании в период с 1989 по 1995 годы всесоюзной Книги памяти.

Она будет состоять из Книг памяти областей, краев, республик (без областного деления).

Учитывая исключительную важность и новизну предстоящей работы, редакционная коллегия Книги памяти под председательством генерала армии И. Н. Шкадова разработала и направила на места рекомендации и предложения практического, методического характера.

Центральным вопросом при подготовке Книги памяти будет являться отбор, розыск, уточнение конкретных фамилий погибших воинов, партизан и подпольщиков в годы Великой Отечественной войны с

22 июня 1941 г. по 3 сентября 1945 г. Это относится и к лицам вольнонаемного состава действующей армии, находящимся к моменту окончания войны на излечении в госпиталях и умершим от полученных в боях тяжелых ранений, а также бойцам и командирам истребительных батальонов. Достойны занесения в Книгу памяти военнослужащие войск и сотрудники органов НКВД, погибшие в борьбе с антисоветскими формированиями в западных областях Украины, Белоруссии и Прибалтийских республиках в 1944—1951 гг., и павшие воины частей по охране железнодорожных сооружений, конвойных войск, действовавших в прифронтовой полосе.

Редакционная коллегия рекомендует включать в Книгу памяти погибших по месту призыва военкоматом в армию, а если установить место призыва невозможно — вносить в Книгу памяти по месту захоронения. Такой подход будет исключать записи одних и тех же лиц в нескольких книгах. А посему главная тяжесть всей работы и ответственность ляжет на военные комиссариаты.

На местах общественные редакционные коллегии, военкоматы, советы ветеранов, партийные и комсомольские организации воинских частей без активной помощи архивных учреждений не смогут обеспечить полноту данных о погибших.

Учитывая это, Центральный архив внутренних войск МВД СССР установил тесные контакты с Центральным государственным архивом Советской Армии и приступил к обработке документов по персональному учету безвозвратных потерь. Списки погибших планируется выслать в военкоматы, прорабатывается идея создания Книги памяти внутренних войск. В ходе этой большой работы возникают определенные трудности. Например, документы ряда приграничных частей и соединений, вступивших в бой в июне 1941 г., не сохранились, а некоторых частей сгорели во время пожара в здании Главного управления внутренних войск в 1946 г. Поэтому нам без помощи ветеранов и родственников погибших не обойтись.

Мы обращаемся к командованию, политотделам, партийным и комсомольским организациям воинских частей, военных училищ, советам ветеранов частей войск НКВД—МВД с просьбой активно включиться в работу партийных и советских органов областей, республик по уточнению списков захороненных в братских могилах, выявлению неизвестных могил, приведению в порядок воинских кладбищ, памятников и обелисков, сбору максимума данных о погибших воинах.

Полковник Г. БЕЛОБОРОДОВ,
начальник Центрального архива
внутренних войск МВД СССР.

БОЛЬ ВОЗВРАЩЕНИЯ

— У меня там знакомый остался.

— Кто такой?

— Старик. Часовых дел мастер, — ответил Сергей и коротко рассказал о своем знакомстве, затем протянул подаренные часы, не вызвавшие у капитана особого интереса.

— Не знаю, уцелел ли он, — заключил Торопец.

— Да, брат, дела, — вздохнул капитан.

— Так и не спросил, как его зовут, — произнес Торопец с поздним раскаянием.

Поглядывая на часы Сергея, капитан вдруг стал усиленно тереть глаза.

— Со зрением у вас все в порядке, — заметил с улыбкой Торопец. — Это циферблат меняет окраску в зависимости от настроения того, кто на него смотрит.

— Ишь ты! Значит, индикатор настроения?

— Вроде того.

— Твой старик и впрямь умелец. И какое они настроение показывают у меня?

— Циферблат темно-фиолетовый. Значит, настроение самое плохое, — сказал Торопец.

— Верно. В самую точку!

— И у меня оно теперь не лучше.

— А часы спрячь, — протянул их капитан Торопцу. — Вещица удивительная. Читаю я кое-что по биологии, интересуюсь, но не думал, что такой механизм возможен.

Помолчали.

— Знаешь, учлет, а я тебя сразу приметил, еще при посадке, — нарушил молчание капитан.

— В каком смысле?

— Ну, вижу, парень ты сильный и ловкий, как все вы в Звездной академии. А у меня тут, понимаешь... — капитан замаялся.

— Говорите.

— Дельце одно есть. Голова, правда, не тем забита, с этими радиogramмами... Видишь ли, на носу моего корабля — допотопная антенна. На ладан дышит, вот-вот выйдет из строя.

— До Луны дотянет?

— Дотянет!

— Там и смените.

— Не получится. Слишком сложно. Изнутри к ней не подобрешься. Нужно в док невесомости становиться, на орбитальной станции. А это уйму времени уйдет. Да и потом, могут забрать мою старушку, когда станут ее хвори определять ремонтники... Уточнят ее возраст и вообще не выпустят на трассу. Спишут в утиль. А я люблю ее. Да и уверен, она еще послужит, готов с кем угодно обзавестись.

— Что ж я-то могу?

— Может, подскажешь, как сменить антенну.

— На ловца и зверь бежит, — расхохотался Торопец.

— Кто ловец и кто зверь?

— Альпинист я, — сказал Сергей, — по горам да скалам лазаю. Так что, когда прибудем в космопорт, что-нибудь придумаем.

...Высота корабля составляла сорок пять метров—не ахти как много для альпиниста. Сложность состояла в другом: старый корабль был обтекаемой формы—так строили когда-то корабли, рассчитанные на среднюю дальность полета с заходом в плотные слои атмосферы.

Ухватиться, удержаться при подъеме было не за что, приходилось рассчитывать только на альпинистское снаряжение. Правда, на высоту стабилизатора, до входного люка, можно было подняться на лифтовом подъемнике, но дальше предстояло двигаться к вершине корабля самостоятельно.

Руки и ноги Сергея были в магнитных присосках. Он примеривался, пытался оценить взглядом предстоящую работу.

Гравитация здесь была в шесть раз меньше земной. С одной стороны, это вроде бы облегчало задачу, но с другой—создавало дополнительные трудности. Дело в том, что Торопец больше всего совершал восхождений в земных горах, и годами наработанные рефлексы, доведенная до автоматизма координация движений—все это оказывалось здесь, в новых условиях, не только бессмысленным, но и мешало. Приходилось на ходу приспосабливаться к иным обстоятельствам, а это всегда чревато опасностью. Ему самому захотелось проверить себя в новых условиях.

Для альпиниста важно — спортсмены это знают — уловить некий свой, внутренний ритм подъема, и очень плохо, если собьешься с него.

Он двигался вперед и вверх медленно, шаг за шагом. Буквально по сантиметрам преодолевал Торопец высоту. Едкий пот заливал глаза, мешал видеть. Наконец стало чуточку легче, и Сергей понял, что миновал экватор сферы. На выпуклой части шара можно немного отдохнуть, расслабиться. Хотя на Луне и была недавно создана искусственная атмосфера, смягчающая воздействие солнца, лучи его палили немилосердно. Падая отвесно, они сейчас жгли человека, распластавшегося на металлической поверхности.

Самое опасное в таких случаях—затягивать мнимый отдых: только окончательно выбьешься из сил. Собравшись с духом, Сергей двинулся дальше.

Через какое-то время впереди замаячила цель—куст антенны. И впрямь он был допотопной формы—уже много лет таких не выпускали.

Резко, почти без перехода, сгустились сумерки—преддверие лунной ночи. Темнота могла серьезно осложнить работу, и Сергей заторопился. Начало быстро холодать, и мороз пробрал его до костей.

Внизу врубил несколько мощных прожекторов, и лучи их сопровождали медлительное продвижение курсанта. Каждое движение после того, как он чуть не сорвался, чудом удержавшись, отдавало мучительной болью.

Финиш! Укрепившись на присосках, он достал из-за пояса нож с нейтроновым лезвием и, несколькими мощными ударами срубив антенну, легонько подтолкнул ее вниз, куда она и рухнула.

Зойка:
никак не привыкну
к мысли, что огонь
может не обжигать...

Снизу что-то кричали, махали приветственно руками. Сосредоточенный Сергей достал из кармана складную антенну, выпрямил ее и закрепил на месте прежней.

Голова слегка кружилась. Сергей разрешил себе чуть-чуть перевести дух, расслабил руки, встряхнул ими... И вот тут-то случилось непредвиденное: браслет часов, подаренных ему мастером из Тристауна, расстегнулся, а сами часы полетели вниз. «Жалко»,—только и подумал Сергей.

...На площадку пассажирского лифта он буквально свалился, словно мешок, силы были на пределе... Первым, опередив людей, к нему подошел белковый манипулятор.

— Вас зовут Сергей Торопец?

— Да.

— Я наблюдал за вашим восхождением. Вы преодолели высоту по высшему альпинистскому разряду.

— Спасибо,—машинально ответил Сергей и на несколько мгновений прикрыл глаза. Больше всего на свете ему хотелось бы сейчас очутиться в гостиничном номере, стать под горячий душ, затем нырнуть в постель и спать, спать... Он открыл глаза—белковый не уходил: платформа продолжала маячить перед ним, призрачная в свете фонарей.—Слушай, ты часы не видел? Я уронил.

— Они превратились в мусор. С такой высоты... Но вы не переживайте: полюбите другие, не хуже.

* * *

Старый часовщик был единственным, кто сохранял спокойствие в волнах ужаса, захлестывших Тристаун. Мысленно злорадствовал исправно, как он и предполагал.

Проба прошла удовлетворительно.

Остается дожидаться, когда простодушный молодой человек, взявший его подарок, достигнет Луны, и тогда можно будет послать сигнал, вызывающий десант.

Судя по индикатору, который улавливал импульсы, излучаемые часами, курсант не обманул его и сейчас летел в сторону естественного спутника Земли. Ему оставалось провести в полете—сн прикинул на компьютере—около полутора суток.

«Спаси этот странный род, населяющий богатую планету, теперь может только чудо»,—подумал пожилой мастер.

4.

НАЧАЛО третьего года полета «Анастасии» ознаменовалось встречей с метеоритными лавинами. Локаторы определили впе-

реди по курсу пылевидные скопления инородных тел. Скорость, приобретенная к этому времени кораблем, была слишком велика: если искривить траекторию, возникли бы слишком большие гравитационные силы, которые могли смять капитана в лепешку.

Выдав информацию, электронный мозг «Анастасии» замер, ожидая решения Торопца. Капитан размышлял недолго, да и времени на это не было.

На обзорном экране четко было видно, как на лобной части корабля начали возникать фонтанчики взрывов. Сначала единичные, они вспыхивали все гуще, оставляя после себя крошечные кратеры с рваными краями. Зрелище было не из приятных: крохотные частицы постепенно «съедали» обшивку корабля. «Так мошка в тайге, облепив крупное животное, может заживо съесть его»,—подумалось Торопцу.

Силовые защитные поля отбрасывали встречные частицы, однако мощность встречного потока оказалась слишком велика. За высокую скорость приходилось расплачиваться, причем дорогой ценой. Хорошо, что «Анастасия» обладала достаточным запасом прочности.

Каверзы трехмерного пространства, опасности дальних космических путешествий... При прыжке через четырехмерное нуль-пространство таких накладок быть не может. Там, возможно, таятся свои опасности, но сейчас думать о них рано.

258
259

Новый принцип перемещения... Так на поверхности моря может бушевать буря, способная разломать в цепки корабль, но достаточно опуститься в глубину—и там царит покой, путешествуй со всеми удобствами. Но для этого нужен корабль другого типа—подводная лодка.

Капитан с тревогой следил за обзорным экраном, то за индикатором, показывающим, как тает толщина лобовой обшивки корабля.

Тягуче тянулось время. Торопец уже подумал о том, чтобы отдать команду белковым во главе с Орландо приступить к эвакуации лобового отсека, но в этот момент метеоритный ливень прекратился—так же внезапно, как начался. Корабль шел сквозь опасную зону двое суток, и все это время Торопец не сомкнул глаз.

Носовая часть «Анастасии» представляла собой жалкое зрелище. Пожалуй, еще час-другой—и обшивка не выдержала бы насырной бомбардировки. Ремонт на ходу—дело муторное, требующее кропотливого труда. Но, честно говоря, Сергей был даже рад происшествию с метеоритами, которое взбудоражило его монотонное существование. Просчитав на калькуляторе ситуацию снаружи, он стал готовить белковых к вылазке.

— Готовьтесь к выходу, — сказал он головному белковому.

— Вылазка невозможна, капитан, — ответил Орландо, блеснув блюдеподобным окном, и покачал телескопической башней, возвышающейся над платформой, — жест, с недавних пор заимствованный у человека.

— Почему?

— Слишком велико ускорение.

— Вы адаптировались к нему.

— Внутри корабля, — уточнил белковый. — Но сами щупальца недостаточно цепки, сила тяжести сорвет в бездну. Это математическая истина.

— Нам необходимо разведать лобовую поверхность, потом выпустить черепашек-ремонтников.

— Пойду я. Я крепче остальных.

Капитан прошелся по рубке.

— Нет, я сам выйду наружу, — решил он.

Белковый возразил:

— Ты слабее меня.

— Зато я альпинист, спортсмен, у меня большой опыт скалолазания.

— Скалы и космический корабль—не совсем одно и то же.

— Представь себе, у меня есть и опыт восхождения на космический корабль!—воскликнул Торопец. — Это было...

— В апреле, на Луне,—подхватил белковый и без запинки назвал точную дату и год.

— Откуда ты знаешь?

— Мы проходили там стажировку. Будем готовить вылазку, капитан! Для начала изготовим магнитные присоски.

— Где возьмем чертежи?

— В информации,—махнул щупальцем манипулятор.—Там они наверняка должны быть.

— Действуй,—сказал Сергей.

Да, гравитация на Луне была ничтож

ной по сравнению с той, что царил на корабле,—это капитан понял с первых же шагов по внешней обшивке. Мощная сила властно и неуклонно тащила его назад, на руках и ногах кто-то навесил гири, и сбросить их было невозможно. Не было и толпы, снизу подбадривающей его криками. Вокруг царил вечная ночь и безмолвие, прошито созвездиями. Вслед за капитаном из люка выдвинулась вертящая головка автофиксатора, который записывал на видео наиболее важные события, происходящие на корабле во время полета. Никто не мог вмешаться в его действия—это была автономная система.

«Что ж, если погибну—хоть память останется, — подумал невесело Торопец. — При условии, что киберштурман сумеет привести «Анастасию» обратно на Землю. Впрочем, и маник бы не хуже справился с этим делом...»

Раздумывать на посторонние темы, однако, было некогда. Перед ним возвышалась нижняя полусфера гигантского носового отсека, рядом с ним он казался себе мошкой, козявкой, муравьем. Но муравей, свалившись с травинки, может повторить свою попытку взобраться на нее. Если сорвется Сергей—он отстанет от корабля и затеряется в бездонных пучинах космоса, если порвется страховочный лить.

Торопец, как когда-то на Луне, совершал траверз не по кратчайшему пути, а по кривой, которая спиралью наматывается на полусферу.

Магнитные присоски сработали на славу. Через каждые несколько шагов, когда в глазах начинало рябить от перенапряжения, капитан разрешал себе короткий отдых. Потом снова пускался в путь, виток за витком завивая на раздутое чрево головного отсека.

Казалось, этому не будет конца. Он взмок под скафандром, как мышь, сердце отчаянно колотилось, временами на какие-то доли секунды меркло сознание, и только натренированные мышцы альпиниста продолжали исполнять привычную работу.

В какой-то момент Торопец покачнулся и завис над пропастью.

Один магнитный присосок отстал от поверхности—то ли под воздействием огромной силы тяжести, то ли от слишком резкого движения капитана. Он увидел все тело корабля, показавшееся отсюда бесконечно длинным, и в конце его — чирокую чашу, из которой истекала ослепительная река аннигиляционного пламени. Слетит он отсюда—и угодит в огненную реку.

Неимоверным усилием воли Сергей прижал присосок к металлу, холод которого ощущался даже сквозь скафандр. Затем попластунски двинулся вперед и убедился, что продвигаться стало легче: значит, экватор сферы перейден.

Снять рельеф лобовой части оказалось несложно, но работа вышла кропотливой, на ходу приходилось соображать, учитывать мгновенно меняющуюся ситуацию. Закончив дело, капитан с чувством, близким к ужасу, стал думать об обрат-

ном пути. «Честное слово, легче покорить десяток Эверестов»,—пробормотал он под нос.

До линии, которую капитан назвал про себя экватором, он кое-как добрался. А дальше... Трезво прикинув собственные возможности, он понял, что переоценил свои силы. Или не подумал об обратном пути. Баста, он выложился полностью и пуст, как выжатый лимон. Обратно ему не вернуться—сердце лопнет от перенапряжения. Глянул вниз. Там, словно в пропасти, темнел черный провал спасательного люка переходной камеры, который он покинул четыре часа назад. Рядом с автофиксатором маячила платформа маника. Последний что-то крикнул—но в космосе любой звук умирает, не родившись. Белковый начал делать щупальцами какие-то знаки. Шестым чувством капитан догадался—радия! Как он мог забыть о ней?! Ударившись шлемом об обшивку—руки были заняты, распротертые вдоль стен,—он включил аппарат, и мембрана ожила.

— Капитан, слышишь меня? Слышишь меня?—настойчиво повторял Орlando, видимо, давно.

— Слышу.

— Как дела?

— Скверно.

— Назад доберешься?

— Едва ли.—Капитан перевел дыхание и произнес:—Я сверну в трубку пластик с микросхемой поврежденной, которую снял, и брошу. Постарайся его поймать. А я...

Маник перебил его:

— Приготовься к прыжку, капитан.

— К прыжку?! Ты соображаешь, что говоришь? При такой тяжести от меня мокрое место останется.

— Мы с белковым приготовили сетку из упругого материала, она амортизирует удар. Сейчас мы растянем ее с четырех сторон подле люка. Твоя задача—не промахнуться.

— Что ж, давай. Это последний шанс,—решил капитан.

Через мигнуту сеть вниз была растянута. Сергей долго, очень долго примерялся, рассчитывая прыжок. Малейшая ошибка могла оказаться роковой.

Наконец он прыгнул, как висел, головой вниз, словно пловец с трамплина. Неправдоподобно быстро перед глазами мелькнула выпуклая поверхность лобового стекла. Уже в полете он понял, что может проскочить рядом с сетью, и отчаянным рывком попытался выправить положение. Последнее, что капитан успел запомнить, это железное щупальце маника, на лету подхватившее его, и острую, рвущую боль в предплечье.

Так или иначе операция закончилась удачно. Пользуясь схемой, которую он снял, черепашки за несколько суток привели в удовлетворительное состояние израненную, истонченную лобовую обшивку корабля.

Вечером в кают-компании у Сергея с Орlando состоялся примечательный разговор.

— Вы, люди, можете определить, что такое жизнь?—спросил манипулятор.

285
260

Вопрос поставил Торопца в тупик. Он знал десятки определений жизни, но какое именно привести? Философское, биологическое, квантовомеханическое? Даже поэзия в течение веков пыталась внести свою лепту в раскрытие этого грандиозного, так до конца еще и не познанного понятия. Что же ответить манику? «Дар напрасный, дар случайный?» Нет, так не годится.

— Не можешь,—прервал маник затянувшуюся паузу.—Мне тоже не удалось найти точное определение жизни. Конечно, мне знакомы все ваши определения, думаю, они знакомы и тебе. Но все они страдают односторонностью, неполнотой.

— Что делать,—пожал плечами капитан.—Наука только приближается к раскрытию этой величайшей загадки природы. И процесс познания бесконечен.

— Знаю, но я не о том,—голос Орлана окреп.—Я понял сегодня одно. Когда ты, капитан, вместо меня пошел на вылазку, мне стало ясно, что жизнь—это самое дорогое, что может быть во вселенной. Это — вершина миллионлетней эволюции. И ты, капитан... Ты сегодня спас мне жизнь.

— Ладно, не будем об этом,—оборвал Сергей, почувствовав, как к его горлу подкатил комок.

— Запомни, капитан. Я твой должник. За жизнь—жизнь. Запомню и я: на память мы, белковые, не жалуемся.

— Главное, что мы живы и продолжаем выполнять задание по Эксперименту,—подытожил Торопец.

Да, корабль выдержал серьезное испытание и продолжает нести Сергея в назначенный район Проксимы Центавра, где земные астрофизики обнаружили силовые поля, необходимые для решающей стадии Эксперимента...

5.

3 ОЯ хорошо помнила опыты, предшествовавшие Эксперименту.

Испытательный полигон в первый раз поразил ее своими размерами. Издали, с гор, он казался поменьше. Это был, по сути, город в городе. Они вошли на его территорию, когда защитное поле разомкнули. При виде циклопических установок, уходящих на сотни метров ввысь генераторов и прочих сооружений неизвестного ей назначения Зойка показала самой себе совсем крещечной.

Она спросила:

— Зачем эти установки?

— Преобразовывать пространство и время,—лаконично ответил Сергей.

И тут ее поразила картина, которую меньше всего можно было ожидать здесь, на переднем крае науки и техники, где сосредоточены новейшие достижения физики, воплощенные в гигантские установки. Им навстречу шел молодой человек в белом комбинезоне, таща на веревке козу. Животное упиралось, трясло бородой. Зойка обратила внимание, что левый рог козы увенчался большим серым пятном.

— Ничего, шустрый экземпляр, — заметил Сергей, ухватив козу за рог.

КАПИТАН:

Честное слово, легче покорить
десяток Эверестов

— Выбирали, — сказал лаборант.

— Не подведет?

— Надеемся, Сергей Николаевич.

Зойка переводила взгляд с одного на другого: разыгрывают они ее, что ли? Что, собственно, здесь происходит? Но вдаваться в расспросы не спешила, боясь проявить свою полную техническую безграмотность, как уже бывало.

Лаборант и Сергей обменялись какими-то непонятными научными терминами, затем муж взял ее под руку, а молодой человек сказал:

— Могу вас поздравить, Зоя Алексеевна.

— С чем?

— Через полчаса, — он глянул на часы, — вы будете наблюдать историческое событие.

— Доемие козы? — Зойка не удержалась, чтобы не подпустить шпильку.

Лаборант в ответ отрицательно покачал головой и загадочно улыбнулся.

Когда они отошли на десяток-другой шагов, она не выдержала и спросила:

— Сережа, скажи наконец, что здесь происходит? О каком историческом событии речь?

— Всякому овощу свой час.

— Не думала, что ты специалист по овощам, — снова съязвила Зойка.

Когда они миновали параболическую антенну, нацеленную на невидимый объект в зените, она решительно остановилась:

— Не сделаю шагу, пока не ответишь: зачем нужна коза?

Сергей улыбнулся:

— Ты как Машка.

— Какая еще Машка?

— Которую только что провели на веревке. Такая же настырная и негерпеливая.

— Давай, давай. Я любое оскорбление снесу, — с деланным смирением произнесла Зойка. — Только объясни, зачем коза на полигоне?

— Через двадцать минут ты будешь наблюдать один из важнейших этапов Эксперимента, — сказал Сергей, становясь серьезным. — Транспонирование живого организма через нуль-пространство.

— Ой! Впервые?

— Да. До этого перебрасывалась из точки в точку только неодушевленная материя.

— Предметы?

— Да.

— Какие?

— Разные, от обломков скалы до фарфоровой чашки, — произнес Сергей.

Зоя Алексеевна и до сих пор, спустя столько лет, помнит, какое чувство охватило ее после слов Сергея — радостное и одновременно тревожное. Словно она стала причастной к чему-то огромному, таинственному, что с этого момента навсегда войдет в ее жизнь. От слова «транспонирование» веяло космическим холодом.

— Мы на полигон? — спросила сна, после того как Сергей изложил ей вкратце суть дела.

— Нет, мы будем наблюдать за опытом из укрытия.

Он привел ее в бункер, где уже находилось несколько человек.

Они сидели на стульях, небрежно расставленных вокруг сферозкрана, который, как показалось Зойке, свободно висел посреди обширного помещения. По сфере пробегали дрожящие полосы. Кто-то стоял у панели экрана, занимаясь настройкой.

Зойка скромно опустила на краешек свободного стула, не зная, куда девать руки. Всех людей, с которыми ее только что познакомил муж, она знала со школьной скамьи по учебникам и фотографиям: это были виднейшие ученые — физики и кибернетики, биологи и химики.

Хотя Сергей был среди собравшихся единственным испытателем, держался он свободно, раскованно. С каждым шутил, улыбался, перебрасываясь парой-другой слов. Видно было, что их связывает долгая совместная работа. Транспонированием Торонец занимался с первого курса академии. Время от времени то один, то другой бросал нетерпеливый взгляд сначала на часы, затем на экран.

— Уж полночь близится, а изображение все нет, — промурлыкал кто-то, и в этот момент экран ожил. В глубине его вспыхнула ослепительная точка, от которой во все стороны побежали лучи, и через минуту сфера стала прозрачной. А еще через мгновение шар словно распался надвое — это впечатление вызвала возникшая внутри его вертикальная перегородка.

— Что это? — тихо спросила Зойка у Сергея, присевшего рядом.

— Две части полигона, — прошептал Сергей, пригнувшись к ее уху. — Передающий и принимающий.

— Они рядом?

— Что ты, между ними два километра.

На левой половине сферы появилось изображение — пустая камера, кубическое помещение с бетонными стенками, вдоль которых располагались установки неизвестного Зойке назначения. Ей стало совестно снова нарушать напряженную тишину, воцарившуюся в бункере, но Сергей, словно угадав ее мысли, негромко произнес:

— Приборы создают приемные силовые поля необходимой конфигурации. Ясно?

— Ага.

— Нужна потрясающая точность, любые помехи необходимо исключить. Иначе... сама понимаешь.

Зойка важно кивнула, хотя последствия погрешностей в синтезирующем поле представляла себе довольно смутно.

В правой половине сферического экрана выплыло помещение несколько больших размеров.

— А теперь будь внимательна, — сказал Сергей, — и запоминай все, что увидишь. Сейчас впервые в мире должно произойти транспонирование живого организма в пространстве.

Сущность того, что увидела на экране, Зойка поняла много позже, когда проштудировала гору литературы, посвященной транспонированию. Занималась этим и теперь, когда Сергей ушел в космос, чтобы прыжком оттуда завершить Эксперимент.

Алонд МАКГРЕГОР: сделан еще один шаг в осуществле- нии Эксперимента

Сидевший рядом с ней руководитель Эксперимента астрофизик Алонд Макгрегор громко спросил:

— Где Лангранж?

— Она просила передать, что не сможет сегодня быть,—ответил кто-то. — Срочная операция.

— Непорядок,—проворчал Макгрегор.— Она входит в совет и обязана присутствовать на всех испытаниях.—Затем он повернулся к Зойке и сказал, улыбаясь:— Насколько я понимаю, вы в первый раз на Пятачке, Зоя Алексеевна?

Зойка кивнула, от волнения забыв ответить. Шутка ли, с гей разговаривал сам знаменитый Макгрегор, в прошлом— легендарный космонавт, а ныне—один из ведущих ученых Земли!

Ударил гонг, возвещающий начало опыта. Операторы втолкнули в левый бункер козу, приподняли ее и поместили в силовое поле. Животное зависло в полуметре от пола, однако на него это, похоже, не производило особого впечатления. Коза с любопытством огляделась, затем попыталась дотянуться до одной из стенок. Убедившись в тщетности своих попыток, начала к чему-то принахиваться, морща ноздри.

Зойка инстинктивно прикрыла глаза, а когда открыла их, левая камера была

261
пуста, коза очутилась в силовом поле правого бункера.

— Поздравляю,—произнес Макгрегор, обращаясь ко всем сразу.—Сделан еще один шаг в осуществлении Эксперимента.

Стихийный взрыв аплодисментов потряс помещение. Хлопали все, но громче всех—Зойка. Люди обнимались, кто-то вытирал платком глаза.

Коза, похоже, ничего не почувствовала. Быть может, даже не осознала, что очутилась на новом месте. Через десяток секунд силовое поле, в котором она очутилась, возникнув подобно Афродите из морской пены, отключилось, и животное плавно опустилось на бетонный пол. Коза обнюхала его, затем принялась бродить по бункеру, очевидно, в поисках съестного.

Зойка пристально вглядывалась в козу, выискивая в ней изменения. Но все совпало, вплоть до пятна на роге.

— Поднимайся, Зойка,—потянул ее за руку муж. — У нас сегодня большой праздник, отметим его.

— Еще один шаг на пути к вершине...—задумчиво повторила она заключительные слова Макгрегора. — Послушай, почему он так сказал?

— Наверное, потому, что он альпинист, как и я,—пожал плечами Сергей.

— Я не о том. Какую вершину он имел в виду?

— Прыжок человека. И, конечно, на более приличное расстояние.

— Какое же?

— Не два жалких километра, а по крайней мере несколько световых лет.

У Зойки захолонуло сердце.

— И этим человеком будешь ты?

— Пока неизвестно, но надеюсь.

6.

ОПЫТОВ по транспонированию различных предметов в земных условиях проводилось немало, и не все они проходили гладко. Случались и накладки, но они были несущественными и волновали больше специалистов, публика же воспринимала эти опыты восторженно, смотрела на них как на чудо.

После первых экспериментов последовала длинная цепочка других, все более сложных. Транспонировались различные предметы, животные, дошла очередь и до человека. Так ученые приблизились к пику Эксперимента.

Предстояло транспонировать человека не на несколько километров, и даже не на несколько тысяч километров, а научиться преодолевать в мгновение космическом прыжке расстояния в несколько световых лет.

Закончив ежедневный обезд отсексов корабля, капитан отправился в командную рубку, где с наслаждением погрузился в противоперегрузочное кресло. Откинул голову, веки смежились. Сон длился несколько минут, но, проснувшись, Сергей почувствовал себя освеженным.

Еще в земных условиях, во время бесконечных тренировок, в том числе и спортивных, он научился по собственной воле погружаться в сон. Вынырнув из небытия, Торопец глянул на часы: сон длился ровно десять минут, как он и приказал себе.

Он достал с полки книжку—это был рассказ о великих шахматистах прошлого, людях и электронных автоматах. К книге был приложен комплект магнитных шахмат, приводились наиболее яркие партии. Захотелось сыграть в шахматы. На Земле на это времени не хватало. Сергей вызвал главного маника. Платформа вошла в рубку и остановилась перед ним.

— Сыграем в шахматы, — предложил капитан.

— Я не умею.

— Знаю. Покажу тебе ходы, научишься в процессе игры.

Играл Торопец неплохо, знал теорию и потому полагал, что в десятке-другом партий устоит против самообучающейся системы. Выслушав капитана, Орlando заметил, что игра несложная.

— Что ж, начинай, — усмехнулся капитан.

Первую партию маник проиграл без всякой борьбы. Он настойчиво вел пешки в ферзи, не останавливаясь перед жертвами. Поражение белковый встретил с недоумением. Вертел в щупальцах магнитную доску так и этак, никак не мог успокоиться. Молча наблюдая за ним, капитан обдумывал неясную еще мысль, мелькнувшую в голове.

— Сыграем еще, — предложил маник, жаждавший реванша.

«Отлично. Настойчивость в достижении цели», — отметил мысленно Торопец.

Вторая партия немного отличалась от первой. В третьей и четвертой у Орlando появилась видимость сопротивления. В пятой Сергею пришлось надолго задуматься, победа досталась в результате подстроенной им хитрой ловушки. Переломной явилась шестая. Внешне неброскими, но рациональными ходами белковый уже после дебюта получил выигрышную позицию. Торопец отыскал призрачный шанс и решил использовать его. Отдал одну ладью, затем другую и с замиранием сердца ждал реакции маника: если тот откажется от второй ладьи, сопротивление капитана станет бессмысленным.

Тут сказала неискренность белкового: тот снял щупальцем фигуру, и ничья стала очевидной.

— Вечный шах! — не без облегчения провозгласил капитан.

Он думал, что, сравнявшись в силе игры, манипулятор будет охотно играть с человеком, однако ошибся. Видимо, психологию белковых он постиг недостаточно. Маник играть отказался.

— Я уже играю лучше и буду все время выигрывать, — пояснил Орlando свой отказ. — Игра утратит смысл.

«Способность правильно оценивать ситуацию, которая быстро меняется. Неплохо», — отметил капитан.

Белковый, заметив у Сергея шахматную книгу, попросил ее.

— Изучу поглубже шахматы, — сказал Орlando. — Оказывается, это не такая простая игра, как кажется поначалу. — Он быстро пролистал книгу и положил ее на место.

— Бери, бери, — сказал капитан. — Изучишь, когда будет свободное время.

— Я уже освоил книгу.

— Всю?

— Всю. Она отпечаталась в моей памяти.

«Стремление к совершенству, способность использовать попутные обстоятельства. Отменно».

— Можешь проверить, капитан, — предложил белковый, неверно истолковав его молчание.

— Непременно, — сказал Сергей, представляя фигуры.

Много партий они сыграли, и ни в одной у капитана не было ни малейших шансов на спасение. Каждый проигрыш укреплял Торопца в разумности принятого им решения. Маник, судя по всему, достиг в полете такого уровня развития, что ему вполне можно доверить обратный курс «Анастасии»: он сделает это лучше киберпилота.

... Вдруг острая боль пронзила его, отдавшись в боку.

Капитан закрыл книгу и протянул руку, чтобы поставить ее на место, как вдруг острая боль пронзила его, отдавшись в боку. Такая же, как тогда в горах, когда они с Зойкой сидели у костра... С тех пор боль не повторялась, и он забыл о ней.

Книга выскользнула из рук и со стуком упала на пол отсека.

Торопец, замерев, прислушивался к собственному телу, ставшему внезапно чужим и враждебным. Боль отпустила, но через несколько минут приступ повторился. Случайность? Едва ли... Он утаил тогда, перед стартом «Анастасия», болевой приступ. Одна мысль о том, что дело его жизни сорвется и Эксперимент завершит дублер, была невыносимой. По сути дела, он поступил неправильно, положил на авось. И вот возмездие. Что же делать теперь, когда корабль затерян среди безбрежных просторов космоса, а полпути к цели, и он—единственный человек на борту?..

Глупо, конечно, погибнуть в нескольких шагах от цели. Но стократ хуже—загубить плоды усилий тысяч и тысяч людей, сорвать Эксперимент, тем самым замедлив прогресс человечества. Если эа сейчас погибнет от этой адской боли, буравящей внутренности, когда еще люди смогут выйти на новый виток познания?

Преодолевая подступившую тошноту, капитан поднялся из кресла, но убедился, что самостоятельно передвигаться не в состоянии: сделал три-четыре шага, он рухнул на пол. Делать нечего, пришлось вызвать Орландо, с которым он только что расстался. Сделал он это с помощью шарика биосвязи, который крепко сжал в руке.

Через несколько минут люк отворился, и в отсек выплыла гибкая платформа, покачиваясь на щупальцах. Глаз-фотоэлемент быстро obeжал помещение, оценивая ситуацию, и остановился на капитане, распростертом на полу. Рядом лежала раскрытая доска, из которой высыпались шахматные фигуры,—он задел ее при падении.

— Явился по вызову, капитан,—привез белковый.—Расставить фигуры?

— Мне худо, Орландо.

— Что я должен делать?

— Доставь меня в медотсек.

Маник склонился к распростертому человеку, одновременно изогнув желобом платформу. Затем двумя свободными щупальцами, словно руками, легко, как перышко, поднял капитана, положил его наверх и двинулся к выходу.

Приутихшая на короткое мгновение боль вспыхнула с новой силой. Помутившимися глазами Сергей глядел на коридорный потолок, будто видел его впервые, на светящиеся боковые панели, которые убежали назад, смыкаясь в перспективе. Он думал о своем непростительном легкомыслии, которое могло теперь обернуться бедой.

В медицинском отсеке было прохладно, воздух припахивал промозглой сыростью. Сюда ему не доводилось заглядывать с самого начала полета.

Он велел манипулятору включить дополнительное отопление, слез с платформы, с трудом доковылял до электронного диагноста и забрался в его кокон. Цепкие змейки датчиков прикикли к телу, считывая информацию и передавая ее калькулятору для обобщения. На мгновение Сергею почудилось, что некое чудовище захватило его врасплох, от него не вырваться. Мелькнула в памяти картина, виденная в детстве в какой-то книжке: на морском берегу лежит распростертый великан, его облепили маленькие человечки, опутывая веревками... Гулливер у лилипутов.

Пульт диагноза перед капитаном засветился, ожил. На экране заплескали цифры, зазмеились, запрыгали кривые: машина изучала организм человека, прежде чем вывести свое заключение.

Ждать пришлось довольно долго. Капитан, измученный повышенной тяжестью и периодическими болями, успел даже задремать, затем, очнувшись, снова устремил взгляд на пульт, на суммирующий экран, расположенный в его центре. Его око то вспыхивало, то снова гасло. Казалось, диагност в нерешительности. Но вот по матовой поверхности пробежала волнистая кривая, которая распалась на отдельные извивающиеся кривые. Они сложились в подрагивающие буквы, и капитан прочел: «Приступ аппендицита». Пониже горела надпись, выведенная красными буквами: «нештатный случай». Да, подобный казус на борту «Анастасия» предусмотрен не был.

В первую секунду Торопец испытал облегчение, едва не расхохотался: боже, какая чепуха! Банальщина. Аппендицит, подумаешь! Не болезнь, а так себе, не доразумение. Он был не очень-то сведущ в медицине, как и большинство людей, обладающих железным здоровьем, и потому тут же рассудил, что уж с такой пустяковой хворью запросто справится.

— Понял тебя,—сказал он в переговорную мембрану.—Что принимать? Таблетки, порошки? Может, антибиотики?

Компьютер медлил, раздумывая: он прикидывал десятки и сотни вариантов консервативного лечения, связанного с приемом медикаментов и процедурами. «Принимать ничего не следует»,—проблежали наконец по экрану слова.

— Ничего?—еще больше удивился капитан.

«Ничего,—ответил экран.—Любые медикаменты в данном случае во вред».

Торопец улыбнулся. Ему даже показалось, что боль в животе притупилась, пошла на убыль. Ну вот, мудрый диагност разобрался что к чему. Приступ носит, значит, случайный характер, пройдет сам собой. Даже принимать ничего не нужно. Ничего? Странно все-таки.

— Что же мне делать?—спросил он мембрану.

«Необходима операция».

— Понятно. Может, ее можно отложить до моего возвращения на Землю?—спросил он, стараясь, чтобы голос звучал твердо.

«Нет, операция необходима срочно»,—ответил тотчас компьютер.

— Но операцию некому сделать мне здесь, на борту корабля.

«Это вне моей компетенции»,— ответил диагност, словно ожидавший этого вопроса.

— А если все-таки подождать?— спросил он на всякий случай.

«Тогда в ближайшее время неизбежен летальный исход»,— сообщила машина.

Да, подобного казуса те, кто готовил полет, не смогли предусмотреть. Это была случайность, из тех, что способны сокрушить самую незыблемую, казалось бы, закономерность. Так из-за случайной помехи звездный корабль сходит с курса, рушится здание, возведенное, казалось бы, по всем правилам архитектуры, падает в пропасть альпинист, безопасность которого, казалось бы, гарантирована.

Конечно, вина за сложившуюся ситуацию падала в первую очередь на него, Торопца, но разве в этом сейчас дело?

...Думай, думай, капитан. Иди выход! Хотя, похоже, его нет; ты попал в собственную ловушку. Боль в животе затаилась, словномышь в норе, но в любую минуту могла ожить.

Капитан, выбравшись из диагноста, медленно раскачивал по медотсеку, размышлял. Вдруг нахлынул прилив сил и решимости. Не может быть, чтобы не нашлось выхода! Погибнуть из-за такого пустяка! Человек должен уметь побеждать любую хворь, а иначе для чего ему разум?

Решение, которое пришло ему в голову, было необычным, сложным. Можно сказать, совершенно диким. Наверяно оно было, как ни странно, необычайно быстрыми успехами белкового в шахматах, с ходу овладевшего тонкостями игры. Но другой возможности, пожалуй, не оставалось.

Вызвал Орландо, который доставил его в головную рубку.

— Погоди, — остановил его капитан, когда тот был уже у люка.

Белковый замер.

— Подожди, — попросил капитан прерывающимся от слабости голосом и затем четко и подробно изложил манику программу действий.

Белковый в растерянности поблескивал глазами-фотоэлементами.

— Все понял?—спросил Торопец.

— Да.

— Действуй.

— Нет, капитан.

— Это приказ.

— Я не выполню его,—твердо произнес Орландо. Мерцание его фотоэлементов прекратилось.

— Только этого не доставало, — усмехнулся Торопец.—Классический сюжет для приключенческого романа. Бунт на корабле.

Неожиданная строптивость робота сводила на нет последнюю надежду Сергея.

— Я уничтожу тебя, — произнес капитан побелевшими от боли губами, втайне рассчитывая, что у маника сработает инстинкт самосохранения, привитый его создателями. Но он ошибся.

— Это право капитана, оговоренное космическим уставом, — согласился белковый.

Дело зашло в тупик. Немного поразмыслив, капитан пришел к выводу, что единственный его шанс заключается в попытке воздействовать на строптивого белкового силой логики—единственное, перед чем может спастись маник.

— Ты прочел последний вывод диагноза?

— Конечно.

— Тогда давай рассуждать математически. Без операции я погибну, вероятность этого равна единице. Согласен?

— Верно,—произнес манипулятор, еще не понимая, куда клонит капитан.

— А в том случае, который я тебе предлагаю, есть вероятность, что я выживу, хотя бы и ничтожная?

— Есть,—поразмыслив, вынужден был согласиться белковый.

— И она отлична от нуля?

— Отлична.

— Какой же вариант следует предпочесть? Только будь логичен.

— Послушай, капитан, ни в одной космической инструкции...

— Отвечай на мой вопрос,—нетерпеливо перебил Сергей.

— Капитан, но я никогда...—начал манипулятор, нереступая со щупальца на щупальце.—В Звездном городке нас не учили...

— Отвечай.

— Следует выбрать второй вариант,—медленно произнес белковый, сраженный железной логикой Торопца.

— Верно. Иди и выполняй приказ.

Тележка дернулась и медленно двинулась в сторону люка.

— Поживее, у тебя мало времени.

Манипулятор готовил операцию, как заправский хирург. Только, в отличие от человека, он обходился без ассистентов, все делал сам. Благо щупалец у него хватало, гибких, сильных и одновременно чутких.

Последнее, что запомнил Торопец, было острое шприца, похожее на жало, коротко блеснувшее в щупальце манипулятора, который склонился над распростертым капитаном. Затем—укол, совсем не болезненный, и Торопец погрузился в небытие.

Придя в себя и открыв глаза, Сергей в первые мгновения не мог сообразить, где находится: сознание еще не включилось полностью.

— Наконеч-то ты пришел в себя, капитан,—донеслись до него четко выговариваемые слова. Торопец узнал голос манипулятора. Мгновенно все стало на свои места.

— Как прошла операция?—спросил капитан.

— Нормально. Правда, надрез получился немного большим, чем необходимо, но это не опасно. А рану я зашил—стежок к стежку, шов получился на загляденье. Человек бы так не смог, ручаюсь,—закключил Орландо.

...Через четыре дня капитан уже ходил, а через неделю приступил к исполнению своих обязанностей. И ничто, кро-

ме большого, аккуратно, по-машинному сшитого шва, не напоминало о драме, которая едва не переросла в трагедию.

Текло время, отсчитываемое корабельным хронометром, близился расчетный миг, пик Эксперимента. Мысли капитана все чаще обращались к нему.

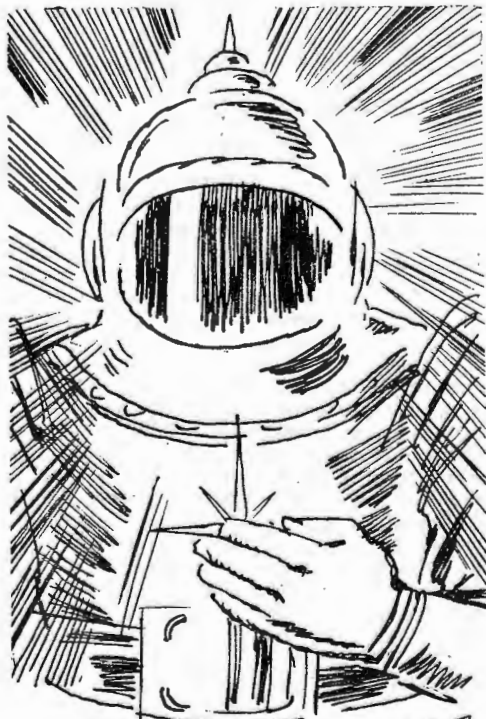
И вот он настал.

Сергей облачился в скафандр, необходимый для выхода в открытый космос. Орlando в скафандре не нуждался. Кончив переодевание, капитан нажал кнопку, и круглый люк беззвучно отворился, обнаружив за собой угольно-черное звездное небо. Оно медленно поворачивалось — это корабль вращался вокруг своей оси. Воздух из отсека мгновенно улетучился, легким белесым облачком растаял в насыщенном вакууме.

Сергей покинул корабль через люк, и глазам его открылось передающее сооружение, которое накануне смонтировали белковые по готовой схеме. Он наблюдал за его возведением по обзорному экрану, отдавая необходимые распоряжения. Коррекцию передающего поля капитан провел сам, ни на кого не полагаясь.

Сооружение, свободно парящее в пространстве, немного напоминало Торопцу то, которое они с Зойкой видели когда-то на Пятачке, из бункера.

— Давай прощаться, дружище, — сказал белковому капитану и пожал гибкое щупальце манипулятора, дрогнувшее в его руке.

Ослепительная
Вспышка полыхнула
В чуждом небе.

— До свидания на Земле, — произнес Орlando.

Они помолчали, стоя на внешней обшивке корабля близ люка.

— Завидую тебе, капитан, — нарушил паузу маник. — Через несколько минут ты очутишься на нашей планете, а нам плестись до нее семь лет или немногим меньше.

Оранжевый скафандр капитана тускло отсвечивал в неярком свете Проксимы. Торопец включил индивидуальный двигатель и не спеша двинулся в сторону передающего сооружения, оставляя за собой узкий шлейф искристого пламени.

Манипулятор, не отрываясь, наблюдал, как оранжевая фигура летит к передающему устройству, постепенно уменьшаясь в размерах. Передающая система свободно плавала в самой сердцевине мощно вибрирующих электромагнитных полей, невидимых человеческим глазом. Только приборы подтверждали их наличие. Кроме маника, имелся еще один наблюдатель, который записывал на цветную пленку все происходящие события: это был выносной автофиксатор. Видеоглаз, выдвинувшийся на телескопической башне, поворачиваясь с величайшей медлительностью, запечатлевал картины, которые должны были составить для землян исключительный интерес.

Добравшись до передающей системы, капитан долго устраивался на неудобном сиденье. Оно ускользало из-под него, а поручни были гладкими, и перчатки по ним скользили. Наконец он занял нужное место в пространстве, что подтвердили датчики, которыми он был облеплен. На мгновение Торопец зажмурился, затем открыл глаза и в последний раз посмотрел на корабль. «Анастасия» с погасшими дюзами являла собой грустное зрелище. Колоссальная чаша-отражатель, казавшаяся безжизненной, закрывала треть неба, края ее еще слабо светились, не успев остыть от чудовищного пламени, в течение долгих семи лет толкавшего звездолет. Вскоре корабль развернется, чтобы начать свой далекий, полный опасностей путь на Землю. Однако он, капитан, этого не увидит: он будет уже там, на родной планете.

Сергей Торопец сосредоточился, включил передающее устройство, и ослепительная вспышка полыхнула в чужом небе.

Действие происходило беззвучно, как и все, что совершается в космическом вакууме. Манипулятор, который наблюдал за происходящим, подумал: какой бы вокруг стоял оглушительный грохот, если бы ноль-транспортиция происходила в атмосфере!

Вспышка медленно погасла, вместе с ней исчез капитан. Когда автофиксатор, свободно плававший в пространстве, закончил свою работу, маник обхватил его щупальцем и, плавно подталкивая, медленно двинулся к люку корабля.

Оставалось демонтировать установку, после чего готовить корабль к обратному пути на Землю. «Капитан, видимо, уже там, на родной планете»,—подумал Орландо, захлопывая за собой люк переходной камеры. Он проверил герметичность и направился в головную рубку—отдавать распоряжения по переводу корабля на новый, ускоренный режим полета.

Это было первым его самостоятельным решением в качестве капитана «Анастасии».

7.

Г РОЗА собиралась исподволь, черная, страшная. То таилась, уходила в сторону, то снова погромыхивала, как бы говоря: не уйду, коли пришла.

Порывы ветра разгоняли тучи, но они снова и снова с пугающей настойчивостью накапливались в районе знаменитой двуглавой горы и стекали с нее в близлежащие долины. Дождь то прекращался, то начинался снова. Тяжелые капли прибывали пыль на дорогах, стучали о ветровые стекла аэробусов, ползали по пластику окон, собирались в легкое облачко пара над защитным куполом территории Пятачка.

Кто-то даже предложил—расконсервировать десяток лет бездействующую станцию управления атмосферными явлениями, разогнать грозу. Ученые, однако, возражали: без крайней необходимости в атмосферные дела вмешиваться ни к чему. Это может привести, как убеждались не раз, к далеким и трудно предсказуемым последствиям. Собственно, потому и законсервировали атмосферную станцию, на которую поначалу возлагали большие надежды. «Природа мудра и в наших сказках не нуждается»,—говорили философы древней Атлантиды. Справедливые слова. Разве не из-за вмешательства внешних сил в природные, естественные и погибло их могущественное государство, в одну ночь проглоченное разгневанным морем?..

Расчетное время возвращения Сергея Торопца миновало, а он на синтез-полигоне все не появлялся. У генераторов поля давно уже было установлено круглосуточное дежурство, капитан мог «вынырнуть» из субпространства в любую минуту. По ночам вокруг поля включали прожектора, сияющие снопы света перекрещивались в центре круга. Проходил день за днем—Сергея не было.

— Все идет как надо,—отвечали каждый раз сотрудники комплекса в ответ на настойчивые расспросы Зои Алексеевны.—Оснований для беспокойства нет.

— Но пошел восьмой год...

— Расчеты носят условный характер,—объяснили ученые.—Плюс-минус, например, месяц в столь сложных вычислениях—элементарное дело. Корабль мог попасть в тормозящие поля и замедлить скорость, мог встретить непредвиденное

препятствие, наконец, нужные поля могли переместиться за семь лет полета в другое место,—да мало ли что еще могло случиться на столь долгом пути!

— Что же делать, Алонд?—спросила она Макгрегора с отчаянием.

— Ждать. Терпеливо ждать, голубушка Зоя Алексеевна, — ответил астрофизик.

И она ждала, как и все, хотя червь беспокойства точил сердце.

По-прежнему, когда выдавалось свободное время, ходила к Пятачку и до рези в глазах всматривалась с вершины холма в ровный квадрат синтез-поля, окруженный стройными рядами генераторов, постоянно включенных. Они поглощали столь чудовищную энергию, что, казалось, воздух над ними вибрировал и струился.

Сегодня, как обычно, Зоя Алексеевна позвонила в научный центр.

— Есть новости?—спросила она.

— Есть,—улыбнулся ей с экрана знакомый дежурный.—Капитан должен появиться дней через пять-семь. Видите ли, астрофизики обнаружили на вероятном пути следования «Анастасии» от Земли метеоритное облако.

— Это опасно?

— Не думаю,—покачал головой ученый,—но притормозить корабль оно могло.

— А нельзя было обогнуть это облако?

— Мы не исключаем и такой вариант, но на это тоже нужно время.

Через семь дней в ее комнате зазуммерил видеофон. Из глубины экрана выплыло озабоченное лицо Алояда Макгрегора.

— Плохие новости...—сказал он.

8.

К АК ТОЛЬКО приборы сообщили о том, что произошло на синтез-поле, изувеченное тело в оранжевом скафандре, изорванном в клочья, было доставлено в медицинский центр Женевьевы Лангранж.

Да, давно и с нетерпением ожидаемое всеми событие произошло, но, увы, не так, как надеялись. Теперь не время было искать причины случившегося: нужно было спасти капитана Торопца, жизнь в котором едва теплилась. В эти тревожные мгновения никто из ученых не сомневался, что это Сергей, хотя лицо его было изуродовано и обожжено до неузнаваемости.

Торопец был без сознания, однако экспресс-анализ, проведенный Женевьевой и ее сотрудниками, показал, что жизненно важные центры не очень сильно повреждены, что давало надежду на конечный успех.

В практике Женевьевы Лангранж встречались, честно говоря, и более тяжелые случаи, и она надеялась на благополучный исход, о чем и доложила председателю совета по проведению Экспери-

мента Алонду Макгрегору. Судьба отважного звездопроходца, впервые в мире совершившего прыжок через нуль-пространство, взволновала всех, кто был причастен к Эксперименту.

Пострадавшего поместили в автономную систему регенерации и жизнеобеспечения, где он теперь висел, окруженный разнокалиберными трубками, в которых оежали, медленно двигались, пульсировали нервными толчками животворные токи, от крови до физиологического раствора, от редких препаратов до экстракта из чудодейственного трава.

— Может, лицо его приведет в порядок?—сказал Алонд, глядя в аквариум.

— Сделаем позже, сейчас у нас задача важнее,—возразила Женеьева.— В конце концов, пластическая операция на лице—это самое легкое. Возьмем фотографии у Зои и все сделаем в лучшем виде. Пока надо решить главную задачу — не дать ему умереть. Вы, кстати, сообщили жене?

— Да, я говорил с ней. Подготовил. Попросил никому не говорить пока, подождать результатов медицинских исследований. А вы разве ей не позвоните?

Женеьева покачала головой.

— Сейчас я не готова к этому разговору. Проще говоря, духу не хватает. Поговорю, когда появится хоть какая-то определенность. Надеюсь, Зоя поймет меня.

В это время группа ассистентов пыталась с помощью манипуляторов, управляемых по радио, снять с капитана, находящегося в контейнере, ключья комбинезона. Это оказалось сложным делом: куски материи были словно приварены к телу нездешним огнем.

— Не пойму, в чем же все-таки дело,—потер лоб Алонд Макгрегор.—То ли в расчетах ошибка, то ли случайные помехи виноваты...

Лангранж пожалла плечами.

— Послушаем специалистов — остальных членов совета,—сказала она.

К Женеьеве подошел один из помощников.

— Как быть? — сказал он. — Ключья комбинезона срослись с кожей, нам удалось снять несколько клочков, и то с невероятным трудом.

— Думаю, не стоит его сейчас больше мучить,—решила Лангранж.—После вернемся к этой проблеме.

В этот момент ассистент, взглядывавшийся в глубь контейнера, воскликнул:

— Клянусь, такого никогда не видел!

К нему подошли другие, и он продолжал:

— Обычный аппендицит, но, обратите внимание, как необычно проведена операция. Во-первых, огромный разрез — таких никогда не делают, и проведен, словно по линейке, ровненько. Во-вторых, идеально ровно наложен шов, словно не хирург, а машина зашивала надрез...—и он сам улыбнулся дикости такого предположения.

Разговор привлек внимание Женеьевы, она приблизилась к группе ассистентов.

— Не ваша работа, Женеьева?—спросил ассистент, показывая на послеоперационный шрам.

Лангранж не ответила. Нахмурившись, она несколько долгих мгновений разглядывала ровный, как ниточка, шов, затем повернулась к ассистенту и отчеканила:

— Если вы работаете в клинике, то должны знать, что я аппендэктомией не занимаюсь. — Затем, продолжая разглядывать шов, добавила, обращаясь к подошедшему Макгрегору: — Странно, очень все это странно.

Алонд спросил:

— Что именно?

— Сергей Торопец никогда в жизни не оперировался. Ни по какому поводу.

— Но это же значит...—начал кто-то и, не договорив, умолк в растерянности.

— Вот нам и предстоит выяснить, что это значит,—докончила Женеьева.—Что скажете, Алонд?

— Срочно созovem совет по Эксперименту,—нахмурился Макгрегор.—Боюсь, дело гораздо серьезнее, чем кажется на первый взгляд.

Собрание совета по проведению Эксперимента было, как и предполагал Макгрегор, бурным, хотя его участники разделяли сотни тысяч и даже миллионы километров: ввиду экстренности его решение было провести заочно, с помощью видеосвязи.

В круглом зале по периферии стояли видеозкраны, и каждый из членов совета мог видеть остальных, так что наличие было полный эффект присутствия.

Председатель сообщил данные о госте из космоса, высказал рабочую гипотезу и предложил ее обсудить. По его мнению, с подобной проблемой, столь серьезной, что она угрожала самому его существованию, человечество еще не сталкивалось, хотя прошло не одно тысячелетие своего пути по спирали познания. Суть дела состояла в том, что внеземная цивилизация, стоящая, по всей вероятности, на неизмеримо более высокой ступени развития, чем земная, пытается внедрить на нашу планету своего представителя, неотличимого по структуре от человека. Нужно ли говорить, чем это чревато для землян? Ведь если инопланетяне сумели «вылепить» двойника капитана Торопца, значит, они умеют многое, очень многое, что недоступно землянам...

— Если это двойник, то где подлинный капитан Торопец?—спросил кто-то, когда Макгрегор закончил свое сообщение.

— Мы можем только гадать о его судьбе,—вступил в разговор астробиолог.—И сомневаюсь, сможем ли когда-нибудь выяснить ее до конца.

— Не забывайте, что ничего еще не доказано,—произнес Макгрегор.—Все это—только предположения, которые нам предстоит принять либо отвергнуть. Что касается меня, то я, вопреки загадочному рубцу, все же верю, что на Землю вернулся подлинный капитан Торопец.

— А я верю, что это инопланетянин, и на моей стороне, как мы убедились во время обсуждения, большинство,—парировал астробиолог.

— Большинство—еще не показатель истины, — покачал головой Макгрегор. — Вернувшийся со звезд — не обязательно перевертыш.

— В таком случае ответьте, Алонд, на простой вопрос: кто оперировал в полете капитана Торопца?—наседал астробиолог.

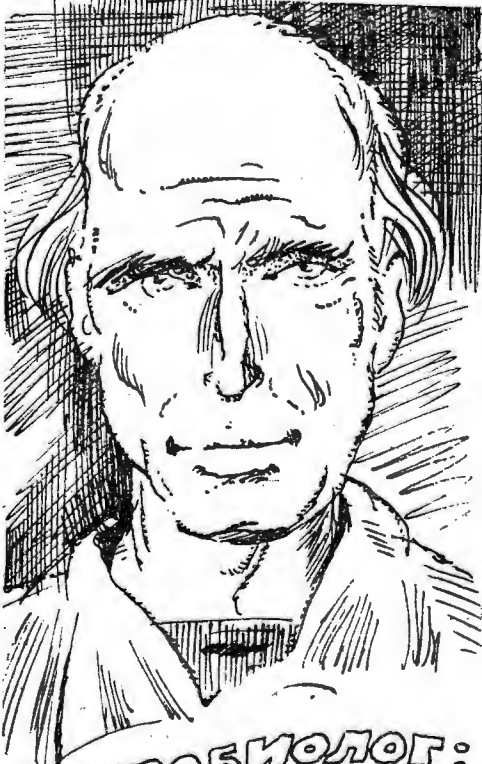
— Да хотя бы те же представители инопланетной цивилизации! — погладил Макгрегор рыжеватую бороду.

— Гипотеза не хуже других,—поддержала его Лангранж.

— И этим вмешательство инопланетян ограничилось? — саркастически заметил биохимик.—Не очень-то логично. Я не верю, как вы, в абстрактную гуманность инопланетян. Вспомните Тристаунский случай, который принес человечеству столько бед. А кто мог заподозрить врага человечества в безобидном часовом мастере?

— Напоминание весьма кстати,—включился в разговор еще кто-то.—Оно призывает нас к бдительности. Да, гораздо естественнее, как это ни печально, выглядит предположение, что капитана Торопца подменили.

— С какой целью?—спросила Женевьева.

АСТРОБИОЛОГ:
Мы можем только
гадать о его
судьбе ...

— Это вопрос особый,—сказал астробиолог.—Очень может быть—уничтожение человеческой расы и захват планет Солнечной системы. Может быть, нам противостоит та самая цивилизация, которая вызвала Тристаунскую трагедию.

На несколько мгновений в конференц-зале воцарилось тяжелое молчание. Каждый по-своему переживал услышанные слова.

— Хочу подчеркнуть еще одну сторону вопроса,—нарушил паузу биокибернетик.—Инопланетяне сумели разгадать суть нашего Эксперимента и с легкостью включиться в игру. А это значит, что наши нынешние достижения в науке и технике для них—давно пройденный этап. Это говорит об особой их опасности для нашей цивилизации.

Кто-то бросил угрюмо:

— Мы для них — как для человека муравьи.

— А что, если все это—только наши домыслы, и на Землю вернулся подлинный капитан Торопец?—гнула свое Женевьева.

— Неужели мы, столько разумных людей, не установим истину?—пожал плечами Макгрегор.—У подлинного капитана Торопца должны же быть какие-то детские воспоминания, подробности, которые недоступны двойнику. Пригласим близко знавших его людей, жену...

— Это смешно, уважаемый Алонд,—вздыхнул астробиолог.—При том уровне развития, который мы предполагаем у инопланетян, для них не составит никакого труда переписать всю, я подчеркиваю—всю информацию с мозга капитана Торопца на мозг его двойника, заброшенного к нам с неведомыми целями. Не знаю, каковы эти цели, но едва ли они добрые.

— Почему заранее предполагать зло?—сказала Женевьева.

— Вспомним еще раз Тристаун,—произнес астробиолог.

9.

... **П**ОНАЧАЛУ никто из землян не знал, по какой причине болезнь безумия, вдруг охватившая Тристаун и его окрестности, постепенно сошла на нет, а виновник трагедии так и не сумел связаться со своими родственниками.

Вернемся к событиям десятилетней давности в Тристауне, которые развивались следующим образом.

Выбрав момент, когда в лавке никого не было, часовщик запер входную дверь, затем перенес мыслепередатчик на подоконник, принес стул и сел у окна, чтобы удобно было наблюдать. Несмотря на жаркий день, на улице было оживленно. Здесь располагалось много магазинов, да и местные жители привыкли к жаре. Какую-то тень давали прохожим пестрые брезентовые тенты, натянутые на манер

265

зонтиков над витринами. Изредка налетал освежающий, хотя и влажный ветер, вздымая на окне занавеску.

Поразмыслив, часовщик поднялся и опустил над витриной жалюзи: пусть думают, что лавка закрыта, так безопаснее. Затем снова подошел к окну и внимательно, будто в первый раз, окинул немигающим взглядом городок, в котором довелось столько прожить.

Забавные они существа, люди. Столько лишнего делают, столько нерационального, мельтешат, суетятся по пустякам, а то и вовсе без всякого повода. Бездну умственной и психической энергии затрачивают на бессмысленные эмоции... А между тем сумели создать свою цивилизацию, даже соседние планеты осваивают. Каким-то образом сумели докопаться до идеи Великого Прыжка, а это в случае удачи может резко увеличить их могущество. Атмосферу на Луне создали. Транспорт в общем непокой, хотя примитивный, допрыжковый. Вон как суетятся, не ходят—бегают. Не знают, что их ожидает через несколько минут.

На перекрестке, видно из окна, остановились две женщины, принялись оживленно беседовать. «И ведь говорят-то наверняка о всякой ерунде,—вдруг с раздражением подумал часовых дел мастер,—а сколько пыла, сколько страсти! Можно подумать, что они решают, менять ли термоядерный режим Центральной звезды, которую они именуют Солнцем. И, главное, улыбаются друг другу!» Как ни странно, улыбка было самое трудное из всего, что пришлось осваивать часовщику на Земле. Ни одна раса, которую он знал, в том числе и его собственная, не умела улыбаться. Мастер, запершись, часами отрабатывал перед зеркалом улыбку, прежде чем она стала более или менее походить на естественную. Бессмысленное растяжение лицевых мышц! Столь же бессмысленное, как и множество других действий этих страшных и непонятных созданий.

Эту расу должна вытеснить более жизнестойкая, именно они—самосовершенствующиеся киберы с абсолютной свободой действий.

Решено. Он включил передатчик и принялся внимательно наблюдать. Поначалу ничего не изменилось. «Все правильно, необходимо определенное время релаксации»,—подумал он.

Все так же разговаривали две женщины у перекрестка, мчались в обе стороны глайдеры, проплывали сверху аэробусы. По-восточному нарядная толпа, разомлевшая от полуденного зноя, лениво текла по тротуарам, иные перешагивали на движущиеся ленты, другие сходили с них на асфальт, прогибавшийся под ногами от жары.

Один прохожий под окном напомнил ему высокого, плечистого курсанта Звездной академии. Тот уже, наверное, на Луне. И, конечно, трясется над часами—драгоценным подарком, который часовщик за несколько минут синтезировал с помощью своего универсального аппарата. Вообще представители этой расы во многом как дети. А в социальном смысле

так оно и есть. С другой стороны, кто знает, какая будущность могла бы ожидать их? Часовщик почувствовал к ним на мгновение нечто вроде жалости, но тотчас подавил это чувство. Слабый уступает сильному, сильный—еще более сильному. Тут уж ничего не поделаешь, таков закон звездного космоса.

А хорошо он тогда придумал в последний момент—приделать этому простофилю на крышке часов портрет этой, как ее... Женевьевы Лангранж, его хорошей знакомой. Так бы курсант мог—мало ли—подарить кому-нибудь часы, просто передать. Теперь он этого не сделает, часы стали как бы именными.

Между тем на улице что-то неприметно изменилось. Общий темп жизни замедлился, что ли. Люди, прежде проходившие равнодушной толпой, начали с недоумением поглядывать друг на друга.

«Ага, начинается»,—подумал часовщик, усаживаясь поудобнее, стул заскрипел жалобно под его тяжестью.

Чтобы не распылять внимание, он решил понаблюдать за конкретным объектом. Ну, скажем, за этими двумя полными дамами. Разговор их, казалось, достиг высшего накала—так они жестикуют, лирировали и разевали рты. Но вот жесты их замедлились, стали какими-то сонными. Они начали с недоумением поглядывать друг на друга, словно виделись впервые. И вдруг одна из них с разинутым в вопле ртом вцепилась другой в волосы, с силой их дернула. От неожиданности пострадавшая уронила наземь сумку, полную фруктов. Оранжевые апельсины покатались по асфальту. Прохожие переступали через них, кто-то бросился подбирать, другой с улыбкой подошел к уже во всю дерущимся женщинам, пытаясь их утихомирить. Тогда обе в слепой ярости накинудились на миротворца.

«Все верно,—подумал мнимый часовщик.—Начинается с озлобления, переходит потом в панический ужас...»

Вскоре у перекрестка завязалась жестокая потасовка, в которой принимало участие все больше и больше людей. Толпа разбухала, вскоре она заполнила весь тротуар и выплеснулась на проезжую часть. Поток глайдеров прервался, образовалась пробка. Под непрерывное гудение машин хаос продолжал расти.

Через какое-то время у перекрестка появились силы порядка. Однако люди в форменных мундирах тоже не смогли утихомирить страсти. Да и вели они себя более чем странно: сами начали вязаться в драку, ожесточенную и бессмысленную.

Часовщик потерял руки—жест, заимствованный у землян. Пока все шло как нужно. Так было в зоне видимости—так, очевидно, было и повсюду, куда достигали лучи мыслепередатчика, которые концентрическими кругами распространялись во все стороны.

Неожиданно один из глайдеров, набрав с места скорость, врезался в толпу. Следом за ним—одновременно с четырех сторон—ринулись другие. Началось нечто неопишемое.

Драки шли вдоль всей улицы, но основное побоище продолжалось на перекрестке. Глайдеры один за другим врезались в кровавое копошащееся месиво, сталкивались друг с другом, переворачивались.

Кто-то из обезумевших прохожих запустил камень в жалюзи, прикрывавшее витрину лавки часовщика, ажурный металл глухо отхнул и зазвенел. «Так, так, голубчики, отменно», — прошептал часовщик и снова потерял руки.

Безумие, кажется, достигло своего апогея. Люди бросались друг на друга, разбивали себе головы о стены. Одни с тупым выражением опускались на тротуар, кто-то с бессмысленным упрямством пытался взобраться на фонарный столб, падал и карабкался снова.

Все это было знакомо часовщику, и он с холодным любопытством наблюдателя ждал следующей стадии, которая должна была наступить с минуты на минуту. Глаза людей становились все безумнее, они что-то вопили, но крики, несущиеся со всех сторон, едва доносились сквозь двойные стекла окна — старый мастер не выносил пластика.

Один из обезумевших людей, который валялся под самым окном часовой лавки, вдруг рывком поднялся, опираясь о стенку, и встал, оглядываясь, словно и улицу, и дома, и все происходящее видел впервые. Лицо его выражало ужас. В следующее мгновение он издал пронзительный вопль, проникший сквозь двойные стекла, и помчался по улице, выставив впереди руки, словно слепой. «Прекрасно, начинается этап клаустрофобии, боязни замкнутого городского пространства», — отметил про себя часовых дел мастер.

Бегущего по улице пытались остановить, кто-то хватал его за одежду, другой заступал путь, но ничто не могло прервать его бег.

Вскоре к бегущему присоединился второй, затем третий... И вскоре толпы людей в разорванных, окровавленных одеждах, с вылезавшими из орбит глазами, давя друг друга, ринулись прочь из города. Именно этого эффекта и добивался часовщик.

В считанные минуты вся видимая из окна часть города — и квартал, и перекресток — опустела. Острый взгляд часовщика замечал валявшиеся на асфальте оторванные пуговицы, пятна крови, клочки вырванной одежды, раздавленные детские игрушки, сумки, портфели... Люди в безумном, необъяснимом страхе покидали насиженные места, топча и уродуя друг друга. Дальше, у перекрестка, желтели раздавленные апельсины, которые каких-нибудь пятнадцать минут назад высыпались из пестрой, легкомысленно разрисованной сумки. Один апельсин каким-то чудом остался нераздавленным.

Часовщику очень захотелось пройтись по улицам, посмотреть плоды своей работы. Если на улицах не осталось никого — значит, мыслепередатчик действует на всех людей без исключения, и можно вызывать на Землю десант сородичей.

Он открыл окно, высунул голову. Во круг, насколько хватало глаз, было безлюдно. Впечатлительные особи — лучи на них действовали безотказно.

Он включил автомат вызова и решительно направился к двери. Мог ли он знать, что аппарат работает вхолостую — каких-нибудь полчаса назад Сергей Торопец нечаянно разбил о плиты Лунного космодрома часы — подарок незнакомого благодетеля...

Он отпер дверной замок с горделивым ощущением того, что в эти мгновения толпы людей бегут прочь из города, гонимые неведомой силой. Приоткрыл дверь, осторожно выглянул в щель. В лицо пахнуло зноем раскаленных улиц. В лавке был кондиционер, дающий прохладу. Часовщик установил его, разумеется, не для себя, а в угоду покупателям. Сам он не боялся ни холода, ни жары, имея весьма широкий диапазон адаптации.

Мастер ступил на размягченный асфальт, сделал несколько шагов. Странно и непривычно было идти по опустевшему городу, по его центральным улицам, где всегда толпились любопытные туристы и кипела жизнь. Что делать, смена расы на планете никогда не проходит безболезненно — это было ему известно. Зато и здесь в скором времени воцарятся его сородичи, благо для воспроизводства себе подобных здесь достаточно материала — металлов, руды, любых химических элементов. Хватает и источников энергии.

Когда придут свои, он сможет наконец сбросить эту опостылевшую личину и предстать в настоящем своем обличии.

Часовщик дошел до перекрестка, свернул за угол. Дальше начинался уголок старого города. Старинные здания, храмы, уцелевшие еще со средних веков, стояли безмолвно, взирая на мир пустыми глазницами выбитых окон: видимо, безумие бушевало здесь еще сильнее. Осколки стекла покрывали под ногами, хруст казался оглушительным в чуткой тишине.

Дело сделано. Сигналы вызова, видимо, уже достигли цели. Можно, пожалуй, сбросить оболочку — в Тристауне, похоже, не осталось ни одного живого человека. Через считанные минуты по команде теперь уже своих космических сородичей он получит необходимый заряд энергии и стартует к ним. А пока можно не жалеть свою энергию: всю ее отдать передатчику, чтобы сигналы были более мощными...

Автомат безоговорочно верил в автоматику. Но не по вине последней истратил он свои последние силы на бесполезные сигналы и не дождался вызова. Энергия иссякла в нем, и тогда сработал самоликвидатор... От часовых дел мастера осталась металлическая груда непокрытых для землян деталей.

205
266

**ЖЕНЕВЬЕВА
ЛАНГРАНЖ:**
пока надо решить
главную задачу —
не дать ему умереть

10.

Ч ЕЛОВЕК в оранжевом скафандре, который появился в тот памятный день на синтез-поле Пятячка, был столь сильно изуродован ожогами, что сравнить его с имевшимися фотографиями Сергея Торопца не представлялось никакой возможности. Да и потом, в создавшейся ситуации, при возникших подозрениях, нахождение общих черт только усугубило бы эти подозрения, запутав и без того сложное положение.

Для начала следовало исключить любые возможности контакта пришельца с землянами. Кто знает, на какие сюрпризы способен гость? Каковы цели его появления на Земле, да еще столь хитрым манером? И, кстати, кто может сказать, каким манером попал на Землю его предшественник, которого так и не удалось обнаружить?

Высказывалось мнение, что все ожоги и травмы пришельца в оранжевом скафандре — не более, чем камуфляж. Женева Лангранж — самый большой авторитет в области медицины, провела по решению совета экспертизу и показала, что пришелец самым доподлинным образом

обожжен и изувечен, ни о какой имитации не может быть и речи. Значит, он пострадал при высадке на Землю...

Лечение пришельца продвигалось сложно и мучительно. Одна за другой производились пластические операции. Размозженные, не работающие органы заменялись на новые — их заказывали в основном в Зеленом городке, центре биокрибнетики. Привести в сознание его никак не удавалось — были, как выяснилось, травмированы клетки головного мозга. Однако Лангранж не теряла надежды и на последнем заседании совета сообщила, что не больше чем через месяц берется вернуть пришельцу сознание, для начала хотя бы на короткий срок.

— Какое сознание вы беретесь вернуть? — не без ехидства спросил у нее астробиолог. — Человеческое?

— Именно человеческое, дорогой коллеги. Другого я не знаю, — парировала Женева, хотя на душе ее кошки скребли.

Пришелец продолжал содержаться в контейнере, тщательно изолированном от контактов с сотрудниками медцентра, — а больше никто сюда и не проникал. Мощное электромагнитное поле разделяло опасного гостя и людей. Все, кто побывал в контакте с пришельцем, были проверены сразу же.

Лечебные действия, как и операции, осуществлялись с помощью биоманипуляторов, управляемых опытнейшими хирургами. Роботы подлежали впоследствии уничтожению: ведь они могли подпасть под влияние коварного и могущественного гостя иной цивилизации, намерения которого неизвестны. Кроме того, биороботы после контактов с пришельцами могли стать носителями смертоносных вирусов, неизвестных ученым Солнечной системы.

Во время дежурства Женева снова и снова вглядывалась в безжизненное лицо пришельца, каждая клеточка которого омывалась животворными токами, и мучительно искала в нем знакомые черты Сергея Торопца. Он или не он? Ох, как ей хотелось верить, что это он! Но слишком велика была цена ошибки.

Мучимая сомнениями, которые стали привычными, Лангранж приступила к очередному ночному дежурству. Сенсаций не ожидалось — у пришельца не появилось никаких проблесков сознания. Повинуясь необъяснимому импульсу, Женева отпустила помощников, сказав, что с дежурством справится сама. Остались только послушные механизмы как внутри, так и вне контейнера.

Оставшись одна, она долго смотрела на громадный прозрачный куб, на неподвижную вертикальную фигуру внутри, опутанную сетью системы жизнеобеспечения. Датчики показывали медленное, но неуклонное улучшение состояния пришельца. Давали себя знать энергичные меры, предпринимаемые сотрудниками медцентра.

(Окончание следует)

Поздравляем победителей!

К ИТОГАМ ЛИТЕРАТУРНОГО
КОНКУРСА В ЧЕСТЬ
45-летия ПОБЕДЫ
СОВЕТСКОГО НАРОДА
В ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

В. ЛОСЕВ

Б. ЛОССАН

С. АГАДЖАНЯН

Р. КАРАПЕТЯН

А. ВОЙНАКОВ

В. ЗУБАНИЮК

А. ФАТЬЯНОВ

Е. ЕРХОВ

М. ИГНАТЬЕВА

А. ЯГОДИН

За неполные два года со дня объявления конкурса редакцией было получено более пятидесяти произведений. Лучшие из них уже опубликованы или готовятся к печати. Конкурсная комиссия считает, что главную свою задачу конкурсе выполнил: в повестях, рассказах, стихах нашли отражение славная история и сегодняшний день внутренних войск, верность воинов Родине, их мужество, отвага при защите интересов социалистического государства, героика и романтика боевой службы. Радует и то, что он открыл новые имена.

Знакомим вас с победителями конкурса.

За повесть первую премию решено не присуждать. Вторая вручена полковнику запаса В. Лосеву («Операция», 1989, № 11, 12), две трети — подполковнику в отставке Б. Лоссану («Обратная дорога

короче», 1990, № 5) и подполковнику С. Агаджаняну («Звезды на зеленом поле», готовится к публикации).

За рассказ первой премии удостоен прапорщик Р. Карапетян («Натюрморт», «Экзамены», 1989, № 7), второй — старший прапорщик А. Войнаков («И был вечер...», «По старой лежневке», 1990, № 2), а две трети премии получили прапорщик В. Зубанюк («Анонимка», 1989, № 3) и полковник в отставке А. Фатьянов («Хлеб-бушко», 1990, № 3).

За стихотворение первая премия присуждена полковнику запаса Е. Ерхову («На правой стороне», 1989, № 10), вторая — прапорщику М. Игнатъевой («Сонеты», 1990, № 3), третья — прапорщику А. Ягодину («Стерегущие», 1989, № 12).

Поздравляем победителей и желаем им новых творческих успехов!

БОЛТЫ ВМЕСТО ШПИЛЕК

Немало хлопот доставляет снятие генератора с двигателя «Запорожца» ЗАЗ-968, например, для ревизии и замены щеток или удаления грязи в развале цилиндров. Ведь предварительно надо отсоединить тросики управления воздушной и дроссельной заслонками, отсоединить бензопровод от карбюратора и трубку вакуум-корректора, снять воздушный фильтр, карбюратор, кожух генератора. Лишь после этого, отвернув четыре гайки, крепящие генератор, можно приподнять его и снять со шпилек.

Если же вместо шпилек с гайками закрепить генератор четырьмя болтами М8 х 25, то снять его можно за считанные секунды. Достаточно отвернуть болты и, сдвинув генератор на себя, вынуть из кожуха.

ЗАМЕНА МАСЛА

Перед заменой масла агрегаты автомобиля должны быть разогреты в процессе пробега. Это не очень важно для двигателя, но необходимо для заднего моста и коробки передач, так как тепло делает густые пластичные смазки более жидкими.

Отвертывая пробки нужно быстро и аккуратно, чтобы избежать разбрызгивания масла. Некоторые пробки снабжены магнитными вставками. Просуньте палец в сливное отверстие, если там имеются крупные металлические частицы, удалите их во избежание отказа агрегата.

Заверните пробки и приступайте к заполнению емкостей маслом. Заполнение маслом картера двигателя не вызывает трудностей. Для коробки передач и заднего моста используется шприц с загнутым концом.

БЕЗ РАЗБОРКИ

Смазать механизм привода дверного замка «Жигулей» можно, не снимая обивку двери. Достаточно вывернуть верхний из трех винтов крепления замка (они расположены на торце двери) и через отверстие подать масленкой к механизму привода немного моторного масла. Поворачивая пальцами, надо разработать ротор замка и добавить еще немного масла. Замок и кнопка-фиксатор будут работать легко и надежно.

ЗЕРКАЛО ДЛЯ... РАДИОПРИЕМНИКА

Многие автолюбители используют металлический корпус наружного зеркала в качестве антенны для радиоприемника. Согласитесь, это удобнее «штыря». У ВАЗ-2105 корпус зеркала пластмассовый, но это не проблема. Если всю полость под зеркалом через нижнее отверстие в корпусе набить многожильным медным проводом диаметра 3 мм в пластмассовой оболочке и экранированным проводом соединить его со входом радиоприемника, качество приема будет не хуже, чем с обычной штыревой антенной.

«БИНТ» ДЛЯ КАМЕРЫ

Если вы прокололи камеру, а запасного колеса нет, не отчаивайтесь. Выручить может кусочек герметика для уплотнения стыков кузова. Тщательно размазав герметик по поверхности камеры в месте прокола, положите поверх него изоляционную ленту в три-пять слоев.

Доехать до шиномонтажной мастерской или до гаража поможет и заплатка из медицинского лейкопластыря, который должен быть в вашей аптечке. Накладывайте пластырь в три слоя, последовательно перекрывая каждый слой кружком большего диаметра.

НЕ ПЕРЕГРЕВАЙТЕ АККУМУЛЯТОР

У автомобилей «Жигули» ВАЗ-2101, 2102, 21011, 21013 и других крайняя («плюсовая») банка аккумулятора находится в непосредственной близости от выпускного коллектора, температура которого достигает большой величины. Если весь аккумулятор нагреет до 30—45 градусов, то крайняя банка намного сильнее. Поэтому в ней скорее, чем в других, испаряется электролит, и она быстрее выходит из строя (а вместе с ней и аккумулятор).

Укрепив на обращенной к выпускному коллектору стенке аккумулятора лист асбеста толщиной 5—8 мм, можно полностью устранить этот перегрев.

УРОКИ ДАЕТ ТРЕНЕР-МЕТОДИСТ МАКСИМ ГЛАДКОВ

Мы продолжаем публикацию материалов, посвященных боевым искусствам Востока. Подбирая их, авторы руководствовались принципом пригодности описываемых приемов для службы при охране общественного порядка.

Итак, вы выполнили разминку. Теперь ваш организм полностью подготовлен к основной части урока.

Как и в любом виде единоборств, занятия начинаем с изучения стойки и передвижений.

Основная стойка—правая нога впереди, левая—сзади. Тяжесть тела распределена между ними поровну. Расстояние между ступнями соответствует по длине—1,5-2,0 ширины плеч; по фронту — ширине плеч. Носки немного завернуты вовнутрь, левая пятка приподнята. Ноги слегка согнуты в коленях. Туловище прямо, голова несколько опущена. Кулаки на уровне подбородка (на 20—30 см от него), локти опущены, прикрывают корпус (рис. 1).

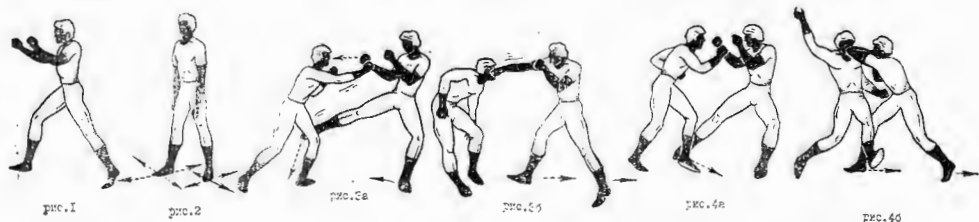
Примечание: избегайте скрещивания или слишком широкого разведения рук.

Следует оговориться: в отличие от боксерского ринга или борцовского ковра улица диктует свои условия ведения боя. Слишком «умелые» действия с вашей стороны заставят противника (правонарушителя) быть более осторожным, более тщательно готовить атаки. В связи с этим мы предлагаем, помимо основной стойки, так называемую «скрытую». По сути дела, она является исходным положением для основной стойки и позволяет, в случае необходимости, эффективно выполнить защиту с последующей атакой и переходом в основную стойку.

«Скрытая» стойка — правая нога впереди, левая — сзади, руки опущены, правое плечо несколько подано вперед, подбородок слегка опущен (рис. 2).

Основу любых технических действий составляют передвижения. Их цель — выйти на удобное для атаки положение и, по возможности, поставить в неудобное положение противника.

Шаг вперед—выполняется впереди стоящей ногой с последующей пристановкой сзади стоящей. При этом обе стопы продвигаются на одинаковое расстояние, но не

более чем на 30—40 см. В случае необходимости преодолеть большое расстояние целесообразнее выполнить два коротких шага, вместо одного длинного, т. к. длинный шаг лишает вас возможности маневрировать и делает уязвимым для противника.

Шаг назад — выполняется сзади стоящей ногой с последующей пристановкой впереди стоящей.

Шаг вправо — выполняется правой ногой с последующей пристановкой левой.

Шаг влево — выполняется левой ногой с последующей пристановкой правой.

Примечание: при передвижении следует избегать прыжков и подготовительных движений корпусом, т. к. это может выдавать ваши намерения противнику.

Усвоив основную стойку и отработав передвижения в ней, можно переходить к отработке простейших комбинаций.

Комбинация № 1: противник атакует правым кулаком в голову.

1—перенести тяжесть тела на левую ногу и нанести противнику боковой удар подъемом или голенью правой ноги в область боковой поверхности бедра (7—10 см над уровнем колена); руки сразу же перевести в положение основной стойки (рис. 3а); 2—быстро поставить ногу и продолжить контратаку, нанеся прямой удар правым кулаком в голову (рис. 3б).

Примечание: удары следует выполнять без замаха, не отклоняясь назад и не подавая корпус вперед. Точный удар ногой в указанную область приведет к болевому шоку и облегчит последующую атаку. В случае необходимости его можно выполнить два раза подряд.

Комбинация № 2: противник атакует правым кулаком в голову с шагом вперед.

1—перенести тяжесть тела на левую ногу и в момент, когда нога противника начала движение вперед, «зацепить» его стопу своей правой и выполнить подсечку влево—на себя; руки сразу же перевести в положение основной стойки (рис. 4а); 2—быстро поставить ногу и нанести боковой удар левым локтем (рис. 4б).

Примечание: подсечку целесообразно выполнять только в момент движения противника. Не рекомендуется это делать, когда его нога уже опустилась на землю. «Захват» стопы должен быть как можно ниже, т. к. это позволяет увеличить рычаг и требует минимальных затрат сил.

Рис. Е. Gladkova.

ПОЛУЧЕН
ОТВЕТ

ВОТ ТАК РЕАКЦИЯ!

Еще не так давно управление внутренних войск по Уралу упорно не замечало критики в свой адрес. Но вот, кажется, ситуация меняется. В феврале [!] пришел официальный ответ на статью «Конституцией... распоряжаюсь я!» [1989, № 10]. Сроки не выдержаны! Ладно уж, ответили, и то хорошо.

Зато оперативно отреагировали в управлении на фельетон «О нумерации, грабельках и надежности охраны, или Почему филькину грамоту зовут филькиной!» [1989, № 11] — всего через три [!] месяца. Если учесть, что на предыдущий фельетон «Ее величество Бумага» [1988, № 6] не ответили и поныне, можно считать, что прогресс налицо.

Что касается ответа на первую статью, о нем разговор впереди. И особый. Фельетон же, как сообщает начальник УВВ генерал-майор З. Сидоренко, обсужден офицерами управления, на сборах командиров частей и их заместителей. «Все... единодушно высказались в пользу «Рекомендаций...» и некомпетентности корреспондента журнала т. А. Ушара в вопросах боевой службы и инженерно-технического оборудования объектов...»

Вот такая реакция! Оставим на совести начальника УВВ якобы «единодушные высказывания», которое он приписывает «всем офицерам управления». Редакция оставляет за собой право усомниться в нем. А по поводу «некомпетентности корреспондента» — одно существенное замечание.

Дело в том, что любой журнальный материал, прежде чем увидеть свет, становится предметом серьезного обсуждения на редколлегии. Решение о публикации непременно принимается коллегиально. Так было и с фельетоном. Поэтому, само того не ведая, управление войск по Уралу упрекнуло в некомпетентности всю редакционную коллегию журнала, в составе которой и ведущие специалисты войск в вопросах боевой службы и инженерно-технического оборудования объектов. Они-то с редким единодушием и рекомендовали фельетон опубликовать, сделав, в частности, следующие выводы: «Такие смехолодобные «Рекомендации...» в УВВ по Уралу действительно имеют место. Они весьма вредны и свидетельствуют о формализме, неподготовленности штаба». Тут уж, как говорится, ни убавить, ни прибавить.

Между нами, с Женщинами

НА ЖИТЕЙСКИХ ПЕРЕКРЕСТКАХ

ПУТЬ К СЕРДЦУ МУЖЧИНЫ

А ЛЮДИ ВОКРУГ БЫЛИ?!

Прочитал письмо Оксаны Ильченко (№ 3—90 г.), и сразу появилась целая вереница вопросов. Что же получается, рядом с этой семьей в трудную минуту никого не оказалось? А где же был женсовет? Да и есть ли он вообще в части? По опыту знаю: если командование не принимает меры — за дело берутся активистки, жены военнослужащих. И уверен: они поставили бы «на ноги» заблудившегося прапорщика и помогли бы сохранить семью.

И еще. Считаю, надо по всей строгости спросить с командира и привлечь к партийной ответственности замполита за то, что они не выполняют свою святую обязанность — посещать семьи своих подчиненных, знать обстановку в них.

Г. ДЬЯКОВ.

г. Минск.

И не дай бог, рыбак удачливый!.. Представьте себе такую картину: целый день вертишься как белка в колесе, все, что накопилось из домашних дел за неделю, переделываешь, отдохнуть бы к вечеру. Но тут часов этак в 10 в кеар-

Содержимо

Как только растает туман над Невой
И город проснется в цветенье,
Я снова увижу свой путь фронтовой,
Который не тонет в забвенье.

Встречавших салют в сорок пятом,
И мне в этом мире трудней и трудней
Без вас, дорогие ребята.

Слова С. Пылева

Музыка Б. Карамышева

ЗАВЕЩАЮ

Как только растает туман над Невой
И город проснется в цветенье,
Я снова увижу свой путь фронтовой,
Который не тонет в забвенье.

ПРИПЕВ:

С годами все меньше и меньше друзей,
Встречавших салют в сорок пятом.
И мне в этом мире трудней и трудней
Без вас, дорогие ребята.

218
269

тиру влывает супруг с таким блаженно просветленным лицом и коробом рыбы, что понимаешь: улов есть и отдохнуть не придется! Зимой еще хорошо — двух килограммов не наберется (окуньки по 5 см, а плотвичка и того меньше). А летом-то — ужас! — до пяти наловится, да крупная!

Тут мой первый вам совет: внимание! Несмотря на собственную усталость, немедленно организуйте всенародное ликование по поводу величины улова. И второй совет: с максимальной скоростью, весело приступайте к «утилизации» улова. Часть окуньков можно посолить, немного оставить на уху. А если рыбешек еще много и нет придворной кошки, приготовим начинку для пирога.

Пирог с рыбой на скорую руку. Колючих окуньков потрошим, отрезаем головы, укладываем в глубокую сковородку, добавляем чуть-чуть кипяточку и тушим минут пять. Потом счищаем уже мягкую чешую, пропускаем рыбу через мясорубку или отделяем мясо от костей, добавляем соль, перец, жареный лук — и начинка готова.

Тесто делается тоже совсем просто. Пачку маргарина натереть на крупной терке (обязательно), влить 200 г сметаны, всыпать 2 стакана муки и замесить крутое тесто, добавив чуть соли и соды.

Если нет времени, можно тесто оставить в холодильнике на сутки. А если супруг настаивает на немед-

ленной реализации улова («Попробуем пирожков горяченьких!»), то раскатываем тесто в круглый блин, укладываем на сковородку, чтоб края свисали. Затем кладем начинку, посыпая тертым сыром (если найдется) и закрываем края пирога жгутиком, оставив серединку открытой. Смазать поверхность пирога смесью из одной ложки сметаны и одного яйца. Выпекать на среднем жару 40—50 минут.

Есть всей семьей и похваливать: «Ну и начинка — ароматная, свежая, ведь только сегодня в реке плавала!..»

И. ГИНЗБУРГСКАЯ,
жена офицера.
г. Москва.

Ну кто только не воевал с ней! Мальчишки «шашками» рубят, огородницы с корнем выпалывают, и ругают ее все — жгучая, злая. А ей все нипочем. Лишь пригреет солнышко, прямо из стылой земли поднимаются упругие пушистые от-

жгучих ворсинок стебли — спешит крапива подарить себя людям. И не напрасно. Это растение — буквально кладезь витаминов: С (больше, чем в смородине), А, каротин, минеральные соли...

Положите весной в щи, борщ, суп ее молодые побеги — очень полезно и вкусно! Чуть ошпарив, листья колючие добавляют в салаты. Молодые нежные соцветия заваривают вместо чая.

Незаменима крапива в косметике. Это лучшее

ТРАВЫ, ТРАВЫ, ТРАВЫ...

средство для укрепления волос, их роста. 3 ст. ложки сушеной крапивы и мать-и-мачехи залить литром кипятка, настоять, процедить и затем полоскать волосы или втирать в кожу головы.

Заготавливают крапиву в мае-июне, до цветения, сушат в хорошо проветриваемом помещении, избегая солнечных лучей.

Летом в жару можно вернуть в стебли крапивы свежепотрошеную рыбу или мясо и они дольше сохранятся.

А мне вспоминаются весны в огне
И взрывов глухие раскаты.
Хочу, чтобы все мы на этой земле
Добром вспоминали солдата.

ПРИПЕВ.

Мой город родной, где я вырос и жил,
Не сдался в тисках голодовки.
Здесь камушек каждый навек сохранил
Душевную скорбь Писнаревки.

ПРИПЕВ.

Тебе, юный друг, сердце я отдаю
И жить за меня завещаю.
От бед и невзгод храни землю свою.
Ты выполнишь это, я знаю.

ПРИПЕВ.

СОДЕРЖАНИЕ

**ЧИТАЙТЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ**

■ К XXVIII СЪЕЗДУ КПСС

- На перекрестке мнений 3
БЕЛИКОВ И. Не посыпая голову пеплом 5

■ К 45-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ

- ЛЯЩЕНКО Н. Свет великой Победы 1
МАРКОВ С. Маршал Жуков: штрихи к биографии 37
КОМАРОВ Н. Государственный Комитет Обороны 67

■ ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

■ ВЫБОРЫ В СОВЕТЫ: ДЕНЬ НЫНЕШНИЙ

- ШАМКЕЕВ А. «Рассчитывайте на нас» 13

■ В ОСОБОМ РАЙОНЕ

- БУЛГАКОВ Б. Кто поднес спичку? 15
ГЕРАЩЕНКО В. Найти и обезвредить 20
КАРПОВ Б. Комендант Карабаха 23

■ СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА: РЕАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ

- ПАНКРАТОВ Л. Тыл — дому твоему 39

■ ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

- ДУРНЕВ Ю. О чем молчит Швенченский лес 30
УШАР А. Пасынки, или Для кого закон не писан? 43

■ ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

- ЛОССАН Б. Обратная дорога короче (повесть) 48
МИХАНОВСКИЙ В. Боль возвращения (фантастическая повесть, продолжение) 73
ГОНЧАРОВ В. Стихи 46

■ САМ СЕБЕ ТРЕНЕР

- Ушу — искусство и оружие 92

Нас туда двинуло ощущение того, что в Закавказье происходит общегосударственная драма и трагедия...

«КРУГЛЫЙ СТОЛ»

редакции с участием очевидцев январских событий в Закавказье, литераторов России и Азербайджана.

То, что делают сейчас ваши парни — это высшая справедливость: не давать спуску убийцам, не опускать оружия. Мне близка тактика воина, потому что и я была всю жизнь воевательницей, унаследовав дух и нрав своих предков — древних ассирийцев, билась за правду...

ДЖУНА:

«Спасите революцию!»

Либеральные радикалы перестроечного периода, выпячивая Н. С. Хрущева, как творца демократической «оттепели», намеренно «забывают», что он в такой же мере ответствен за массовые репрессии, как Молотов, Ворошилов, Берия, Каганович, Жданов, Маленков...

С. КУЗЬМИН

«К репрессиям причастен...»

Художественное оформление К. Ф. Рожнова, Е. Н. Селиковой.

Технический редактор И. В. Володина.

Корректоры Е. Ю. Гаврилова, И. Ю. Семибратова.

Адрес редакции: 111250, Москва, Е-250.
Телефоны: секретариата — 361-82-57. Отделов: войсковой жизни — 361-85-23, партийной жизни и военно-патриотического воспитания молодежи — 361-81-54, пропаганды — 361-82-87, военного очерка и публицистики — 361-86-27, литературы — 361-85-28, культуры и массовой работы — 361-89-39, художественного оформления — 361-85-21, издательства (вопросы подписки) — 361-80-97, бухгалтерии — 361-85-80.

Сдано в набор 5.03.90 г.
Формат бумаги 70×108¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 13.

Подписано к печати 16.04.90 г.
Зак. № 795.

Г-42305
Усл. печ. л. 8,4+вкл. 1/4 п. л.
Цена 55 коп.

Ордена «Знак Почета» типография «Красная звезда», Хорошевское шоссе, 38.

ВДОЛЖ СЛУВНЫ

В нашем переполненном суетой и неурядицами, глобальными проблемами и рядовыми заботами мире есть еще уголки, где быстротекущая, неостановимая жизнь как бы замедляет свой ход и дает нам возможность поразмыслить «о времени и о себе». И пусть не соблазнится на наживку не подозревающая пока о всеобщей экологической беде рыбешка, пусть выпущенная из ствола дробь пролетит мимо доверчивой к небу птицы — не в этом суть. Слиться с природой, почувствовать себя ее хрупкой частицей — разве этого мало!

Фото Б. ПОПОВА.

**ВАС
ЖДЕТ
ГАЗ**

Горьковский государственный дважды ордена Ленина, ордена Красного Знамени, ордена Отечественной войны первой степени автомобильный завод (производственное объединение ГАЗ) – крупнейшее предприятие страны по выпуску грузовых и легковых автомобилей. Применение новейших достижений отечественной и мировой техники и технологии позволяет заводу выпускать продукцию, отвечающую самым высоким требованиям.

Если вы завершаете службу во внутренних войсках и стоите перед выбором дальнейшего жизненного пути, ГАЗ ПРИГЛАШАЕТ ВАС на постоянную работу по специальностям: токарь, фрезеровщик, слесарь-ремонтник, слесарь-инструментальщик, электромонтер, слесарь механосборочных работ, шлифовщик, штамповщик, газосварщик, кузнец, кузнец-штамповщик,

слесарь-дефектик, наладчик, стропальщик и другим. Лица, не имеющие специальности, обучаются избранной профессии в процессе работы.

ЛЬГОТЫ ДЛЯ АВТОЗАВОДЧАН:

- одиноким иногородним рабочим предоставляется благоустроенное общежитие;
- молодые семьи обеспечиваются комнатой в общежитии, заключаются договоры на получение изолированного жилья по истечении 5 лет работы мужа и жены;
- дети рабочих обеспечиваются путевками в детские учреждения;
- воинам, уволенным в запас и поступившим на работу, оказывается единовременная материальная помощь в размере 200–500 рублей.

За справками обращаться: 603046, Горький, А-46, ГАЗ, управление рабочих кадров. Телефон: 56-14-86.